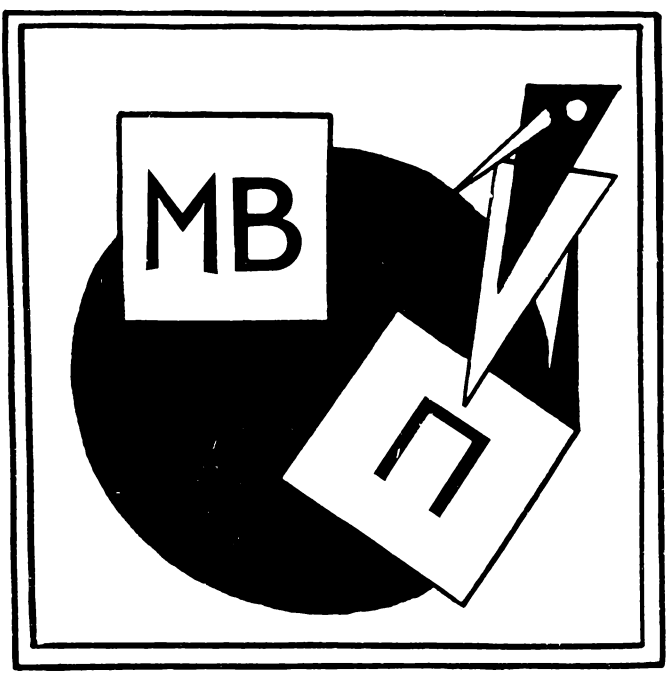
ЯЗЫК: СИСТЕМА И ПОДСИСТЕМЫ.

МОСКВА 1990

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

87516

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

ЯЗЫК: СИСТЕМА И ПОДСИСТЕМЫ

К 70-летию М.В.Панова

Москва 1990

Редакторы:
д.ф.н.М.Я.Гловинская
д.ф.н.Е.А.Земская
Составитель раздела IУ ("Поэтика")
к.ф.н.Е.В.Красильникова

Рецензенты:
д.ф.н.Е.А.Некрасова
к.ф.н.В.А.Робинсон

Обложка А.М.Хинской

© Институт русского языка АН СССР, 1990

4.
Я-41
87516

МИХАИЛУ

ВИКТОРОВИЧУ

ПАНОВУ

Вводное слово

Михаил Викторович Панов – наш Учитель. Терпеливый, добрый, щедрый, требовательный. Он учит и воспитывает своих учеников и своими научными работами, и лекциями, и беседами, и замечаниями на полях, подчас ироничными и даже едкими ("гм", "умственно!", "не пижоньте, пожалуйста" и т.п.), и самим своим поведением, честным и принципиальным.

М.В.Панов – представитель Московской лингвистической школы. Он – научный правнук Ф.Ф.Фортунатова (его учителя и старшие коллеги – А.А.Реформатский, Р.А.Аванесов, П.С.Кузнецов, В.Н.Сидоров – "ученики учеников Ф.Ф.Фортунатова"). МВ дорожит своей "родословной", хранит верность школе, в то же время творчески развивая ее идеи. И его учителя последнее время смотрели на него как на продолжателя и хранителя московских традиций.

Что ценно для нас в научной деятельности Михаила Викторовича?

– ШИРОТА И РАЗНООБРАЗИЕ НАУЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ: в его работах исследуются все языковые ярусы. От фонетики и фонологии как стартовой площадки он идет к другим ярусам: морфологии, словообразованию, синтаксису, лексике, исследуя их с функциональной, "фонологический" точки зрения. В его работах представлены разные аспекты исследования языка: социолингвистика, фонетическая стилистика, фонетическая история и "микроистория", поэтический язык, сценическая речь, орфоэпия, теория письма, история науки.

– ОСНОВАТЕЛЬНОСТЬ, ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГЛУБИНА исследований, сочетающаяся с исчерпывающим описанием того или иного участка языковой системы. Так, его книгу "Русская фонетика" (М., 1967) можно назвать фонетической энциклопедией. Достаточно посмотреть, например, на постраничные сноски этой книги, дающие исчерпывающие материалы по любому, даже и вскользь упоминаемому вопросу.

– СИСТЕМНЫЙ ВЗГЛЯД НА ЯЗЫК и умение видеть общее в частном. Мысли Михаила Викторовича свойственно движение от углубленного изучения фрагмента к размышлению об устройстве целого. Он стремится увидеть тождество единицы самой себе в непохожести ее проявлений ("=эма") и, с другой стороны, обнаружить одинаковость в устройстве разных языковых сущностей (изоморфизм).

В творчестве М.В.Панова почти эстетическую роль играет единичный факт, перестраивающий систему. Михаил Викторович – великий мастер обнаруживать уникальные, драгоценные факты такого рода.

– ЧЕТКОСТЬ, ЛОГИЧНОСТЬ – и в то же время РАСКОВАННОСТЬ, сознательный антиакадемизм изложения. И в этом он – ученик А.А.Реформатского, который отметил "стилистическую афористичность изложения" МВ, "художественный прием детективного уклона". Научный стиль Михаила Викторовича – естественный сплав науки и искусства.

Михаила Викторовича привлекают парадоксальные формы языковых законов и парадоксальные формы их выражения: развитие литературного языка состоит в том, что он все меньше развивается: системность языка выражается им формулой 2-I=0.

– ТАЛАНТ ОРГАНИЗАТОРА. МВ умеет создать среди учеников атмосферу студийности. Ирония, игра, шутка – неотъемлемые элементы, определяющие эту неповторимую атмосферу. Вот пример. Коллектив сектора современного русского языка, который возглавляя тогда Михаил Викторович, пишет монографию "Русский язык и советское общество". Каждые **десять** дней строго, придирчиво обсуждаются куски работы. В то же время МВ признает каждого написать частушку о себе на тему социологии. А если у кого из учеников не хватает на это таланта, то он сам сочиняет за него и от его имени:

"От усердия, кажись,
Протянула ноги я.
Отвяжись, худая жись
И социология".

На лекции по фонетике в МГУ МВ полемически рисует образ ученого, который якобы сформировался в воображении студентов; идет такой ученый-лингвист домой и думает: "вот приду, еще два глагола проспрягаю". А это случай из тех времен, когда МВ в МГПИ только начал читать лекции. Приводится шутливый "пример" из области фонетической стилистики: в высоком стиле произносится [фонэ́ма], в нейтральном – [фан'э́ма], а в разговорном – [фан'о́ма].

– Михаил Викторович – НЕ ПРОСТО ОРИГИНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ,

но и замечательный ПОПУЛЯРИЗАТОР НАУКИ. Не только ученый, но и учитель, школьный, а потом вузовский. Им написаны блестящие популярные книги об орфографии, он составитель, редактор и один из авторов "Энциклопедического словаря юного филолога", вдохновитель, редактор и один из авторов новой школьной программы и написанного по ней Экспериментального учебника в четырех томах для средней школы, автор глав в учебниках для вузов, автор вузовского пособия по фонетике русского языка, автор сборников упражнений для вузов.

Ключевые научные интересы М.В.Панова определялись еще в студенческие годы (он окончил Московский городской педагогический институт в 1941 г.). Он писал: "В институте в то время работал лингвистический студенческий кружок под руководством профессора А.М.Сухотина. Как и многие другие студенты, я участвовал в работе этого кружка; прочел сообщения: "О разных типах произношения слоговых сонорных согласных в русском литературном языке", "Фонетические особенности рифмы у русских поэтов XX в.", "Проблема праязыка" (подготовлено под руководством А.М.Сухотина), "О значениях творительного падежа в русском языке" (подготовлено под руководством проф. А.Б.Шапиро), "О ритмической организации прозы".

М.В.Панов был приглашен в Институт русского языка АН СССР академиком В.В.Виноградовым в 1958 г. С 1964 года он возглавлял сектор современного русского литературного языка.

В 1968 году вышел из печати последний том коллективной монографии, выполненный под его руководством - "Русский язык и советское общество". И потом, после его вынужденного ухода из Института в 1971 году, в секторе разрабатывались проблемы, выросшие из этой монографии и поставленные М.В.Пановым в ярком теоретическом Проспекте к ней (Алма-Ата, 1962 г.): роль антиномий в развитии языка, принципы социолингвистического исследования языка, основные тенденции в развитии грамматического строя русского языка, соотношение разговорной и книжной речи, фонетические изменения и их причины.

Именно в эти годы переживает новый подъем МФШ ("МЯШ", как шутили ученики). Среди лингвистов в то время возникла такая

шутливая периодизация науки: московская школа – новомосковская – пановомосковская.

В 70-е годы М.В.Панов, как и некоторые другие лингвисты, почти не имел возможности публиковать свои работы. Поэтому многие его труды этого времени существуют только в устной форме. Таковы спецкурсы, прочитанные им в МГУ: о языке русской поэзии XVШ–XX вв.; о позиционном синтаксисе; о соотношении фонологий двух "функциональных" школ – московской и пражской; о том, что такое язык.

Михаил Викторович – великолепный знаток поэзии, живописи, театра. Интересны некоторые критерии, сформулированные МВ. Хороший поэт – тот, у которого есть хотя бы одно хорошее стихотворение. Плохой читатель – тот, кому нравится хотя бы одно плохое стихотворение. Поэта, писателя судят по вершинам, а читателя – по провалам.

Мы счастливы, что работаем (да, работаем – хотя МВ отлучен от Института "по собственному желанию" приказом Филина в 1971 году) вместе с МВ. Счастливы от сопричастности к жизни и к делу нашего Учителя. Спасибо ему.

М.Я.Гловинская
С.М.Кузьмина

Русские речевые акты «поздравлять» и «желать».

Рассмотрим следующий пример:

Дорогой Михаил Викторович! Этим сборником мы поздравляем Вас с Вашим семидесятилетием. Желаем Вам здоровья и сил, чтобы осуществить все Ваши творческие замыслы.

На первый взгляд, этот текст кажется банальным и малоинформативным. Однако его анализ с точки зрения теории речевых актов позволяет обнаружить скрывающиеся за трафаретной формой сведения о намерениях говорящих и их отношении к адресату.

Опишем оба речевых акта – «поздравление» и «пожелание» – по отдельности.

«Поздравление».

Примеры: *Поздравив хозяйку с именинницей, старшей дочерью Мари, мы принесли последней наши поздравления (А.Фет). Поздравляю вас с праздником, ваше сиятельство, с благодатью господней (И. Бунин).*

Лейбниц определял *поздравлять* как «заверять, что событие, приятное тебе, приятно также и мне». Близкое определение давал Серль, говоря, что поздравляющему приятно некоторое событие, связанное с адресатом и соответствующее интересам адресата (Серль 1969). Вряд ли можно согласиться с поправкой А.Вежбицкой, состоящей в том, что приятное событие должно быть каким-то образом каузировано адресатом, так, чтобы оно рассматривалось как его достижение (Вежбицка 1985, 271; 1987, 229). Это – частый, но не обязательный случай. Поздравления с праздниками, например, не таковы.

С учетом сказанного предлагаем следующее толкование *поздравлять*:

(I) Актуально какое-то событие Р, о котором говорящий знает, что само это событие либо какие-то его аспекты приятны для адресата.

Поясним элемент 'Р актуально'. *Поздравлять* можно с недавним или предстоящим в скором будущем событием. С событиями давно минувших дней или теми, которые ожидаются очень нескоро, вряд ли можно поздравлять.

(2) Это событие Р приятно также и для говорящего.

(3) Говорящий хочет, чтобы адресат знал, что говорящему тоже приятно событие Р.

(4) Он говорит словесную формулу, принятую для этого.

(5) Он говорит это для того, чтобы адресат знал, что говорящий думает / помнит о нем и хорошо к нему относится.

(6) Говорящий рассчитывает, что адресату будет приятно знать, что говорящий думает о нем и хорошо к нему относится.

Поздравлять сочетается с наречиями или наречными оборотами типа *горячо, искренне, от всей души, от всего сердца.* Показательно, что подобные сочетания допускаются только в том случае, когда событие Р рассматривается как удача для адресата: нельзя сказать **Горячо поздравляю Вас с Новым Годом*; **От всего сердца поздравляем с 1-м Мая*; хотя можно *Искренне поздравляю Вас с выходом прекрасной книги*; *Горячо поздравляю с отменой цензуры*; *От всей души поздравляем с победой блока "Демократическая Россия"* и т.д.

К какому компоненту толкования относятся эти наречия? Мы считаем, что все они относятся к элементу 'приятно' в компоненте (3). *Горячо поздравляю* = 'Мне ОЧЕНЬ приятно'. *Горячо* означает высокую степень радости говорящего.

Искренне, от всего сердца, от всей души означают, что говорящему на самом деле приятно событие Р, подчеркивают искренность его радости.

Компоненты (1)-(3) и (6) представляют собой набор пресуппозиций, компонент (4) является ассерцией, а компонент (5) – это мотивировка речевого акта (ср. структуру толкования речевого акта в Вежбицка 1987).

Все сказанное, естественно, не относится к ироническому употреблению поздравительной формулы, как в следующем примере:

-Читал? - спросил он радостно. - Да, брат, поздравляю, продернули (М.Булгаков).

«Пожелание».

Примеры: *- Что, вы играть собираетесь, кажется? - сказал граф. - Ну, желаю тебе выиграть, Ильин! (Л.Толстой). Так пожелаю же тебе, Василий Палыч, деньжонок, пока они вовсе не отмерли (М. Зощенко).*

Глагол *желать (удачи, счастья)* является, как и *поздравлять*, перформативом: достаточно сказать *Поздравляю... Желаю...*, чтобы действия поздравления и пожелания были выполнены.

Предлагаем следующее толкование речевого акта «желать».

(I) Говорящий хочет, чтобы с адресатом случилось некоторое событие Р.

(2) Он говорит словесную формулу, принятую для этого.

(3) Произнесение формулы как бы способствует осуществлению Р.

(4) Он говорит это, чтобы адресат знал, что чувствует говорящий по отношению к нему.

В отличие от других исследователей, мы не описываем Р как обязательно нечто хорошее. Р может быть и плохим, об этом говорят примеры типа *Желаю тебе провалиться на экзамене.*

Наречия *горячо, искренне, от всего сердца* в сочетании с глаголом *желать* относятся к элементу 'хотеть' в компоненте (I). *Искренне желаю* значит 'искренне хочу, чтобы с адресатом случилось событие Р'. *Горячо желаю* значит 'очень хочу, чтобы с адресатом случилось Р'.

Теперь вернемся к первому примеру и постараемся понять, что же на самом деле имеют в виду поздравляющие, произнося эту формулу.

'Событие Р' = семидесятилетие Михаила Викторовича Панова. Мы не можем сказать точно, какие аспекты этого события приятны для Михаила Викторовича. Нам достаточно, что он сам это знает.

Приятные аспекты этого события приятны также и нам, его ученикам, друзьям и единомышленникам.

Мы хотим, чтобы Михаил Викторович знал, что нам это приятно.

Мы говорим: «Поздравляем Вас, Михаил Викторович, с Вашим семидесятилетием».

Мы говорим это для того, чтобы Вы знали, что мы помним о Вас, думаем о Вас и любим Вас.

Мы надеемся, что Вам будет приятно знать это.

Мы хотим, чтобы у Вас было достаточно здоровья и сил для осуществления Ваших творческих замыслов.

Мы говорим: «Михаил Викторович, желаем Вам этого».

Мы верим, что говоря так, мы способствуем осуществлению этого.

Мы говорим это, чтобы Вы знали, как мы Вас любим.

Литература:

Вежбицка 1985 - Вежбицка А. Речевые акты. «Новое в зарубежной лингвистике», XVI, 1985.

Вежбицка 1987 - Wierzbicka A. English Speech Act Verbs. A Semantic Dictionary. Sydney etc., 1987.

Серль 1969 - Searle J.R. Speech Acts: an Essay in the Philosophy of Language. London, 1969.

К.В.Горшкова

О развитии фонологических идей

> "Когда предметом научного исследования является такой объект, как язык, то становится очевидным, что все вопросы относительно каждого языкового факта надо решать одновременно, и прежде всего надо решать вопрос о том, что следует считать языковым фактом, то есть вопрос о выборе критериев для его определения как такового"
> (Э.Бенвенист 1974)

Определение кратчайшей звуковой единицы как языкового факта оказалось различным, хотя ученые согласны, что звуковые единицы выполняют две основные функции в языке: отождествительную и различительную.

Признав за кратчайшей звуковой единицей отождествительную функцию, ученые по-разному понимают содержание и механизм этой функции, с чем связана принципиально различная природа той единицы, которую принято называть фонемой.

Понимание фонемы как физического тождества ряда звуков, хотя и связано с определенной абстракцией, по своему содержанию ведет к представлению данной единицы как звукового типа, как звука языка в отличие от конкретного звука речи и лишает эту единицу действительного фонологического содержания, так как не позволяет найти закономерные связи фонемы со значимыми единицами языка - морфемой и словоформой, не позволяет получить основания для формального отождествления и различения морфем и словоформ и в конечном счете придать звуковой единице статус языкового факта. Ведь "если фонема определима, то только как составная часть единицы более высокого уровня - морфемы. Различительная функция фонемы основана на том, что фонема включается в ту или иную определенную единицу, которая только в силу этого относится к высшему уровню (Бенвенист 1974).

Такое включение фонемы в единицы высшего уровня возможно лишь при ее определении как функционального тождества звуков, а это означает, что фонема способна объединять

как физически сходные, так и весьма различные звуки. Данное понимание отождествительной функции фонемы особенно важно для таких языков, в которых заметную роль при словообразовании и словоизменении играет позиционная мена звуков перекрещивающегося типа (Аванесов 1956).

Общая идея о фонеме как функциональном тождестве звуков оказалась способной к самодвижению, к развитию, что подчеркивает ее жизненность. В книге Р.И.Аванесова и В.Н.Сидорова "Очерк грамматики русского литературного языка" (1945) фонема определяется как класс аллофонов и рассматривается прежде всего в ее отношении к морфеме, и по-преимуществу с учетом парадигматических отношений. В 1956 году Р.И.Аванесов уже рассматривает фонему в ее отношении к морфеме и к словоформе, считает, что в языках, чья фонетическая система покоится не только на параллельном, но и перекрещивающемся типе позиционной мены, следует выделять две фонологические единицы разного ранга: фонему, сильную или слабую, в словоформе, и фонемный ряд в морфеме. Р.И.Аванесов выводит формулы фонемных рядов, вводит вместо двух три типа транскрипции: фонетическую, словофонематическую и морфофонематическую, формулирует общие законы тождества и нетождества словоформ и морфем, и имплицитно вводит представление не только о парадигматике, но и синтагматике фонологической системы.

О двух фонологических единицах: синтагмофонемах и парадигмофонемах пишет в своей книге "Русская фонетика" М.В.Панов (1968). Здесь М.В.Панов подробно развивает мысли о двух типах законов: парадигматических законах чередования и синтагматических законах сочетания, которые управляют фонологической системой.

При внимательном изучении концепции Р.И.Аванесова, сопоставлении всех его частных и общих выводов и предложенных типов транскрипций оказывается, что основной звуковой единицей, формирующей фонологическую систему как часть общей структуры языка, является одна единица - фонема (в терминах Р.И.Аванесова - сильная фонема). Именно по числу сильных фонем определяется состав фонем данного языка, морфофонематическая транскрипция дана по сильным фонемам, воз-

главляющим фонемные ряды.

Фонема как структурная единица не может быть ни сильной, ни слабой, она определяется в границах морфемы, определяется, но не функционирует. Фонема не может функционировать в пределах морфемы, так как функционирование фонемы может происходить лишь в речевой деятельности, а кратчайшей значимой единицей, способной к самостоятельному существованию в речи, является не морфема, а слово. С учетом синтагматического устройства речи такой кратчайшей единицей будет словоформа.

Важнейшим выводом, который возможен в результате развития идей Р.И.Аванесова и М.В.Панова, представляется вывод о том, что фонема как структурная единица характеризуется парадигматическим устройством. Парадигма фонемы - это иерархически организованная система единиц, связанных отношением позиционной мены, заменяющих друг друга в различных позициях и не способных противопоставляться друг другу в тождественных позициях. Возглавляет парадигму единица, находящаяся в сильной позиции, в которой фонема выступает с максимумом своих дифференциальных признаков и с максимальной различительной силой. Это своеобразный "именительный падеж" фонемы, тот вид фонемы, который представляет ее в "словаре фонем". Каждый член парадигмы реализуется в речи своими аллофонами.

Учение Р.И.Аванесова о фонемных рядах по своей сути есть учение о парадигматическом устройстве фонем русского языка. Формулы фонемных рядов гласных и согласных, выведенные Р.И.Аванесовым, могут быть использованы при определении парадигм русских фонем (К.В.Горшкова 1980).

Вывод о парадигматическом устройстве фонем позволяет определить одну из основных зависимостей фонемы от значимых единиц более высоких уровней языка, это - зависимость в характере структурного свойства. В языках со сложной парадигматикой словоизменения и словообразования будет сложной и парадигматическое устройство фонемы (Бархударова 1988).

Установление зависимости между структурой значимых единиц языка и структурой звуковой единицы - фонемы и определение направления этой зависимости имеет отношение к наибо-

лее общей проблеме, связанной со статусом фонетической системы в структуре языка: ее автономностью, полной зависимостью от системы значимых единиц или относительной самостоятельностью (Панов и др. 1971).

Звуковые единицы, отождествленные в пределах фонемы и выступающие как тождество в морфеме, синтагматически распределены в пределах словоформы. Можно установить связи между парадигматическими законами чередования и синтагматическими законами сочетания звуковых единиц, их относительной свободой или зависимостью, а также направлением этой зависимости.

Такие отношения прослеживаются при сопоставлении морфофонематической и словофонематической транскрипций (Аванесов 1956).

М.В.Панов на учете этих связей вырабатывает идеи о типах фонетических систем (Панов 1977).

Типологические идеи М.В.Панова оказываются более глубокими в своей лингвистической сущности, чем идеи, построенные на соотношении вокализма и консонантизма, так как в большей степени характеризуют звуковые единицы как языковой факт, связывая фонетический уровень с более высокими уровнями языковой структуры.

Идеи М.В.Панова о типологии фонетических систем, о выделении парадигмофонологичных и синтагмофонологичных языков, еще недостаточно разработаны. Но уже первые опыты разработки этой идеи на большом материале русского и английского языка дали интересные результаты и показали, что эти идеи могут стать необходимой теоретической базой сопоставительного изучения языков (Бархударова 1988).

Механизм перехода от синтагматики фонологической системы к синтагматике речи (по Аванесову от словофонематической транскрипции к фонетической) связан с подробной характеристикой позиций, в которых происходит реализация фонемной единицы в звуках речи. Поэтому учение о позициях является важной составной частью фонологии. Значительный вклад в это учение о позициях внесли работы М.В.Панова, среди которых хотелось бы выделить работы автора о диэреме. Они обнаруживают сложную связь между позиционно обусловленным

пограничными сигналами на стыках морфем, характером стыка, фузионным или аглютинативным характером морфонологических чередований, синтетизмом или аналитизмом морфологического строя, степенью не только формальной, но и семантической свободы морфемы.

Теоретические изыскания М.В.Панова в этой области имеют выход в практику, в том числе в школьную практику [Никитина 1989].

Как уже было сказано, в работах М.В.Панова сформулированы идеи о соотношении парадигматики и синтагматики фонологической системы и синтагматики речи [Панов 1977 и др.]. На основе этих идей можно сказать, что характер парадигмы фонем, ее более простое или сложное устройство, связано с синтагматическим размещением членов этой парадигмы. Поэтому парадигма фонем ‹и›, ‹у› в русском языке состоит всего из двух членов и//и; у//у, один представлен под ударением, второй в безударных слогах, парадигмы же фонем ‹а›, ‹о›, ‹е› достаточно сложные. Так, парадигма фонемы ‹о› имеет вид: о// α //α_1//α_2. Основной ее вид реализуется под ударением в начале слова, после парных твердых, парных мягких, заднеязычных и шипящих согласных. Остальные члены парадигмы реализуются в безударных положениях по-разному после парных по твердости-мягкости фонем ‹α›, после заднеязычных ‹α_1›, после шипящих ‹α_2›. Полный набор ДП этой фонемы: "лабиализованность", "средний подъем" имеет лишь ее основной вид, остальные члены имеют лишь признак "неверхний подъем".

Характер парадигмы фонемы предсказывает закономерности поведения данной фонемы в речи. Оказывается, что чем больше членов у парадигмы, чем сложнее ее устройство, тем больший разброс варьирования данной фонемы в речи. И лишь строгая орфоэпическая норма закрепляет данный (один или два) вариант из всех возможных вариантов для данного коллектива говорящих.

Так, фонологическая система русского языка допускает значительное число вариантов при реализации фонем ‹а›, ‹о›, ‹е›, и лишь орфоэпическая норма закрепляет определенные варианты, когда рекомендует произносить: /вада́/, /въдаво́с/, /на́-въду/, /н'и^{e}су́/, /л'и^{e}са́/, /л'ъсаво́т/ и др.

87516

www.ruslang.ru

Проблемы нормы, ее кодификации, стилистического использования вариантов постоянно привлекали внимание М.В.Панова и его учеников [Панов 1990].

Таким образом, на протяжении десятилетий можно проследить, как развиваются старые и появляются новые идеи, связанные с общим представлением об отождествительной функции фонемы, в работах одного научного направления – московской фонологической школы (МФШ).

Как представляется, менее разработана идея о различительной функции фонемы. В этой области и больше разногласий между авторами, принадлежащими одному научному направлению. Прежде всего обращает внимание различное понимание самого статуса дифференциального признака: как особой единицы и как характеристики фонемы. В своих научных работах М.В.Панов вводит понятие дифференциатора как особой фонологической единицы с преимущественно различительной функцией [Панов 1989]. А.А.Реформатский относит дифференциальные признаки наряду с интегральными к характеристике фонемы как кратчайшей единицы. В работах ряда других авторов фонемы охарактеризованы лишь в своих дифференциальных признаках. В одних работах мы найдем описание ДП в терминах акустической фонетики, у других авторов подчеркивается первичная связь с ДП с артикуляционными признаками и обсуждается вопрос о закономерных отношениях между фонологической системой и артикуляционной базой языка [Гамкрелидзе и Иванов 1984; Касаткин 1989].

Обобщая работы последних лет, очевидно, можно уже сформулировать ряд общих положений о различительной функции фонемы и наметить и в этой области определенное движение идей.

Фонемы, чтобы выполнять различительную функцию, должны различаться между собой, т.е. обладать дифференциальными признаками. Набор ДП каждой отдельной фонемы является не простой суммой, а сочетанием, соединенным некоторой закономерной связью (по определению отдельных авторов это – вертикальная сочетаемость ДП (см. Гамкрелидзе и Иванов). Степень свободы сочетаемости ДП зависит от степени свободы сочетания артикуляторных движений, необходимых для реа-

лизации фонем с их ДП в звуках речи с их артикуляторными характеристиками. Поэтому редко встречаются лабиальные палатализованные фонемы типа ⟨р'⟩ ⟨в'⟩, и такие фонемы являются маркированными и чаще дентальные палатализованные типа ⟨t'⟩, ⟨d'⟩.

Очевидно, кроме вертикальной сочетаемости ДП в пределах фонемы, можно говорить о "горизонтальной" сочетаемости ДП разных фонем, входящих в одну систему языка определенной исторической эпохи. Сочетание всех ДП системы образуют иерархическую структуру, в которой одни признаки образуют вершину иерархии, другие - ее более нижние этажи. Например, такими основными признаками в праславянском языке после процессов палатализации согласных был ДП "палатальность" ("средненебность") и, возможно, "напряженность - ненапряженность" у согласных и признак ряда ("передний" - "непередний") у гласных, в современном русском литературном языке и в центральных говорах ДП "палатализованность - непалатализованность", "глухость - звонкость" у согласных и ДП "лабиализованность - нелабиализованность" у гласных [Горшкова 1987]. Такие иерархически более значимые ДП характеризуют центр системы, определяют ее историческое и типологическое своеобразие.

Достаточно жесткая закономерная связь фонологической системы языка и его артикуляционной базы объясняет, очевидно, значительную историческую устойчивость фонологических систем.

Связь артикуляционной базы и фонологической системы проявляется в механизме реализации ДП фонем в речи.

Дифференциальные признаки относятся к сфере языковых абстракций, как и фонемы. Поэтому они одномерны, не имеют количественной характеристики, они могут быть представлены в виде матрицы.

Артикуляционные признаки звуков многомерны, имеют не только качественную, но и количественную характеристику, можно говорить о степени мягкости или о степени напряженности звуков. Поэтому реализация ДП может происходить с помощью ряда артикуляторных признаков, как конститутивных, так и позиционно обусловленных. Определение ДП фонем может

основываться не только на оппозиции фонем, на факте нейтрализации фонем, на правиле, по которому нейтрализуемые признаки всегда дифференциальные, но и на позиционном поведении звуков, реализующих данную фонему или контактирующих с ними.

Успехи современной экспериментальной фонетики приводят отдельных исследователей к мысли, что этот новый экспериментальный материал требует принципиально новых теоретических положений из области фонологии, построения новой фонологической теории. Представляется, что такие суждения являются заблуждением.

Фонология как особая область знаний успешно развивалась на протяжении XX века, накопила сумму теоретических идей, которые относятся не только к истории науки, но и, образуя современный теоретический фундамент фонетических исследований, способны к развитию, имеют будущее.

Литература

Аванесов, Сидоров 1945 - Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.

Аванесов 1956 - Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Бархударова 1988 - Бархударова Е.Л. Структура и функционирование согласных фонем русского языка. АКД. М., 1988.

Бенвенист 1974 - Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа. - В кн.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Гамкрелидзе, Иванов 1984 - Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I. Введение. Тбилиси, 1984.

Горшкова 1980 - Горшкова К.В. О фонеме в языке и речи. - В сб.:Slavia orientalis PXXIX № I/2. Варшава, 1980.

Горшкова 1987 - On reconstructing phonological systems and patterns of their development. - В сб.:Proceedings XIth ICPhS, vol.2. Tallinn, 1987.

Касаткин 1989 - Касаткин Л.Л. Одна из тенденций развития фонетики русского языка. - Вопросы языкознания, 1989, № 6.

Никитина 1989 - Никитина Е.И. Аглютинация и фузия как

две тенденции грамматического строения слова и проблемы преподавания словообразования в средней школе. Дипломная работа (МГУ). М., 1989.

Панов 1968 – Панов М.В. Русская фонетика. М., 1968.

Панов и др. 1971 – Головинская М.Я., Ильина Н.Е., Кузьмина С.М., Панов М.В. О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка. – В сб.: Развитие фонетики русского языка. М., 1971.

Панов 1977 – Панов М.В. О двух типах фонетических систем. – В сб.: Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.

Панов 1989 – Панов М.В. Фонетика. – В кн.: Современный русский язык. Под ред. Белошапковой В.А. М., 1989.

Панов 1990 – Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990.

Л.Н.Булатова

О связи московской диалектологической школы с московской фонологической школой

Своеобразие московской фонологической теории в ряду других фонологических учений известно[1]. Но многим представителям московской фонологической школы (МФШ) свойственно убеждение, что московская фонологическая теория не просто одно из направлений в фонологии, но своего рода лингвистическое мировоззрение, которое определяет подход "московских" фонологов к изучению и других областей языка. Эту мысль наиболее явно выразил Р.И.Аванесов, один из основоположников МФШ. В предисловии к сборнику своих работ он писал: "... фонология не только область языкознания, но и способ лингвистического мышления, элемент лингвистического мировоззрения. Поэтому чем бы ни занимался автор: историей языка, диалектологией, лингвистической географией, лексикологией и лексикографией, не говоря о грамматике и орфографии, - он всегда оставался фонологом или, вернее, ему всегда помогала фонологическая подготовка и, если можно так сказать, фонологическое мышление [Аванесов 1974, 8]. Однако в своих работах, непосредственно не связанных с фонологией, Р.И.Аванесов не акцентирует эту связь и не пользуется фонологической терминологией[2]. Создание общей концепции языка, опирающейся на идеи МФШ, изучение возможностей и особенностей применения ее методов в разных областях языковых исследований - этот круг проблем находится в центре внимания другого выдающегося представителя МФШ - М.В.Панова, и он стремится привлечь к их решению как можно больше лингвистов, разделяющих идеи МФШ.

Отсюда и интерес М.В.Панова к московской диалектологической школе (МДШ), сформировавшейся в процессе работы над диалектологическим атласом русского языка под руководством Р.И.Аванесова. М.В.Панов обратился к диалектологам аванесовской школы с анкетой, целью которой было выявить связь между идеями и методами МДШ и МФШ. Предлагаемая статья является по существу моим ответом на анкету М.В.Панова. Этот ответ ни в коей мере не претендует на полноту и несет на себе печать

моих пристрастий и интересов.

Связь с МФШ обнаруживается и в самой концепции диалектных различий МДШ и в том, что с позиций московской фонологической теории рассматриваются московскими диалектологами как фонетическая система говоров, так и морфологическая система, поскольку она непосредственно связана с фонетической.

Остановлюсь сначала на общей концепции диалектных различий, принятой МДШ. Напомню, что в основе этой концепции лежит предложенное Р.И.Аванесовым понятие диалектного языка как системы систем, по отношению к которой системы отдельных говоров (частные диалектные системы) выступают как ее различные варианты[3]. В этой системе есть постоянные элементы, общие для всех частных диалектных систем (ЧДС) и подвижные, по которым одни ЧДС отличаются от других. Подвижные элементы образуют соотносительные ряды - междиалектные соответствия (или соответственные явления)[4].

Междиалектное соответствие представляет собой ряд функционально тождественных элементов (или систем элементов), члены которого замещают друг друга в различных ЧДС и исключают друг друга в одной и той же ЧДС, например: аканье и оканье, различение форм дательного и творительного падежей имен во множественном числе (к своим семьям - со своими семьями) и их совпадение (к своим семьям - со своим семьям), разнодиалектные названия одного и того же предмета (например: ухват, рогач, емóк или емки́) и т.п.[5]

Понятие соотносительного ряда элементов отдельных ЧДС как единицы системы высшего ранга по отношению к ЧДС (диалектного языка) было разработано Р.И.Аванесовым в процессе изучения фонологических систем русских говоров [Аванесов 1947а], и оно несет на себе печать "фонологического мышления" автора. Так, междиалектное соответствие подобно фонеме в "московском" понимании представляет собой функциональную, а не материальную единицу. И там и здесь функциональные единицы реализуются аллоединицами, каждая из которых выступает в определенной позиции, причем для междиалектных соответствий роль позиций играют ЧДС. Подобно модификациям фонемы (аллофонам) члены междиалектного соответствия замещают друг друга в разных позициях (ЧДС) и исключают друг друга в одной и той

же позиции. Таковы черты изоморфизма основных понятий МДШ и МФШ.

Но насколько закономерно распространять на ЧДС понятие позиций? Не является ли такое словоупотребление всего лишь метафорой? С.В.Бромлей обосновывает подход к ЧДС как к позициям диалектного варьирования ("междиалектной парадигматики") тем, что "всякое диалектное варьирование того или иного элемента языка определяется разным комплексом его структурных связей, меняющихся от системы к системе" [Бромлей 1979, 114].

Конечно, ЧДС как позиции, определяющие реализацию какого-либо междиалектного соответствия ("междиалектной парадигмы") в том или ином его члене, и позиции, определяющие реализацию фонемы в том или ином аллофоне в отдельной языковой системе, имеют существенные различия. Зависимость членов междиалектного соответствия от характера тех ЧДС, где они представлены, более сложна, многомерна, чем позиционная обусловленность аллофонов в одной фонетической системе. Сама обязательность связи между реализацией междиалектного соответствия в том или ином члене и другими признаками данной ЧДС, будучи далеко не одинаковой для разных языковых явлений (например, значительно более жесткой для типов яканья, чем для названий какой-либо реалии), в целом имеет, по-видимому, менее жесткий характер, чем при позиционном варьировании внутри отдельной языковой системы.

Таким образом, термин "позиция" по отношению к ЧДС обозначает менее определенное понятие, чем в терминологии МФШ. Может быть, поэтому сам Р.И.Аванесов не проводил параллели между этими понятиями и не пользовался термином "позиция" по отношению к ЧДС, избегая, как и во многих других случаях (см. примечание 2), расширительного использования терминов, когда это приводит к потере ими первоначальной определенности.

Однако расширительное употребление фонологической терминологии в данном случае имеет и свою положительную сторону. Отражая общие черты, которые есть у внутрисистемного позиционного варьирования языковых единиц и их междиалектного варьирования (при всем различии этих явлений), фонологическая терминология помогает по-новому взглянуть на объект описательной диалектологии и выдвинуть перед ней новые задачи. Подобно

тому, как для каждого языка существуют свои законы позиционного чередования звуков, представляющих те или иные фонемы (зависимость чередований в тех или иных группах фонем от определенного характера позиций), каждый язык имеет и свои законы диалектного варьирования различных элементов его системы (также со своеобразием не только того, что и по каким признакам варьируется, но и с различным значением для этого варьирования того или иного контекста ЧДС). С.В.Бромлей выдвигает как одну из задач описательной диалектологии формулировку законов диалектного варьирования языка, чему должно предшествовать изучение диалектных вариантов тех или иных элементов языка в контексте соответствующих ЧДС [Бромлей 1979, 114-115].

Как уже говорилось выше, связь МДШ с МФШ сказывается не только в определенных чертах общей концепции диалектного языка, но и более непосредственно, поскольку московские диалектологи подходят к изучению звуковой стороны языка с позиций московской фонологической теории, и этим определяется очень многое в самой проблематике, методах и приемах исследований, причем не только в фонетике, но и в других областях изучения диалектного языка (в той мере, в какой эти исследования касаются звукового воплощения тех или иных языковых единиц). В основном это относится к морфологии.

Укажу на некоторые характерные для МДШ проблемы и методы исследований, связанные с идеями и понятиями МФШ.

Поскольку понятие междиалектного соответствия требует четкого определения места того или иного диалектного явления в каждой ЧДС и в диалектном языке в целом, вопросам разграничения уровней языковой системы и, в то же время, их взаимодействию МДШ уделяет большое внимание (главным образом в фонетических и морфологических работах).

Особая актуальность этих проблем для диалектологических исследований заключается в том, что внешне одинаковые явления в одних ЧДС относятся к фонетической, а в других к морфологической системе (или к единицам разного ранга в пределах одной из этих систем). Подобные же отношения могут возникнуть и на разных этапах изменения одной и той же диалектной системы. Распутывание таких, подчас очень сложных, отно-

шений является предметом многих работ МДШ [Аванесов 1974б, Орлова 1950, Бромлей 1977]. Эта проблема решается представителями МДШ с опорой на московскую фонологическую теорию, так как только в рамках этой теории разработаны фонологические единицы, позволяющие снять в описании фонемного состава морфов все те модификации, которые определяются позиционным чередованием звуков.

При определении фонемного состава безударных окончаний (если безударная гласная находится в слабой позиции) может возникнуть затруднение, так как здесь не всегда возможна проверка сильной позицией, даже когда соответствующее ударное окончание имеется. Такая проверка в языке флективного типа, каким является русский, правомерна только в пределах одного и того же словоизменительного типа, а слова с ударными и безударными окончаниями, одинаковые во всех других отношениях, могут принадлежать и к разным словоизменительным типам (например, пирога́ми и овра́гими; сухо́й и ти́хий; гудя́т и хо́дют). Иначе говоря, при определении фонемной принадлежности безударной гласной в составе аффикса следует иметь в виду, что ударность и безударность являются для многих говоров "разными морфологическими позициями" [Бромлей 1973, 162]. Отсюда поиски специальных приемов для определения состава безударных окончаний в спорных случаях [Булатова 1984].

Окончания, в которых имеются фонемы в слабой позиции, привлекают внимание московских диалектологов и тем, что эти окончания наиболее подвержены действию различных морфологических тенденций, вызывающих изменения их фонемного состава [Булатова 1981].

Специфическое для МФШ понятие гиперфонемы (т.е. фонемы в слабом положении, для которой отсутствует сильное положение в пределах того же морфа) оказалось очень плодотворным для диалектологии, как описательной, так и исторической. Будучи представителем всех нейтрализованных в данной позиции фонем, гиперфонема должна бывает "определиться", когда происходят исторические изменения, затрагивающие одну из нейтрализованных в этой позиции фонем. При этом результат может быть разный: совпадение с судьбой той фонемы, к которой она принадлежала этимологически, или отпадение ее от этой фонемы

и переход к другой фонеме [Касаткин 1985, 4]. Эти свойства гиперфонемы важно учитывать не только в исторической, но и в описательной диалектологии, поскольку в разных ЧДС могут быть представлены разные результаты исторических изменений [Захарова, 1970, Высотский 1975, 14-15].

Интерес представителей МФШ к практическому применению фонологической теории в какой-то мере оказал влияние и на московских диалектологов. Были предложены лингвистические основы разработки методики преподавания орфографии в условиях диалектной среды, учитывающие фонемный принцип русской орфографии [Булатова, Касаткин, Строганова 1975]. К сожалению, из-за отсутствия связей с учителями сельских школ и методистами эта проблематика не получила дальнейшего развития.

Наряду с проблемами и методами, которые тесно связывают МДШ с МФШ, у нее есть и ряд своих проблем и методов, вытекающих из задач лингвистического картографирования, интерпретации изоглосс, обработки и оценки дилектологических материалов [Захарова, Орлова 1970; Пшеничнова 1983; Пшеничнова 1987]. Многие из этих методов нейтральны по отношению к идеям и понятиям МФШ и могут использоваться как в работах, написанных с позиций МФШ, так и в других.

Таким образом, если говорить о московской лингвистической школе (МЛШ) как о школе, опирающейся на московскую теорию фонем, но не замкнутой в рамках одной фонологии, то МДШ правильнее, вероятно, считать не частью этой школы, а самостоятельной школой, но тесно связанной и, если так можно сказать, пересекающейся с МЛШ.

Примечания

1. О специфике МФШ писали и ее представители [Панов 1967, 402-410; Реформатский 1970; Сидоров 1971, 13-19] и другие [Протогенов 1970, 23-41].

2. Очень интересно писал об этом М.В.Панов. Он показал, что Р.И.Аванесов неоднократно применял такие диагностические приемы, которые по существу являются переносом приема определения фонемы в позиции нейтрализации на другие объекты (из области синтаксиса, словообразования, акцентологии).

При этом Р.И.Аванесов никогда в таких случаях не употреблял терминов "позиция", "нейтрализация", чему М.В.Панов дал очень верное, по-моему, объяснение: расширенное употребление этих терминов лишило бы их той определенности, которой они обладают в рамках фонологической теории, чего Р.И.Аванесов допустить не мог [Панов 1972, 19-20].

3. Понятие диалектного языка подробно раскрывается во многих работах Р.И.Аванесова [Вопросы... 1962, Русская диалектология 1964, Аванесов 1965].

4. Р.И.Аванесов, предложивший это понятие, назвал его соответственным явлением [Аванесов 1947а, 215]. Термин "междиалектное соответствие" был введен позже Бромлей и мною [Вопросы... 1962, 13], потому что он, по нашему мнению, более подходит к названию ряда и позволяет избежать такого неестественного словосочетания как "член соответственного явления".

5. Это не значит, что разные члены междиалектного соответствия не могут встретиться в одном говоре, если там сталкиваются разные системы (в результате влияния на говор литературного языка, другого говора или в результате его спонтанного изменения).

Библиография

Аванесов 1947а – Аванесов Р.И. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка // Изв. ОЛЯ АН СССР. 1947, № 3.

Аванесов 1947б – Аванесов Р.И. Об одной фонетико-морфологической особенности северновеликорусских говоров // Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ. 1947, вып.2.

Аванесов 1965 – Аванесов Р.И. О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1965.

Аванесов 1974 – Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Бромлей 1973 – Бромлей С.В. Противопоставленность I и II спряжений в русских говорах и литературном языке // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

Бромлей 1977 – Бромлей С.В. Морфологические следствия взаимодействия говоров на фонетическом уровне // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.

Бромлей 1979 – Бромлей С.В. Роль описательной диалектологии в характеристике общих свойств структуры языка (к постановке вопроса) // Изв. ОЛЯ АН СССР, 1979, № 2.

Булатова 1981 – Булатова Л.Н. Взаимоотношение окончаний одноименных форм существительных и прилагательных в русских говорах (на материале безударных окончаний творительного падежа множественного числа) // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.

Булатова 1984 – Булатова Л.Н. О специфике определения фонемной принадлежности безударных гласных в составе окончаний (на материале русских говоров) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1981. М., 1984.

Булатова, Касаткин, Строганова 1975 – Булатова Л.Н., Касаткин Л.Л., Строганова Т.Ю. О русских народных говорах. М., 1975.

Вопросы... 1962 – Вопросы теории лингвистической географии. Под ред. Р.И.Аванесова. М., 1962.

Высотский 1975 – Высотский С.С. К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.

Захарова 1970 – Захарова К.Ф. Типы диссимилятивного яканья. Автореф. канд. дисс. М., 1970.

Захарова, Орлова 1970 – Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Касаткин 1985 – Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная фонетика как источник для истории русского языка. Автореф. докт. дисс. М., 1985.

Орлова 1950 – Орлова В.Г. Губные спиранты в русском языке // Труды Ин-та рус. языка АН СССР. М., 1950.-Т.2.

Панов 1967 – Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.

Панов 1972 – Панов М.В. Р.И.Аванесов-фонолог // Русское и славянское языкознание. К 70-летию чл.-корр. АН СССР Р.И.Аванесова. М., 1972.

Протогенов 1980 – Протогенов С.В. История учения о фонеме. Ташкент, 1970.

Пшеничнова 1983 - Пшеничнова Н.Н. Лингвогеографический и статистический анализ стяжения в русских говорах (о комплексном подходе к исследованию языковых явлений) // Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования. М., 1983.

Пшеничнова 1987 - Пшеничнова Н.Н. О классификации частных диалектных систем вероятностно-статистическим методом // Русские диалекты. М., 1987.

Реформатский 1970 - Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Русская диалектология 1964 - Русская диалектология. Под ред. Р.И.Аванесова и В.Г.Орловой. М., 1964.

Сидоров 1971 - Сидоров В.Н. О московской фонологической школе // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.

Р.Ф.Касаткина

О фразовых условиях фонетической вариативности гласных

Концепцию Московской фонологической школы пронизывает идея позиционности. Вопрос о позициях для реализации фонем в пределах фонетического слова разработан в трудах московских фонологов с исчерпывающей полнотой. Что касается более широкого контекста, в котором развертываются фонетические события, то здесь еще многое предстоит исследовать.

Набор звукотипов, которыми оперирует русский говорящий, включает и такие, которые порождаются в условиях реализации фразы. Таковы, например, дифтонгические гласные, выступающие на месте фонем <е> и <о>, придыхательные смычные согласные, глухой [j̊], гортанная смычка ("кнаклаут"). Все эти реализации относятся к числу "просодических" и обычно находятся на периферии исследовательского внимания фонетистов. Однако частотность этих звукотипов в речи и повторяемость ситуаций, их порождающих, позволяют поставить вопрос о том, можно ли определить те позиции, в которых появляются те или иные "просодические" реализации фонем.

В работе [Высотский 1967] намечена программа изучения "фразовой", или "синтаксической" фонетики.

Несмотря на то, что подходы к такому изучению фонетики разрабатываются уже давно и сделаны многие шаги в этом направлении, все же создание русской фразовой фонетики – дело будущего.

Одной из первых работ в области фразовой фонетики русского языка была книга [Златоустова 1962]. Сведения о фонетических характеристиках звуков русской речи приводятся в этой работе с учетом фразово-интонационных характеристик.

В настоящее время накоплен большой фонд знаний о структуре ритмико-динамической организации фразы. Исследования [Николаева 1969; 1977] показали, что динамическая и темпоральная составляющие славянской и в частности русской фразы действуют разнонаправленно: интенсивность убывает к концу фразы, длительность же звуков к концу фразы увеличивается. Таким образом, во фразе оказываются выделенными две части – начальная (интенсивностью) и конечная (длительностью). При слуховом восприятии эти два центра (при компенсации и неразличении параметров) могут казаться равно выделенными: слух отмечает "ударение" вообще, не разли-

чал, акцентное оно или временно́е.

Исследования Е.А.Брызгуновой о тембровых характеристиках центра интонационной конструкции [Брызгунова 1969; 1971] дают основания искать сильную фразовую позицию для гласных в интонационном центре. Ее же наблюдения над записями спонтанной речи подтверждают тезис Т.М.Николаевой об относительной силе конечной фразовой позиции. Ср. отмечаемые Е.А.Брызгуновой реализации конечных безударных гласных в звукотипе [е] [Брызгунова 1984].

В то же время, благодаря работам [Николаева 1971] и [Светозарова 1982], мы располагаем сведениями об иерархии словесных ударений в составе фразы, что дает ключ к разгадке различных реализаций ударных гласных в составе фразы. Наблюдения над разного рода "неправильностями" в произношении ударных гласных накоплены в исследованиях по фонетике русской разговорной речи (ср., напр., [Розанова 1978]). Фразовой обусловленности некоторых диалектных фонетических явлений посвящены работы [Высотский 1967] и [Пауфошима 1983].

Свойственно ли современному русскому литературному произношению эканье? Есть ли в русском литературном произношении дифтонги? На оба эти вопроса можно получить утвердительные ответы, если учитывать все фразовые позиции.

Что произносится в конечном открытом слоге в соответствии с фонемами <а>, <о>, <е>, <и>? Оказывается, что однозначного ответа на этот вопрос не существует – в разных фразовых позициях реализации одной и той же фонемы будут разными. Так, например, фонема <а> представлена следующими звуками: [а], [а̯], [ъ] после твердых согласных и звуками [ӓ], [ёа], [ъ], [ъ], [и] – после мягких.

Фонема <у> в безударных слогах в большинстве фразовых позиций реализуется в делабиализованных гласных ([ъ], [ы], [и] и др.), а фонемы <и> и <е> в позиции конца фразы могут воплощаться в гласном [е].

Однако все эти закономерности носят нерегулярный, вероятностный характер: можно говорить лишь о преобладании тех или иных реализаций фонемы в определенной фразовой позиции.

Рассмотрим понятие позиции применительно к слову и применительно к фразе.

Позиция в составе слова характеризуется стабильностью, поскольку, даже если рассматривать слово в речевом аспекте (фонетическое слово), то оптимальными условиями для его реализации будут

условия, когда фонетическое слово равно фразе, т.е. позиция в однословной фразе. В таком случае и начало слова, и его конец имеют вполне определенные просодические характеристики, очерченные рамками фразовой просодии: начало выделено энергией, конец – длительностью. Ударный гласный – воплощение интонационного центра, что создает наиболее благоприятные условия для реализации всех характеристик гласного. В то же время относительная компактность слова-фразы, небольшая его линейная протяженность снимает возможность гипертрофированной реализации тех или иных характеристик.

Следовательно, фонетические позиции сегментов, составляющих слово, характеризуются стабильностью, а фонетические закономерности, проявляющиеся в них, отличаются регулярностью. Позиция во фразе в неизмеримо большей степени подчиняется случайности.

В статье ставится задача выяснить, как изменяются (качественно и количественно) безударные гласные в зависимости от фразовых позиций в русской литературной речи. Рассматривались модификации гласных как в предударных слогах, так и в заударных. Кроме того, анализировались также и гласные под ударением с точки зрения их изменчивости в зависимости от фразовой позиции.

Отдавая себе отчет в том, сколь многообразными могут быть фразовые позиции, мы ограничились на этом этапе исследования только следующими:

I. Исследовались фразы, произнесенные только с интонацией завершенности – ИК-I.

2. Из этих фраз выбирались позиции начала фразы, начала синтагмы, конца синтагмы, конца фразы и неконечного положения слова.

3. Рассматривались позиции конца фразы под фразовым ударением и не под фразовым ударением.

Для решения поставленных задач был проанализирован следующий текст, прочитанный четырьмя дикторами, носителями нормативного произношения.

Море плескалось где-то далеко внизу.
Где-то далеко внизу плескалось море.
Катя приехала на дачу сегодня.
Сегодня на дачу приехала Катя.
Катя приехала сегодня на дачу.
Потом вместе мы поехали к Маше.
К Маше мы поехали вместе.
От Маши мы вернулись поздно.
Мы поздно вернулись от Маши.

Они назвали девочку Дашей, а мальчика Сережей.
Дашей они назвали старшую девочку, а младшую Настей.
Снег падает на это поле.
На это поле падает снег.
Снег лежит на этом поле.
На этом поле лежит снег.

Последние четыре предложения – примеры из книги [Панов 1979].

Поскольку все приведенные фразы допускают различное синтагматическое членение, то были проверены разные варианты: напр., Они назвали девочку Дашей / а мальчика Сережей // и Они назвали девочку / Дашей / а мальчика / Сережей // и т.п.

Прослушивание полученной магнитофонной записи с помощью сегментатора показало большую вариативность как гласных под ударением, так и безударных гласных. Ниже приводятся результаты прослушивания текста, произнесенного четырьмя дикторами.

Гласные под ударением

Были рассмотрены реализации гласных только среднего подъема в разных фразовых позициях, поскольку, как отмечал С.С.Высотский, именно здесь наблюдаются наибольшие различия. Поэтому остановимся на реализациях ударных гласных среднего подъема – ⟨о⟩ и ⟨е⟩, попадающих в разные фразовые позиции. В словах море, сегодня, далеко, поздно, поле, снег под ударением – гласные среднего подъема. Ниже приводятся их реализации в позициях начала фразы, середины и конца (под фразовым ударением).

Гласные под ударением ⟨о⟩, ⟨е⟩
в произношении четырех информантов

Слово	начало фразы		середина фразы		конец фразы	
	гласный	длительность в мс.	гласный	длительность в мс.	гласный	длительность в мс.
I	2	3	4	5	6	7
море	о	73			ўо	I28
	о	90			ўо	I25
	о	80			ўо	I32
	о	85			ўо	I29
сегодня	о	86			ўо	I30
	о	79			ўо	I30

I	2	3	4	5	6	7
	о	82			у͡о	I42
	о	75			у͡о	I25
далеко			о	8I		
			у͡о	I00		
			о	89		
			о	92		
поздно			о	83	у͡о	II7
			у͡о	I03	у͡о	I49
			о	96	у͡о	I33
			о	98	у͡о	II5
поле			о	80	у͡о	I25
			о	85	у͡о	I35
			о	97	у͡о	II8
			о	75	у͡о	I07
поле			о	99	у͡о	I05
			у͡о	I20	у͡о	I34
			о	I05	у͡о	I27
			о	II3	у͡о	I30
снег	е	88			и͡е	I66
	е	5I			е	94
	е	78			и͡е	II3
	е	65			и͡е	II8
снег	е	88			и͡е	I46
	е	75			и͡е	I50
	е	85			и͡е	I35
	е	86			и͡е	I38

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что в позиции начала фразы гласные [о], [е] произносятся энергично, характеризуются небольшой длительностью (50–90 мс.) и реализуются в монофтонгах [о], [е]; в позиции конца фразы их произношение характеризуется вялостью артикуляции, малой интенсивностью, большой длительностью (95–I70 мс.), дифтонгичностью. Гласные фонемы ⟨о⟩, ⟨е⟩ реализуются в этой позиции преимущественно в дифтонгах [у͡о], [и͡е]. В позиции середины фразы реализации гласных среднего подъема находятся в зависимости от синтагматического членения: при произношении фразы в одну синтагму гласные среднего подъема

реализуются в монофтонгах и характеризуются относительно небольшой длительностью.

В тех же случаях, когда фраза членится на две синтагмы (напр. На это поле / падает снег), и слово с ударным гласным среднего подъема оказывается перед синтагматическим швом, реализации ударного гласного начинают напоминать его звучание в конце фразы: об этом свидетельствует увеличение длительности гласного и его дифтонгичность.

Предударные гласные

Из предударных гласных были обследованы реализации <е> и <'о> в первом предударном слоге в словах плескалось, далеко, сегодня, вернулись, лежит.

Данные о произношении гласного первого предударного слога в этих словах четырьмя информантами приведены в таблице.

Реализация <е>, <'о> в I-ом предударном слоге

Слово	начало фразы		середина фразы		конец фразы	
	гласный	длительность в мс.	гласный	длительность в мс.	гласный	длительность в мс.
I	2	3	4	5	6	7
плескалось			е	6I		
			и	73		
			е	78		
			$е^{и}$	69		
далеко			е	63		
			$и^{о}$	64		
			$е^{и}$	65		
			е	62		
сегодня	и	45			е	60
	е	76			е	76
	и	55			е	80
	е	60			е	72
вернулись			е	8I		
			е	43		
			е	45		
			и	52		

I	2	3	4	5	6	7
вернулись			e^{o}	63		
			e	43		
			e	62		
			$e^{и}$	55		
лежит			и	I20		
			e	75		
			и	97		
			и	87		
лежит			и	I20		
			ẹ	75		
			и	I02		
			и	98		

Заударные гласные

В заударных слогах рассмотрим отдельно реализации гласных в конечных открытых слогах и конечных закрытых слогах.

Гласные в конечных заударных открытых слогах

Слово	начало фразы		середина фразы		конец фразы	
	гласный	длительность в мс.	гласный	длительность в мс.	гласный	длительность в мс.
I	2	3	4	5	6	7
море	и	68			e	I06
	ъ	5I			e͡a	I35
	ъ	58			a	I30
	$ъ^{и}$	62			e͡a	I25
Катя	ъ	53			ẹ	99
	ъ	44			e͡a	I02
	ъ	50			ä	
	ъ	55			á	
на дачу			ъ	50		
			ъ	37		
			ъ	45		
			ъ	47		

I	2	3	4	5	6	7
сегодня	а	50	а	93		
	ь	40	а	82		
	ъ	45	а	80		
	и	52	а	75		
на дачу			ý	68	у	80
			ь^{у}	24	у	85
			ь	38	у	67
			ý	45	у	68
вместе			ь^{а}	36	е	94
			ь^{а}	36	е	8I
			ь	40	ь	75
			и	52	и	80
к Маше	ъ	36			э	93
	ъ	29			э	I30
	ъ^{э}	40			э	I28
	ъ	38			э	I2I
от Маши	ъ	30			звук неясного тембра	
	ъ^{ы}	29			э	II9
	ъ	32			ы	I05
	ы	40			ы^{э}	II2
поздно	ы	63			а	94
	ъ^{ы}	5I			а	I25
	ъ	6I			а	II7
	ы	72			а	I00
девочку			у	82		
			ъ	83		
			ъ^{у}	75		
			у	85		
мальчика			а	98		
			ъ^{а}	95		
			а	I03		
			ъ^{а}	II2		

Своеобразие позиции конца неконечной синтагмы заключается в том, что по законам русской интонационной системы она оформляется с помощью интонационных конструкций ИК-3, ИК-4, ИК-6. В русской

речи наиболее частотна в этой функции ИК-3. При произношении примеров в нашем опыте синтагматическое членение производилось с использованием именно этой интонационной конструкции, напр.:

Катя / приехала на дачу сегодня.

Девочку / они назвали Дашей.

Сегодня на дачу / приехала Катя.

Как уже было сказано выше, разные мелодические оформления могут быть связаны с разными реализациями речевых звуков. Вопрос этот совершенно не исследован, и мы в данном разделе намеренно ограничили свою задачу исследованием фраз, оформленных ИК-I. При анализе позиции конца неконечной синтагмы (Сегодня на дачу / приехала Катя) остается неясным, можно ли рассматривать эту позицию как тождественную позиции конца фразы, произнесенной с ИК-3: Сегодня на дачу? - или между этими позициями есть различия. Этот вопрос нуждается в дальнейшей экспериментальной проверке.

Слово	начало фразы		середина фразы		конец фразы	
	гласный	длительность в мс.	гласный	длительность в мс.	гласный	длительность в мс.
на это	ъ^{э}	72				
	ъ	43				
	ъ	56				
	ъ	45				
поле (вин. пад.)			ъ^{о}	63	e͡a	95
			е	43	ä	I00
			ъ	52	e͡a	87
			ъ^{е}	57	е	79
поле (предл. пад.)			и	82	е	II4
			ь	43	е	II9
			е	54	и	I07
			и	60	е	II2

В позициях конца синтагмы выступали лишь некоторые слова: Катя, поле (вин. пад.), поле (предл. пад.). Конечные гласные в этих случаях отличались большей длительностью, чем в позиции внутри синтагмы (85-I20 мс.) и более отчетливыми тембральными характеристиками: Катя - [ä], [à], [e͡a], [ę]; поле (вин.п.) - [е], [e͡a], [ä]; поле (предл. п.) - [и], [е].

Слово девочку оказалось в позиции конца синтагмы не под синтагматическим ударением. Реализации конечного гласного были следующими: [ъ], [ъ^{у}], [у] при длительности 75–85 мс.

Гласные конечных заударных закрытых слогов

Слово	начало фразы		середина фразы		конец фразы	
	гласный	длительность в мс.	гласный	длительность в мс.	гласный	длительность в мс.
Дашей					э	95
					ъ^{э}	82
					ъ	75
					э	72
Сережей					э	I05
					ъ^{э}	II2
					ъ	98
					э	95
Дашей	ъ	35			э	I02
	ъ	40			ъ^{э}	98
	ъ	38			э	95
	ъ	5I			ъ^{э}	85
Сережей					э	II5
					э	95
					э	83
					э	97
Настей					и	I05
					и^{е}	97
					е^{и}	II2
					е	I30
на этом	ъ^{э}	36	ъ	29		
	ъ	30	ъ	32		
	ъ	37	ъ	32		
	ъ	40	ъ	40		

Приведенные данные свидетельствуют о том, что различительная сила фразовых позиций для гласных заударных слогов неодинакова. Наибольшей различительной силой обладает позиция конца фразы под фразовым ударением. Позиция же начала фразы, так же как и позиция

середины фразы обладают наименьшей различительной силой – количество аллофонов, в которых реализуются гласные фонемы заударных слогов, здесь минимально.

Важно еще отметить, что различительная сила позиции под фразовым ударением в конце фразы распространяется на все слово в целом, включая и заударные слоги – положение под фразовым ударением "высветляет" весь сегментный состав слова, а не только слог, несущий ударение.

Другой вывод: варьированию в зависимости от фразовых условий наиболее подвержены заударные гласные открытых конечных слогов, гласные же конечных закрытых слогов проявляют бо́льшую устойчивость к диктату фразовой просодии.

Гласные фонемы заударных открытых слогов в слабых фразовых позициях, т.е. в позициях начала и середины фразы реализуются в небольшом количестве аллофонов. После твердых согласных фонемы ⟨а⟩, ⟨о⟩, ⟨и⟩, ⟨е⟩, ⟨у⟩ могут нейтрализоваться, совпадая в одном варианте [ъ]. См., напр.,

⟨а⟩ (приехала, мальчика) – [ъ], [ъ^{а}], [а];
⟨о⟩ (поздно, где-то) – [ъ], [ъ^{а}], [ъ^{ы}], [ы];
⟨и⟩ (от Маши) – [ъ], [ъ^{ы}], [ы];
⟨е⟩ (к Маше) – [ъ], [ъ^{э}];
⟨у⟩ (девочку) – [ъ], [ъ^{у}], [у].

Как видно из приведенных примеров, помимо общего для всех пяти фонем аллофона [ъ] в слабой фразовой позиции могут выступать и некоторые другие аллофоны, напоминающие основной вид фонемы – [ъ^{а}], [а], [ъ^{ы}], [ы], [ъ^{э}], [ъ^{у}], [у]. Эта вариативность связана со спецификой фразовых позиций, где, как было сказано выше, действуют не регулярные, а вероятностные закономерности. Нам важно подчеркнуть, однако, что в этой фразовой позиции есть хотя бы один аллофон, общий для всех пяти фонем – [ъ].

После мягких согласных в открытых заударных слогах выступают следующие гласные фонемы: ⟨а⟩, ⟨о⟩, ⟨е⟩, ⟨и⟩, ⟨у⟩. В слабой фразовой позиции они реализуются в следующих гласных:

⟨а⟩ (Катя, сегодня) – [ъ], [ь], [и], [а];
⟨о⟩ (море, поле – в.п.) – [ъ], [ь], [ь^{и}], [и], [ъ^{е}], [ъ^{о}], [е];
⟨е⟩ (поле – п.п.) – [ь], [и], [е];
⟨и⟩ (у Кати) – [ь], [и];
⟨у⟩ (на дачу) – [ь], [ь^{у}], [у].

Следовательно, после мягких согласных наблюдается более сложная картина. С одной стороны, есть аллофон [ъ], общий для всех пяти фонем. С другой стороны, только две фонемы – <а> и <о> могут реализоваться в аллофоне [ъ], что отличает их от трех других гласных фонем. В этой непоследовательности можно усмотреть столкновение двух тенденций: I) сохранения старой произносительной нормы, заключающейся в различении после мягких согласных фонем <а>, <о>, с одной стороны, и <е>, <и>, с другой, и 2) возникновения новой нормы, требующей нейтрализации всех этих фонем в позиции заударного открытого конечного слога.

На этот частный случай проявления старшей нормы обратил внимание Р.И.Аванесов. Он писал: "Литературному языку в его старо-московском варианте и в сходной с ним в этом отношении части ср-в-р. говоров свойственно следующее произношение: фонема е̂ в заударном слоге после мягких согласных реализуется в варианте ь̃ (или и̃); фонемы о̃ и а̃ в том же положении не в падежных окончаниях также реализуются в варианте ь̃ ... Однако в падежных окончаниях, особенно последовательно у существительных, фонемы о̃ и а̃ в заударном слоге после мягких согласных и шипящих совпадают в варианте ъ̃ (а не ь̃, как в прочих случаях!)" Аванесов 1949, с. 118 .

Это положение Р.И.Аванесова стало одним из важных моментов в исследованиях динамики русской произносительной нормы. Социолингвистические исследования в области фонетики современного русского языка показали, что различение после мягких согласных фонем <а>, <о> и <е>, <и> в заударных флексиях как существительных, так и глаголов, широко представленное в начале XX в., к нашему времени все больше утрачивает свои позиции, причем изменение произношения наблюдается от [ъ] к [ь] (см., напр., [Панов 1968, с. 42–56]). Л.А.Вербицкая считает, что неразличение [ъ] и [ь] и совпадение их в [$e^{и}$] в заударных флексиях свойственно современному ленинградскому произношению, в отличие от старомосковского. Новомосковскому произношению, по мнению Л.А.Вербицкой, уже свойственно совпадение всех четырех фонем в звукотипе [и] Вербицкая 1976, с. 73].

Наше исследование слабых и сильных фразовых позиций показало, что различение [ъ] и [ь] в заударных флексиях живо до сих пор, поскольку даже в слабых фразовых позициях оно сосуществует с неразличением этих звукотипов и совпадением их в [ь] или [и].

Несколько неожиданной оказалась частая реализация <у> в делабиализованных гласных.

В сильной фразовой позиции, т.е. в конце фразы под фразовым ударением различение заударных <а>, <о> и <е>, <и> сохраняется. Фонема <у> реализуется здесь в звукотипах тембра [у].

Литература

Аванесов 1949 – Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. Ч. I. М., 1949.

Брызгунова 1969 – Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М., 1969.

Брызгунова 1971 – Брызгунова Е.А. О смыслоразличительных возможностях русской интонации. ВЯ, 1971, № 4.

Брызгунова 1984 – Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.

Вербицкая 1976 – Вербицкая Л.А. Русская орфоэпия. Л., 1976.

Высотский 1967 – Высотский С.С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.

Златоустова 1962 – Златоустова Л.В. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.

Николаева 1969 – Николаева Т.М. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969.

Николаева 1971 – Николаева Т.М. Соотношение фразовой и словесной просодии // Сборник филологии и лингвистики, № 16. Нови Сад, 1971.

Николаева 1977 – Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.

Панов 1968 – Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М., 1968 (Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М.В.Панова).

Панов 1979 – Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

Пауфошима 1983 – Пауфошима Р.Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.

Розанова 1978 – Розанова Н.Н. Суперсегментные средства русской разговорной речи (на материале ударения в потоке речи). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.

Светозарова 1982 – Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.

Л.Л.Касаткин

К истории твердости – мягкости заднеязычных согласных в русских говорах

Развитие в русском языке мягкости у заднеязычных согласных и формирование у них противопоставления по твердости – мягкости проходило иначе, чем у других согласных. Ряд фонетических изменений, затрагивавших в прошлом заднеязычные согласные, мог проходить именно в результате того, что противопоставление по твердости – мягкости у этой группы согласных еще не сформировалось. Этими изменениями были переход [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и] и прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных. Об этом же говорит и отсутствие регрессивного ассимилятивного смягчения переднеязычных согласных перед мягкими заднеязычными. Однако к настоящему времени формирование категории твердости – мягкости у заднеязычных согласных, по-видимому, закончилось во всех русских говорах, как и в русском литературном языке, а в части говоров возникло еще до падения редуцированных гласных.

Рассмотрению этих вопросов был посвящен ряд моих работ [Касаткин 1965; 1966; 1968; 1983; 1984]. Новые факты и новые точки зрения заставляют вернуться к этим проблемам.

1. Изменение [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и] объяснялось мною как результат устранения некоторых противоречий, возникавших в процессе изменения фонологической системы в связи с формированием у согласных фонем дифференциального признака "твердость – мягкость". При этом согласные [к, г, х] и [к', г', х'] представляли собой вариации фонем ⟨к, г, х⟩, не обладавших ДП "твердость – мягкость", а звуки [и] и [ы] стали вариациями одной фонемы ⟨и⟩ [см. Касаткин 1965, с. 66–69; 1984, с. 42–46].

Рассмотренное изменение было характерно для многих русских говоров. Однако ряд севернорусских говоров этим изменением как процессом фонетическим, по-видимому, затронут не был.

В материалах неопубликованного Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы, хранящихся в Институте русского языка АН СССР, отмечены примеры произношения [кы, гы, хы] в различных населенных пунктах на территории северного наречия: I сухи́е, русых; 77 погы́бл'и; 93 помоги́; II8 кыб'и́т'ен'к'и; I78 д'е́ўоч'кы; I79 шшэпкы; I83 р'ики́; I85 на рыки́, руки́, со́лнышкы; 238, 241 кыска; 358 фс'а́кыйи; 361 н'ив'е́скы, друга́; 529 на р'аки́, на наги́; 557 на наги́; 565 нъ наги́; 629 кып'ато́к; 634 русаки́; 665

н'е́ за кым; 685 из кып'ач'ен'йа; 753 ма́ркы, кы́ска; 786 кы́сон'к'и; 788 кы́сlо; 809 до́угы; 853, 897 кы́ска; 925 скырды; 948 кырп'ищ"; 987 кы́ска; I223 кылом'етроф, кылом'етр; I408 кы́ска (см. карта 98 "Звуки на месте мягких к, г", автор Л.Л.Касаткин). В некоторых архаических вологодских говорах я отметил слова кыщ'и́га, могы́ла, нагышо́м. В разных местах Архангельской области, по данным О.Г.Гецовой, до сих пор говорят кычи́га, кы́слой, кы́мо, кы́да, шкы́рка, шкырча́ть, княгы́ня, другы́жда, гы́ря, из Ры́гы, музгы́рь, музгырёвой, гы́гаться, хышнуть, хы́рать, хырча́ть, хы́нбать и др. [Гецова I979, с. I83–I84].

Сохранение [кы, гы, хы] в севернорусских говорах может объясняться разными причинами, заключающимися в особенностях фонологических систем этих говоров. Так, в некоторых архаических вологодских говорах фонемы ⟨и⟩ и ⟨ы⟩ не совпали в одной фонеме, звуки [и] и [ы] продолжают выступать как представители разных фонем. Перед [и] сохраняется мало поколебленное произношение твердых [к, г, х] [см.: Касаткин I973, с. 6I, 64, 69; I984, с. I2–I4, 23, 26–28]. Следовательно, в этих говорах не было причин для перехода [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и].

В архангельских говорах, как, возможно, и в других говорах, развившихся из древнего новгородского диалекта, была иная причина для сохранения [кы, гы, хы]. Здесь рано возникло противопоставление твердых и мягких заднеязычных согласных. Об этом могут говорить написания причастий рькѧ, поверьгѧ, сверьгѧ и т.п. в новгородских памятниках XIУ в. [см. Шахматов I9I0, с. 553]. Об этом же говорит и форма повелительного наклонения от глагола лечь – ле[к']́, отмеченная П.С.Кузнецовым в архангельских говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы [Кузнецов I949, с. 36] и О.Г.Гецовой в ряде других архангельских говоров (по ее устному сообщению), а также пример поп'ер'е́к' (поперёк), записанный мною в трех говорах Лешуконского района Архангельской области.

Раннее возникновение противопоставления заднеязычных согласных по твердости – мягкости в русских говорах северо-запада было связано, по-видимому, с другой особенностью заднеязычных на этой территории – отсутствием у них второй палатализации. Смягчение заднеязычных перед ѣ и и дифтонгического происхождения не приводило здесь к совпадению заднеязычных со свистящими [см. Глускина I968; Зализняк I986, с. III–II9].

Звуки [к', г', х'] возникли здесь гораздо раньше, чем в гово-

рах других русских областей, еще до падения редуцированных гласных <ъ, ь>. Поэтому и противопоставление <к, г, х> и <к', г', х'> могло сложиться здесь тогда же, когда возникало противопоставление по твердости – мягкости у переднеязычных согласных. Следовательно, и здесь не было причин для перехода [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и].

Чем же объяснить, что все-таки в большинстве случаев мы находим в архаических вологодских говорах [ки, ги, хи], в архангельских говорах [к'и, г'и, х'и], а примеры с [кы, гы, хы] единичны? По-видимому, это объясняется инодиалектным воздействием. Замена сочетаний [кы, гы, хы] на [ки, ги, хи] и [к'и, г'и, х'и] произошла здесь под влиянием литературного языка и говоров, знающих произношение [к'и, г'и, х'и] [ср. Зализняк 1986, с. 119].

2. В севернорусском наречии значительное место занимают говоры с произношением типа Ван'к'а, доц'к'у, д'ен'г'ам, нав'ер'х'у. Предполагается, что это произношение возникло в результате уподобления заднеязычных предшествующим мягким согласным.

Д.К.Зеленин в своей монографии, посвященной прогрессивному ассимилятивному смягчению заднеязычных согласных, доказывал, что это явление имеет южнорусское происхождение, а позднее оно оттуда было занесено и в севернорусские говоры [Зеленин 1913, с. 531–534]. Эту точку зрения поддержал А.А.Шахматов [Шахматов 1915 б, с. 337]. Иной взгляд был изложен в работе [Касаткин 1968, с. 120–123], где высказывалось предположение о самостоятельном развитии этого явления в севернорусских говорах без южнорусского воздействия. Материал некоторых архаических вологодских говоров заставляет уточнить это предположение.

В корочуновском говоре Харовского района, обследованном мною и В.Ф.Конновой в 1971 г., [к'] на месте этимологического твердого [к] отмечен после различных согласных. При этом наблюдается следующее. Только мягкие перед таким [к'] отмечены [ц'] и [л']: до́ц'к'а, ру́ц'к'а, в оц'к'а́х, дро́лец'к'а, коро́боц'к'у, с'w'и́щ'к'а, оболо́ц'к'у, ф п'е́ц"к'у, молоц"к'о́ т.п.; Ва́л'к'а, Ко́л'к'а, сте́л'к'у, стеб'ел'к'а́, куде́л'к'а, пот хм'ел'к'е́ом, то́л'к'о, то́л'к'и, ско́л'к'о, ско́л'к'и и т.п. Отмечены и другие мягкие согласные: ста́р'ен'к'а, ста́р'ен'к'еа, у п'ен'к'о́w, моло́д'ен'к'ей, кра́сн'ен'к'у, ну́жн'ен'к'ой, помале́н'к'у; во́йс'к'о, ка́тромс'к'ейа. Но гораздо чаще перед [к'] ([к']) отмечаются твердые или полумягкие согласные: То́нк'а, Л'о́нк'а, Йе́нк'а (Евгения), Ма́н'к'а, Та́нк'е

(им. ед.), Ва́нк'е (им. ед.), мале́нк'е, л'егó́н'к'е, хоруо́шенк'еа, по денк'у́, ма́ленк'ей (им. ед. м.р.), б'ел:роженк'ей (им. ед. м.р.), т'е́от'енк'е (им. ед.), ма́ленк'ейо (им. ед. ср.р.), на конк'а́х, конк'и́, Волóтк'а, В'и́тк'е (им. ед.), ре́т'к'у, ба́тк'ем зва́л'и, т'е́а̂тк'е̂а, т'а́тк'е-то (им. ед.), ф ко́жынск'ей, мастерск'а́а, в мастерск'у́у, го́рк'ей (им. ед.). Такое же колебание мягких и немягких согласных отмечается перед [г']: ден'г'а́м, де́н'г'ем, наде́р'г'ела - денг'а́м, ден'г'а́м, де́н'г'ем.

В кожуховском говоре Биряковского района [см. Касаткин 1973] наблюдается та же закономерность. Перед [к', г'] могут быть мягкие согласные: то́л'к'е, то́л'к'и, ску́л'к'е, йо́лоц'к'а, за коц'е́ец'к'ем, ран'о́шен'к'о, упр'а́м'ен'к'аа, помале́н'к'у, Же́н'к'а, т'и́т'к'у, по кн'ес'к'у́, уц"и́т'ел'с'к'у́ю, ф Шуйс'к'о; Ко́кшен'г'а, В'е́кшен'г'а, д'ен'г'а́м. Перед [к', г'] ([к', г']) могут быть и полумягкие и твердые согласные: Ко́lк'а, то́lк'е, до́ч'к'а, до́чIIк'а, на е́о́lоч'к'у, йо́лоц'ч'к'а, сучк'ева́ты, Lо́н'к'а, Кат'у́н'к'а, мал'е́н'к'е, сухон'к'ь, ма́ленк'ой, ма́ленк'еа, л'е́огон'к'а, В'и́т'к'о, к т'и́т'к'е, ф Шу́йс'к'ем, Шу́йс'к'ева, у Ка́тк'и, Ва́ск'а, Ва́рк'а, го́рк'и (горькие), горк'ева́то; де́н'г'и, де́н'г'и, де́нг'и, Шыч'ен'г'а.

Подобная же закономерность отмечена Ю.С.Азарх в катромском говоре Харовского района, где перед [к', г'], "возникшими в результате прогрессивного ассимилятивного смягчения" мягкими могут быть только [л'] и [ц']: Ва́л'к'а, то́л'к'е́о, до́ц'к'у. Остальные согласные "полностью отвердели": Ва́нк'а, д'енг'а́м, Ва́рк'у, т'а́тк'а, Ва́ск'е́ой, ка́тромск'а, а также д'е́вочк'а [Азарх 1973, с. 96].

Произношение твердых согласных перед [к', г'] в приведенных примерах само по себе еще не может быть свидетельством того, какого происхождения здесь [к', г'] - фонетического или нефонетического. Можно предполагать, что мягкие [к', г'] возникли в вологодских говорах в этих примерах фонетически - под влиянием предшествующих мягких согласных, которые затем отвердевали. Можно предполагать также, что в подобных примерах в вологодских говорах [к', г'] возникли нефонетически - под влиянием говоров, переживших прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных как фонетический процесс. В этом случае [к', г'] могли возникать и после твердых согласных.

Непоказательны также примеры Л'и́тк'а, коси́нк'а, д'и́рк'у, отмечаемые Ю.С.Азарх в катромском говоре [Азарх 1973, с. 96] и примеры типа Н'и́нк'а, корз'и́нк'а, троп'и́нк'а, гр'а́тк'а, скла́т-

к'а, ф ка́тк'ах, жа́рк'о, в'е́шолк'а, в молот'и́лк'у, м'еўк'о́й и т.п. с [к'] после этимологических твердых согласных, отмечаемые в других вологодских говорах. Подобные примеры, свидетельствующие о том, что [к'] в них возник аналогическим путем, встречаются на всей территории распространения результатов прогрессивного смягчения заднеязычных согласных [см. Касаткин 1968, с. 10–20].

Есть, однако, основание считать, что в вологодских говорах указанная мягкость заднеязычных согласных возникала не в результате фонетического процесса, а под влиянием соседних говоров. Такое основание можно видеть в территориальном распространении этого явления. В вологодских говорах результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных распространены на той территории, где сталкивались два колонизационных потока – новгородский и ростово-суздальский. На территории новгородской колонизации, не испытавшей интенсивного воздействия ростово-суздальских говоров, этого явления нет. Таким образом, можно считать, что явление это было занесено в вологодские, новгородские по происхождению, говоры ростово-суздальским колонизационным потоком [ср. Образование с-р. наречия 1970, с. 57, 285–288].

В ростово-суздальских говорах сформировалось противопоставление переднеязычных согласных по "твердости – мягкости", а заднеязычные согласные фонемы не обладали этим признаком [см. Горшкова 1968, с. 156–157; 1972, с. 82–84]. Поэтому в этих говорах были причины и условия для прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных (см. ниже). В отличие от южнорусских говоров здесь были условия для смягчения всех заднеязычных согласных. Поэтому здесь и отмечаются примеры не только с мягким [к'], но и примеры с [г'] и [х'] после мягких согласных типа д'ен'г'а́м, ко-ч'ер'г'а́, ч'етв'ер'г'а́, нав'ер'х'ў, ол'х'а́ и т.п. [см. Касаткин 1968, с. 40–43, 86–93, 120–121].

В новгородских же говорах сложилась иная система фонем с противопоставлением <к, г, х> – <к', г', х'>, поэтому здесь не было условий для прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных. Возникновение мягких [к', г', х'] на месте твердых [к, г, х] здесь не было связано с особым качеством предшествующего согласного. Этот согласный мог при этом быть и твердым [см. Касаткин 1985, с. 336–339].

3. В южнорусских говорах прогрессивному ассимилятивному смягчению в группе заднеязычных согласных подвергался только [к]:

Ва́н'к'а, гус'к'о́м, в некоторых говорах также до́ч'к'а, ч'айк'у́ и т.п., а [ɣ, x] после мягких согласных оставались твердыми. Этому явлению в работе [Касаткин 1968] было дано следующее фонологическое объяснение. Прогрессивное ассимилятивное смягчение [к] происходило в силу того, что мягкость переднеязычных согласных, вызывавших ассимиляцию, была фонологически существенна, твердость же [к] была фонологически несущественна, так как [к] и [к'] в эту эпоху в этих говорах не противопоставлялись в одной позиции, они воплощали фонему ⟨к⟩, в составе дифференциальных признаков которой отсутствовал признак "твердость – мягкость". Твердость же [ɣ] и [х] была фонологически существенна: "твердая" фонема ⟨ɣ⟩ была противопоставлена "мягкой" ⟨j⟩, а ⟨х⟩ – ⟨х'⟩ [Касаткин 1968, с. 88–96].

В ряде современных южнорусских говоров можно установить коррелятивную пару фонем ⟨ɣ⟩ – ⟨j⟩ на следующих основаниях. В этих говорах в сильной позиции фонема ⟨ɣ⟩ воплощается в звуке [ɣ]; фонема ⟨j⟩ – в звуке [j]: мо[ɣ]у – мо[j]у, сле[ɣ]а – ше[j]а, день[ɣ]а – воронь[j]а, [ɣ]олый – [j]олка и т.п. Перед ⟨и, е⟩ (а также и перед архифонемами, находящимися в соответствии с этими фонемами) ⟨ɣ⟩ и ⟨j⟩ не различаются, в этой позиции – фонемам ⟨ɣ, j⟩ соответствует архифонема (или гиперфонема) ⟨ɣ/j⟩, воплощенная в звуке [j]: мо[ɣ]у, мо[j]у – мо[j]и; сле[ɣ]а, ше[j]а – сле[j]и, сле[j]е, ше[j]и, ше[j]е; день[ɣ]а, воронь[j]а – день[j]ими, воронь[j]ими; но[ɣ]а – но[j]и, но[j]е; сапо[ɣ]а – сапо[j]и, сапо[j]е; [j]иблый, [j]ибель, [j]иря, [j]ипкий и т.п.

Корреляцию ⟨ɣ⟩ – ⟨j⟩ следует признать корреляцией по "твердости – мягкости", так как в позиции перед ⟨е⟩ (в древнерусском языке перед ⟨ѣ⟩), в которой эти фонемы нейтрализуются, происходит нейтрализация и всех других согласных фонем, противопоставленных именно по этому признаку: ⟨п⟩ – ⟨п'⟩, ⟨б⟩ – ⟨б'⟩, ⟨в⟩ – ⟨в'⟩, ⟨т⟩ – ⟨т'⟩ и т.д. Следовательно, фонема ⟨ɣ⟩ в этих говорах – это "твердая" фонема, а ⟨j⟩ – "мягкая", и твердость звука [ɣ] – признак фонологически существенный.

Говоры этого типа отмечались на территории южнорусского наречия диалектологами [см. Аванесов 1974, с. 180–187]. Сейчас такие говоры уже почти вытеснены говорами, различающими [ɣ'] и [j] [см. Высотский 1949, с. 90]. Однако есть основание предполагать широкое распространение говоров этого типа в древнерусском языке. Свидетельством этого могут быть ошибки в передаче ⟨ɣ⟩ и ⟨j⟩ в

древнерусских памятниках. Так, с одной стороны, встречаются написания ана рьина, кнкиня, аньклъ, у кваньклихъ и т.п., а с другой стороны, написания генварь, гета, алилугиа, юргевну и т.п. [см. Шахматов 1915 а, с. 177; Соболевский 1907, с. 127]. Происхождение этих ошибок объясняется произношением [ɣ], чередующегося перед гласным переднего ряда с [j] (подробнее см. [Касаткин 1966, с. 362–364; 1968, с. 51–52, 93–94]).

Иное объяснение "того, что в южнорусских говорах [к] мог подвергаться прогрессивной ассимиляции, тогда как [ɣ] не мог", выдвинула С.В.Бромлей. Причину этого С.В.Бромлей видит в том, что "позиционная мягкость у /ɣ/ развилась позже, чем у /к/", и отсутствовала "по-видимому, до XУI в. включительно" [Бромлей 1973, с. 60].

Основанием для такого заключения служат материалы Диалектологического атласа русского языка по южнорусским говорам, в которых встречаются написания типа б'ер'еɣо́ш при обычном п'ек'о́ш в формах глаголов на заднеязычные согласные.

Однако примеры типа б'ер'еɣо́ш, приводимые в ответах на "Программу" ДАРЯ, могут объясняться простой опиской: недостаточным вниманием авторов ответов к точности записи. Об этом же могут говорить примеры типа п'еко́ш, записанные в западных среднерусских и в южнорусских говорах (ср. данные С.В.Бромлей [с. 63]). То, что отсутствие знака мягкости гораздо чаще встречается у ɣ, чем у к, понятно: необычность транскрипции, по сравнению с орфографической записью, требует особого внимания эксплораторов. При этом написание ɣ'о́ требует большего внимания, чем к'о́, в силу необычности самой буквы ɣ. При написании пе[к'о́]ш необычным с точки зрения орфографической записи является знак мягкости, буква о и знак ударения. Буква же к есть и в орфографической записи (ср. пекешь, пекёшь). При написании же бере[ɣ'о́]шь, кроме того, необычна и буква ɣ (ср. берегешь, берегёшь).

Произношение [к'о] в глаголах типа пе[к'о́]шь необычно для носителя литературного языка только с точки зрения чередования в основе данного глагола. Звук [к'] обычен, сочетание [к'о] возможно в литературном языке: ткёшь, ликёр, киоскёр и т.п. Произношение же звука [ɣ'] противоречит литературной норме и с точки зрения морфологии, и с точки зрения фонетики. Необходимость передать в транскрипции фрикативность этого звука может подавить в сознании эксплоратора необходимость передать еще и его мягкость.

О случайности пропуска обозначения мягкости ɣ' в формах типа

б'ерехо́ш в материалах ДАРЯ может говорить то, что примеры такие в большинстве случаев единичны, они выступают в ответах наряду с примерами, где мягкость [ɣ'] обозначена, встречаются, как правило, в ответах недостаточно опытных эксплораторов, говоры, где отмечены такие примеры, не составляют компактной территории, а разбросаны по всей территории южнорусского наречия (см. соответствующие карты и материалы Атласа русских говоров центральных областей к западу от Москвы и Атласа русских говоров центральных областей к югу от Москвы, хранящиеся в Институте русского языка АН СССР). Среди многочисленных описаний южнорусских говоров нет ни одного, где бы автор специально обращал внимание на разницу в твердости – мягкости звонкого и глухого заднеязычного, выступающих в конце основы рассматриваемых глаголов. Все это говорит о том, что пропуску обозначения мягкости в примерах типа б'ер'ехо́ш нельзя придавать фонетического значения.

Нельзя придавать фонетического значения и всем случаям пропуска знака мягкости у согласных перед е и и, типа берехе́ш, берехи́. Такие примеры встречаются в материалах ДАРЯ наряду с примерами типа пеке́ш, пеки́, несе́ш, неси́ и т.п. Они могут свидетельствовать о недостаточной внимательности эксплораторов или недостаточности их лингвистической подготовки. Только тогда, когда отсутствие обозначения мягкости согласного подчеркивается еще написанием гласной э, что встречается, например, в окончаниях прилагательных: дарахэ́й, такэ́й, плахэ́й и т.п., можно с уверенностью говорить о твердости согласного. Однако при передаче личных форм глагола таких написаний не отмечается. Между тем написания хе, зафиксированные, по словам С.В.Бромлей, более чем в 70 нас. п., а также и написания хи рассматриваются ею как доказательство твердости заднеязычного согласного [с. 60].

"Значительные сомнения" возникают у С.В.Бромлей "относительно реальности коррелятивной пары" <ɣ>–<j>, установленной мною для некоторых современных южнорусских говоров и древнерусского языка [с. 61]. Возражения С.В.Бромлей следующие.

По словам С.В.Бромлей, в словах "исконно русских" "[j] в соответствии с /г'/ известен исключительно в положении перед /и/", "формы типа бере[je]шь, на но[je] совершенно не известны. В этих случаях выступает[ɣ'], а иногда и [ɣ]", "перед [о] глагольных окончаний в качестве мягкого коррелята /ɣ/ также всегда выступает [ɣ'] (стере[ɣ'о]шь) и никогда [j]". "Приводимые Л.Л.Касаткиным

примеры типа стере[jo]ш, мо[jo]ш, видимо, гипотетические. В обширнейших материалах атласа они не зафиксированы" [с. 61-63].

Но для того, чтобы установить коррелятивность двух фонем, достаточно и одной позиции нейтрализации. Если бы <ɣ> и <j> нейтрализовались только перед [и], то и тогда можно было бы говорить об их парности. Отсутствие примеров с [j] на месте <ɣ> перед [е] и другими гласными, кроме [и], в материалах ДАРЯ еще не означает, что их нет в русских говорах.

Р.И.Аванесов в своей статье "Качество задненебной фрикативной звонкой согласной перед гласными переднего ряда", опубликованной впервые в 1952 г. и перепечатанной им в 1974 г., приводит примеры из "южновеликорусских (например, рязанских, тульских)" говоров: [наɣа́] - [наjи́], [наjе́]; [съпаɣа́] - [съпаjи́], [съпаjе́]; [п'ираɣа́] - [п'ираjи́], [п'ираjе́] [Аванесов 1974, с. 183]. В числе примеров, записанных им в ряде пунктов Рыбновского и Спасского районов Рязанской области, - [с'ар'jе́й] [с. 184]. Приводит Р.И.Аванесов и замечание Е.Ф.Будде о совпадении в ряде уездов б. Рязанской губ. [ɣ] с [j] в слогах ге, ги, и замечание К.Филатова: "... в положении перед мягкими гласными воронежский г изменяется иногда в j..." [с. 184-185].

Среди ошибок в сочинениях учеников в с. Новоселки Рыбновского района Рязанской области Р.И.Аванесов обнаружил не только такие, как "деньи" (деньги), "деньими", "на дорои", "моила" и т.п., но и "Турьенев". "Неразличение на письме [ɣ'] и [j], - пишет Р.И.Аванесов, - является показателем реального неразличения говорящими [ɣ'] и [j] перед гласными переднего ряда" [с. 185]. Примеры, записанные А.Покровской в б. Коломенском уезде: сватгя (вм. сватья), свингя, судгя, белгё, платгя, згяйцами (вм. с яйцами), Р.И.Аванесов объясняет так: "Здесь мы имеем дело с неумелой попыткой наблюдателя, вероятно южновеликоруса по рождению, передать звук [j], для которого в русском алфавите нет особой буквы: наблюдатель обозначил его буквой г в сочетании с буквами я, е, так как на месте южновеликорусского [ɣ] перед гласными переднего ряда может произноситься [j] или, во всяком случае, звук, не отличаемый говорящими от [j]" [с. 186].

Поселок Гурзуф на южном побережье Крыма раньше называли Гюрзуф и Юрзуф; ср.:

И Пушкин тут был... Я узнала его...
Он другом был нашего детства,

В Юрзуфе он жил у отца моего.

[Некрасов 1956, с. 205, 232]. Параллельные написания "Гюрзуф" и "Юрзуф" возможны только при том, что "гю" и "ю" читаются одинаково: [ju].

С.С.Высотский рассказывал о случае, который он наблюдал в д. Деулине Рязанского района Рязанской области. Известный диалектолог, сотрудница Института русского языка АН СССР, родом из Рязанской области, во время беседы с местной жительницей услышала форму [парáн'je]. Решив, что это существительное, и реконструировав форму именительного падежа, она задает вопрос информанту: "А что значит параньга?" В действительности же [парáн'je] – это наречие "поранее". Для этого диалектолога было естественным связать [j] с ⟨ɣ⟩.

Таким образом, прав был Р.И.Аванесов, писавший: "... Безусловно... то, что в некоторых русских говорах вместо [ɣ'] перед гласными переднего ряда может произноситься [j]" [Аванесов 1974, с. 187–188]. Как видно из приведенных примеров, таким гласным может быть не только [и], но и [е], [ˈа], [ˈу].

Произношение [j] как мягкой пары [ɣ] возможно и перед согласным. Об этом может говорить известное почти во всех южнорусских говорах произношение слова "где" как [йд'е], [ид'é] [Захарова, Орлова 1970, с. 78; ДАРЯ I, карта 90 "Начальный элемент в слове где"]. Смягчаясь в этом слове перед мягким согласным, [ɣ] заменялся на [j], который, в свою очередь, мог ослабляться и изменяться в [и], либо изменяться в слоговой [и]. О таком происхождении этого слова в южнорусских говорах (а не из праславянского *jьde, каким считается старославянское иде, см., например, [Хабургаев 1974, с. 334; Трубачев 1981, с. 206]) может свидетельствовать совпадение ареала его распространения с ареалом [ɣ] в соответствии с севернорусским и среднерусским [г]. По поводу примеров ражнѣвахъся, ражнѣвавъ же ся, ражнѣвася в рукописях XI–XII вв. А.А.Шахматов писал: "Замечательно, что źй из zɣй переходит в ź̆й (очевидно, zɣй изменялось в źjй)" [Шахматов 1915а, с. 181].

Таким образом, можно говорить, что южнорусским говорам была свойственна замена звуком [j] всякого [ɣ] при его смягчении независимо от позиции.

С.В.Бромлей возражает против отнесения мною соотношения ⟨ɣ⟩ – ⟨j⟩ к древнерусскому языку. Она пишет: "Если пара /ɣ/ – /j/

представляла собой действительно исконный элемент фонологической системы древнерусского языка, то непонятно, почему ни в одном из южнорусских говоров она не реализуется хоть сколько-нибудь последовательно" [Бромлей 1973, с. 61].

С моей точки зрения, есть немало южнорусских говоров, где указанная система реализуется достаточно последовательно, и я сам такие говоры наблюдал. Это не значит, конечно, что в реализации фонемы <ɣ> звуком [j] не бывает исключений. Но исключения, и часто довольно многочисленные, бывают при реализации любых фонем.

Неверно было бы считать, что ДАРЯ представляет собой точный и полный слепок современного состояния русских говоров. ДАРЯ лишь приблизительное отражение этого состояния. Поэтому отсутствие в материалах ДАРЯ последовательного отражения какого-либо звена фонологической системы еще не значит, что эта система не представлена "ни в одном" из говоров. Это подтверждается и обнаружением в последние десятилетия неизвестных ранее особенностей русских говоров.

Многие "исконные элементы фонологической системы древнерусского языка" в настоящее время уже "не реализуются хоть сколько-нибудь последовательно", а некоторые и вовсе утрачены русским языком, например, носовые гласные, фонемы <ъ, ь>. Можно ли на этом основании считать, что их и раньше не было?

Вопрос, поставленный С.В.Бромлей, можно было бы отнести и к высказанному ею предположению: если, как она считает, в южнорусских говорах у <ɣ>, в отличие от <к>, отсутствовала позиционная мягкость вплоть до XVI в. включительно [с. 60], то чем объяснить, что нет ни одного южнорусского говора, где бы такая система была обнаружена и описана эксплицитно? (Ведь севернорусская диалектная особенность – отсутствие чередования заднеязычных в конце основы глаголов типа пе[к]у – пе[к]ошь, бере[г]у – бере[г]ошь и т.п. – стала известна задолго до создания ДАРЯ.) При такой системе можно было бы ожидать, что хотя бы у некоторых носителей диалекта при образовании глагольных форм последовательно наблюдалось бы чередование [к//к']: пе[к]у – пе[к']ёшь и т.п. и отсутствие чередования у [ɣ]: бере[ɣ]у – бере[ɣ]ошь и т.п. При такой системе отсутствовал бы и переход [ɣы] в [ɣ'и], и можно было бы обнаружить [к'и]слый, та[к'и]е и т.п., но [ɣы]бель, мо[ɣы]ла и т.п. Но такая система не известна не только по описаниям южнорусских говоров, но и по древнейшим южнорусским памятникам [см. Котков 1963].

Из сказанного следует, что возражения С.В.Бромлей против установленного мною противопоставления по "твердости – мягкости" фонем ⟨ɣ⟩ – ⟨j⟩ в современных южнорусских говорах и в древнерусском языке приняты быть не могут. Выдвинутая С.В.Бромлей в противовес этому другая гипотеза не имеет достаточных оснований [см. Аванесов 1974, с. 188].

Литература

Аванесов 1974 – Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Азарх 1973 – Азарх Ю.С. О корреляции согласных по твердости – мягкости в одном вологодском говоре // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

Бромлей 1973 – Бромлей С.В. Еще раз о задненебной звонкой фрикативной фонеме в русских говорах // Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1973.

Высотский 1949 – Высотский С.С. Работы Е.Ф.Будде о рязанских говорах в свете новых данных // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка / АН СССР. Вып. 6, М.; Л., 1949.

Гецова 1979 – Гецова О.Г. Противопоставленность твердых и мягких заднеязычных согласных в древненовгородском диалекте по современным диалектным данным // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка: Тезисы докл. и сообщ. (Душанбе, 12–15 ноября 1979 г.). М., 1979.

Глускина 1968 – Глускина С.М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. 2. Псков, 1968.

Горшкова 1968 – Горшкова К.В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси: (По данным исторической фонологии). М., 1968.

Горшкова 1972 – Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка: Пособие для студентов. М., 1972.

ДАРЯ I – Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР. В трех выпусках. Вып. I. Фонетика. М., 1986.

Зализняк 1986 – Зализняк А.А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте: (из раскок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.

Захарова, Орлова 1970 – Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Зеленин 1913 – Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913.

Касаткин 1965 – Касаткин Л.Л. К истории задненебных фонем в русском языке // ВЯ, 1965, № 2.

Касаткин 1966 – Касаткин Л.Л. О фонологическом содержании звука [j] в некоторых русских говорах // Исследования по фонологии. М., 1966.

Касаткин 1968 – Касаткин Л.Л. Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных в русских говорах. М., 1968.

Касаткин 1973 – Касаткин Л.Л. Гласные одного вологодского говора, не знающего противопоставления согласных по твердости – мягкости // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

Касаткин 1983 – Касаткин Л.Л. Особенности воздействия мягкого заднеязычного согласного, стоящего после твердого согласного, на предшествующий гласный в русских говорах // Русские народные говоры: лингвогеографические исследования. М., 1983.

Касаткин 1984 – Касаткин Л.Л. Русский диалектный консонантизм как источник истории русского языка. М., 1984.

Касаткин 1985 – Касаткин Л.Л. Об условиях и времени изменения ѣ̆ > й и ӓ̆ > ӗ в русских говорах // Russian linguistics. Vol. 9. Nos. 2-3, 1985.

Котков 1963 – Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии: (Фонетика и морфология). М., 1963.

Кузнецов 1949 – Кузнецов П.С. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. М.; Л., 1949.

Некрасов 1956 – Некрасов Н.А. Стихотворения. Т. 2. Библиотека поэта, малая серия. Л., 1956.

Образование с-р наречия 1970 – Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: По материалам лингвистической географии. М., 1970.

Соболевский 1907 – Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907.

Трубачев 1981 – Этимологический словарь славянских языков: (Праславянский лексический фонд). Вып. 8 / Под ред. О.Н.Трубачева. М., 1981.

Хабургаев 1974 – Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М., 1974.

Шахматов 1910 – Шахматов А.А. Курс истории русского языка: (Читан в С.-Петербургском ун-те в 1909–1910 уч.г.). Ч. 2. СПб., 1910. Литограф. изд.

Шахматов 1915а – Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915. (Энциклопедия слав. филологии; Вып. II.1).

Шахматов 1915б – Шахматов А.А. Рец.: Д.К.Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913. // Изв. ОРЯС, 1915, т. 20, кн. 3.

М.Л.Каленчук

О фонетической и орфоэпической подсистемах русского литературного языка

Современной лингвистикой признано, что фонетическая система русского литературного языка состоит из ряда подсистем. Почему нельзя описать все фонетические явления как факты одной языковой системы? Специфичность любой системы определяется двумя факторами: 1) составом входящих в неё элементов; 2) её структурой, то есть тем, как упорядочены, организованы эти элементы. Для звуковой системы элементарными объектами, её составляющими, являются фонемы, а структура определяется совокупностью внутрисистемных связей фонем, то есть их способностью различаться в сильных позициях и особенностями нейтрализации в слабых.

Разные группы слов русского языка могут отличаться друг от друга: 1) составом фонем (например, отсутствием фонемы <ы> в русских общеупотребительных словах – её наличием в терминах или заимствованных топонимах, где [ы] может находиться в абсолютно сильной позиции – название буквы "ы", город Ыйсон; отсутствием фонемы <ɣ> в подавляющем большинстве русских слов – её наличием в междометиях – а[ɣ]а, о[ɣ]о и т.п.); 2) особенностями позиционного поведения фонем (например, невозможностью появления в русских словах в безударном положении звуков [о], [э], [а] – произношением этих звуков в безударных слогах заимствованных слов – б[о]а́, [э]кза́мен, ч[а]рльсто́н и т.п.).

Вопрос о необходимости выделения различных подсистем языка, характеризующихся своими фонетическими закономерностями, неоднократно обсуждался в лингвистической литературе. Различные исследователи, признавая невозможность построения единого описания для всех слов русского языка, по-разному решают вопрос о критериях выделения частных подсистем.

М.В.Панов предложил выводить отдельные группы слов за пределы основной фонетической системы языка на следующих основаниях: "Зная частотность употребления слов, находим, что "фонетические странности" (с точки зрения общей системы) встречаются у слов, имеющих частотность ниже определённого порога. Тогда все слова, имеющие частотность ниже этого порога, надо рассматривать как единицы, реализующие особую фонети-

ческую систему - подсистему редких слов" (Панов 1967,С.197).

Для того,чтобы признать правомочным подобный подход к определению границ общей и частной звуковых подсистем языка,необходимо ответить на следующие вопросы:

1) Куда отнести редкие слова,не отличающиеся по своему фонетическоу поведению от частоупотребляемых слов?

2) Что делать со словами частоупотребляемыми, но ведущими себя в фонетическом отношении,как редкие слова?

М.В.Панов отмечает,что "наличие фонетически "обычных" редких слов не мешает быть им выразителями фонетической подсистемы редких слов", поскольку в этой подсистеме есть не только уникальные,добавочные фонемы,но и все фонемы,входящие в основную систему. Это рассуждение можно продолжить следующим образом:поскольку подсистема редких слов отличается от общей системы не только составом фонем,но и особенностями их позиционной реализации,необходимо признать,что в подсистеме редких слов сосуществуют и особенности позиционного варьирования звуков,характерные для "обычных" слов,и специфические особенности звукового оформления "редких" слов. А в этом случае,"описывая фонетически обычные слова в рамках подсистемы,мы должны будем заменить естественные для них и экономные правила позиционных изменений фонем соответствующими правилами подсистемы,т.е. правилами чередования фонем,указанными для каждого слова,а это нецелесообразно" (Гловинская 1971,С. 57).

Всегда ли"странности" фонетического поведения свойственны именно редким словам? Во многих случаях это так. Но можно ли отнести к малоупотребительным словам,скажем,слово радио,в котором в безударном положении произносится качественно нередуцированный гласный? Редко ли мы пользуемся словами кафе и бутерброд,в которых перед фонемой <э> произносится твёрдый согласный,чего не может быть ни в одном исконно русском по происхождению слове?

Представляется,что частота употребления является фактором, который может провоцировать и поддерживать неподчинение слова звуковым законам,обязательным для большинства слов русского языка,но этот критерий не позволяет достаточно четко разграничить группы слов,отличающихся по своему фонетическому поведению друг от друга.

М.Я.Гловинской была предпринята попытка разграничить зоны действия основной фонетической системы и подсистемы, исходя из чисто фонетического критерия (Гловинская 1967; 1971). При этом за пределы основной системы выводится произношение тех слов, которые составляют исключение из её правил, независимо от их происхождения. Процедура, позволяющая определить, что является правилом поведения фонем, а что исключением из этого правила, выглядит следующим образом: "Составим список фонем, имеющих в определенной позиции разные реализации в различных словах. При каждой из фонемных реализаций укажем, в каком количестве слов она представлена и её частоту в речи. Для того, чтобы узнать, которая из двух реализаций одной фонемы относится к системе, а которая - к подсистеме, сравним между собой произведения этих чисел. Реализацию, которой соответствует наибольшее число, отнесем к системе, все остальные реализации этой фонемы (если их больше одной) - к подсистеме" (Гловинская 1971, 58).

Представляется, что можно выдвинуть другой критерий группировки фонетических фактов языка, в какой-то мере вытекающий из двух рассмотренных подходов к проблеме.

Выделение частной, вторичной подсистемы всегда осуществляется по принципу "отталкивания" от основной произносительной системы. Для того, чтобы выяснить, что такое фонетическая "странность", сначала необходимо определить, что такое фонетическая "обычность".

М.В.Панов предложил разграничивать два разных типа звуковых закономерностей: те фонетические явления, которые описываются фонетическими законами, и те, которые подчиняются орфоэпическим правилам (Панов 1979, 196).

Фонетические законы - это правила реализации фонем, не знающие исключений в данной системе языка. Фонетический закон формулируется в терминах позиционных чередований звуков, а "позиционное чередование бескомпромиссно", его принцип: "ни одного исключения" (Панов 1967, 207). Подобного рода законы проявляются универсально, для них безразлично, в каких именно словах или морфемах функционирует та или иная фонема. Примеры фонетических законов: шумные согласные фонемы на конце слова перед паузой реализуются своими глухими вариантами (дру[к], горо[т]).

гласные фонемы <о> и <а> в позиции I-го предударного слога после твердого согласного нейтрализуются в звуке [а^{ъ}] и т.п. Нарушение фонетических законов говорит о невладении нормами данной языковой системы, слова вода, друг и т.п. по нормам современного русского литературного языка произносятся одним единственным образом -[ва^{ъ}да́], [друк].

Но существуют звуковые закономерности, отличающиеся от описанных выше. Это те факты, которые подпадают под действие орфоэпии - науки, "которая изучает варьирование произносительных норм литературного языка" (Панов 1979, 195). Примеры орфоэпических закономерностей: в литературном языке равно допустимы варианты произношения е́[с'л'и] и е́[сл'и], в[и^{ъ}]сна́ и в[э^{и}]сна́, п[а^{ъ}]э́т и п[оъ]э́т.

Создаётся впечатление, что орфоэпические нормы русского языка представляют собой хаотичный набор стихийно сложившихся и системно не связанных звуковых явлений. А.А.Реформатский писал: "Совершенно особые "условия" представляют собой те случаи, когда произношение, вопреки системе и норме, следует "закону форм" или "закону слов". Я сознательно беру эти слова в кавычки, здесь скорее не закон, а "беззаконие" (Реформатский 1987, 127). И действительно, орфоэпия не подчиняется фонетическим законам, нарушает их. Но это не означает, что она не живет по своим собственным законам, не менее строгим, чем фонетические, но отличающимся от них.

Формула синхронического фонетического закона такова: зная фонему и фонетическую позицию, в которой она находится, можно однозначно определить, каким звуком будет реализована эта фонема.

Орфоэпическая синхроническая закономерность формулируется по-другому: для того, чтобы узнать, каким звуком представлена та или иная фонема, недостаточно знать, в какой фонетической позиции она находится - необходимо также учитывать, в каких орфоэпических условиях она функционирует.

Например, фонема <с>, находясь в одной и той же фонетической позиции - перед звуком [j] на стыке приставки и корня - в орфоэпических условиях "старшей" нормы реализуется звуком [с'] ([с'j э́]хать), а в орфоэпических условиях "младшей" нормы - звуком [с] ([сj э́]хать).

В подобных случаях невозможно однозначно привести фонему к звуку: одна и та же фонема, находясь в одинаковых фонетических условиях, может реализоваться разными звуками.

Из сказанного выше следует, что фонетические и орфоэпические закономерности отличаются спецификой языкового материала, при этом одни факты произносительной системы полностью описываются фонетическими законами, другие же факты требуют принципиально иного - орфоэпического - описания. Это позволяет предположить, что звуковая система русского литературного языка состоит из двух подсистем - фонетической и орфоэпической.

В фонетическую подсистему объединяются все случаи, когда процедура приведения фонемы к звуку описывается фонетическими законами. В эту подсистему попадут морфемы вне зависимости от их происхождения, морфологической природы, лексико-семантических разрядов и т.п. Критерий один - подчинение непреложным фонетическим законам. Так, поведение гласной фонемы в I-ом предударном слоге после твердого согласного в корнях следующих слов - в[а^{ъ}]да́, б[а^{ъ}]ксе́р, В[а^{ъ}]ла́нск, м[а^{ъ}]рфема, н[а^{ъ}]ция, п[а^{ъ}]росту - подчиняется одному и тому же закону: фонема <о> в указанной фонетической позиции реализуется звуком [а^{ъ}] (то, что в этих словах фонема <о> доказывается словами в[о́]ды, б[о́]кс, В[о́]лга, м[о]рф, н[о́]та, п[о́] воду). Следовательно, правила оформления звукового состава корневых морфем всех этих слов относятся к фонетической системе языка, несмотря на то, что среди них есть корни знаменательных слов и служебных, исконно русских и заимствованных, имен собственных и нарицательных, слов редких и частоупотребляемых.

Для того, чтобы определить, как организована орфоэпическая подсистема русского литературного языка, необходимо уточнить критерии отбора языкового материала этой подсистемы. Как уже было сказано выше, за пределами фонетической системы остаются правила звукового оформления морфем с орфоэпической вариантностью. Но вопрос о том, что считать орфоэпическими вариантами, не является однозначно установленным в лингвистике. Как представляется, к орфоэпическим вариантам следует относить:

I) Сосуществующие синхронно в языке звуковые или фонемные видоизменения морфем, происходящие в одной и той же фонетической позиции. Например, в приставках -[с']лить и [с]лить, в корнях ску[ш]ный и ску[ч']ный, в суффиксах - зано[ш']ивый

и зано[ш'ч']ивый, в окончаниях – стар[ы]й и стар[ъ]й, в постфиксах – смеял[сь] и смеял[с'ъ]. При этом можно говорить об орфоэпической вариантности фонем (случаи, когда возможность различного произнесения одной и той же морфемы связана с изменением её фонемного состава: було[ш]ная – було<ш>ная, но було[ч']ная – було<ч>ная) и орфоэпической вариантностью звуков (случаи, когда морфемы, различаясь звуками, имеют одинаковый фонемный состав: в[и']сна – в[э']сна – в<о>сна).

2) Случаи, когда в синхронном срезе языка нет вариантов произношения конкретных морфем, но тем не менее, произношение слов с подобными морфемами описывается не универсальными фонетическими законами, а орфоэпическими правилами, "привязанными" к определенным морфемам или словам. Например, по современным нормам, в слове текст в позиции перед фонемой <э> произносится только мягкий согласный -[т'э]кст, а в слове тест в той же позиции твердый звук -[тэ]ст. Произношение согласного перед <э> в этих случаях определяется фонемным составом этих слов: в первом слове текст первая фонема мягкая, а в слове тест – твердая. Но традиционно сложилось впечатление (и эта традиция основывается на интуиции носителей языка), что твердость-мягкость согласного перед <э> в корневых морфемах заимствованных слов описывается не фонетическими законами, а орфоэпическими правилами, т.е. по сути правилами произношения каждой конкретной морфемы.

Что общего между двумя описанными типами орфоэпической вариантности? И можно ли вообще говорить о вариантности по отношению ко второму случаю, когда отсутствуют возможности двоякого произнесения одних и тех же морфем? Есть фактор, позволяющий объединить различные проявления орфоэпической вариантности: все морфемы с подобной вариантностью передаются на письме одинаково, несмотря на то, что они допускают различия в звуковом и фонемном составе. Приведем примеры, иллюстрирующие проявление этого свойства для двух разных типов орфоэпической вариантности.

I) Сочетанию букв жд может соответствовать в произношении и [ж'], и [жд'] (до[ж']и и до[жд']и); за написанием чн может скрываться и [шн], и [ч'н] (порядо[шн]ый и порядо[ч'н]ый), пишется ся – произноситься может и [сь], и [с'ъ] (боял[сь] и боял[с'ъ]) и т.п.

2)Сочетанию букв те может соответствовать фонемное сочетание <т'э> и <тэ>(текст -<т'э>кст,но тест - <тэ>ст); букве а в одной и той же фонетической позиции I-го предударного слога после твердый шипящих и ц может соответствовать и звук [ы^{э}] ,и звук [а^{э}] (жалеть - ж[ы^{э}]леть,но жара-ж[а^{э}]ра);на месте сочетания букв мм может произноситься и краткий звук [м],и долгий [м̄] (гра[м]атика,но су[м̄]а) и т.п.

Из сказанного выше вытекает,что фонетические и орфоэпические звуковые закономерности по-разному отражаются на письме. В одних случаях - при действии фонетических закономерностей - письмо отражает фонемный состав морфем,т.е. значимые единицы языка пишутся в основном по фонематическому принципу. В других случаях - при действии орфоэпических закономерностей - письмо игнорирует различия в фонемном составе морфем,которые передаются при этом единообразно.[I]

Следовательно,к орфоэпической подсистеме языка относятся все случаи,когда одному и тому же написанию может соответствовать разное произношение при условии тождества фонетических позиций.

Если сгруппировать звуковые факты языка в соответствии с предложенным критерием в две подсистемы - фонетическую и орфоэпическую - то встает вопрос о внутреннем устройстве каждой из них.

Фонетическая подсистема однородна,поскольку весь относящийся к ней языковой материал подчиняется одним и тем же фонетическим законам. Орфоэпическая подсистема организована по-другому. Элементы этой подсистемы противопоставлены как некоторые целостности не только фонетической подсистеме,но и другим частным орфоэпическим подсистемам.

Какие частные орфоэпические подсистемы можно выделить в

I - Следует иметь в виду,что случаи типа ноль-нуль,строгать - стругать,шкап - шкаф и подобные не имеют отношения к орфоэпии,такого рода варианты обычно называют фонематическими и рассматривают отдельно от орфоэпических [Панов 1967, 320-321;Горбачевич 1978, 123].

современном русском литературном языке? Так, можно говорить о синхронно сосуществующих орфоэпических хронологических подсистемах, т.е. о системах "старшей" и "младшей" нормы, которые подробно описаны в лингвистической литературе. Думается, что можно говорить о появлении еще одной хронологической подсистемы. Речь молодого поколения последней четверти XX века имеет определенные отличия от речи середины века, в таком случае на смену "младшей" норме приходит еще более "младшая" [Каленчук 1986].

Синхронно сосуществуют и различные территориальные орфоэпические подсистемы литературного языка. Причем, помимо двух традиционно выделявшихся локальных разновидностей орфоэпических норм - московской и петербургско-ленинградской, в последнее время некоторые лингвисты высказывают предположения о существовании еще двух орфоэпических территориальных подсистем литературного языка - севернорусской и южнорусской (Сергеева 1984).

Появившиеся не так давно исследования о различиях между мужской и женской речью [Земская, Китайгородская, Розанова 1987] позволяют сделать предположения о существовании орфоэпических подсистем мужской и женской речи. Причем, в подобные подсистемы попадет только то, что различает в звуковом отношении речь мужчин и женщин, в тех же случаях, когда состав фонем и правила их позиционного варьирования в речи мужчин и женщин совпадают (а таких случаев подавляющее большинство), то они описываются фонетическими законами.

Известно, что наша звучащая речь стилистически неоднородна. Одно и то же содержание можно выразить по-разному, варьируя произносительные ресурсы языка в зависимости от ситуации и целей речи. В связи с этим можно говорить о существовании орфоэпических стилистических подсистем[1]. По отношению к звучащей речи обычно пользуются общеязыковой стилистической градацией-

1 - В данной работе речь идет об организации звуковой системы кодифицированного литературного языка, за пределами внимания остается особая языковая система - разговорная речь - как область некодифицируемая (Русская разговорная речь).

высокий, нейтральный и сниженный стиль. Нейтральный стиль произношения служит только целям коммуникации, не содержит каких-либо оценок речевой ситуации, не несет экспрессивно-эмоциональной нагрузки. Область проявления нейтрального стиля - фонетическая подсистема языка. Когда мы формулируем фонетические законы, мы описываем стилистически нейтральную, неокрашенную речь. Нейтральному стилю противопоставлены два маркированных произносительных стиля - высокий (придающий нашей речи торжественно-приподнятый характер) и сниженный разговорный (особенности речи непринужденно-бытовой, непритязательной). Особенности произношения, свойственные каждому из стилей, достаточно подробно описаны в литературе (Панов 1963; Фонетика 1968 и др.). Орфоэпически значимыми любые стилистические особенности произношения становятся только в том случае, если они соотнесены с вариантами, свойственными другому стилю, то есть о стилистической нагрузке орфоэпического варианта можно говорить только тогда, когда говорящий может выбирать, как именно произнести то или иное слово - р[а']ля́ль или р[о]ля́ль, м[и']рцать или м[э"]рцать. В тех случаях, когда морфема не может быть произнесена вариативно, её звуковой состав не описывается законами стилистической подсистемы. Например, слово боа произносится обязательно с безударным звуком [о], что является приметой принадлежности этого слова к орфоэпической подсистеме заимствованных слов. Но поскольку это слово нельзя произнести иначе, стилистической нагрузки эта звуковая "странность" не несет.

Рассмотренные орфоэпические подсистемы русского литературного языка являются социолингвистическими, поскольку их выделение связано либо с социальными характеристиками носителей языка (возраст, место жительства, пол и др.), либо с экстралингвистической оценкой ситуации речи.

Но можно говорить и о существовании чисто языковых орфоэпических подсистем - подсистемы заимствованных слов, междометий, служебных слов, терминов, имен собственных, аббревиатур и др. Очевидно, что чем детальнее мы будем анализировать звуковые особенности, присущие разным группам слов, тем больше подсистем сможем выделить. Но необходимо еще раз подчеркнуть, что в эти орфоэпические подсистемы войдут только те языковые факты, которы

не подчиняются законам фонетической подсистемы, то есть допускают орфоэпическую вариантность любого типа. Большая же часть заимствованных слов, терминов, служебных слов и т.п. будет описываться фонетическими законами, ничем не отличаясь по своему звуковому поведению от основной массы слов русского языка.

Сама процедура выделения различных орфоэпических подсистем языка предполагает, что каждая из них противопоставлена не только фонетической подсистеме языка, но и другим орфоэпическим подсистемам. Известно, что орфоэпические варианты, формирующие конкретную произносительную норму, практически никогда не отличаются друг от друга только формально, внешне. Язык нагружает их дополнительными функциональными значениями, устраняя тем самым неэкономичную для системы дублетность.

Орфоэпическая подсистема языка организована так, что варианты произношения всегда парадигматически соотнесены - один вариант нормы используется в одной языковой подсистеме, другой - в другой. Например, слово езду произносится со звуком [ɛ'] в орфоэпической подсистеме "старшей" нормы, а со звуком [и] - в подсистеме "младшей" нормы; икающий вариант произношения характерен для московской произносительной подсистемы, экающий - для традиционной разновидности ленинградского произношения и т.п. Это позволяет ввести понятие орфоэпической парадигмы, то есть совокупности произносительных вариантов, распределенных по различным подсистемам и чередующихся друг с другом в зависимости от орфоэпических условий. Парадигматически соотнесенные элементы всегда воспринимаются как некое языковое единство, формальная разница между ними игнорируется носителями языка. То, что орфоэпические варианты, отличающиеся друг от друга звуковым или фонемным составом, передаются на письме одинаково, является подтверждением того, что они воспринимаются как некое функциональное тождество.

Частные орфоэпические подсистемы могут быть противопоставлены друг другу и фонетической подсистеме не только бинарно, между ними могут быть более сложные отношения частичного перекрещивания и частичного контраста. Так, например, варианты произношения возвратного постфикса могут быть соотнесены и в плоскости "старшей" и "младшей" орфоэпических подсистем, и в плоскости высокого и нейтрального произносительного стиля,

икающие и экающие варианты разграничивают не только московскую и ленинградскую произносительные подсистемы, но и стилевые орфоэпические подсистемы и т.п.

Итак, можно представить звуковой ярус русского литературного языка как сложную систему, состоящую из двух подсистем: фонетической и орфоэпической, последняя из которых в свою очередь состоит из ряда частных подсистем. Подобное устройство звуковой системы языка является естественным проявлением двух противоположных тенденций, присущих любому развитому литературному языку: с одной стороны, стремление к стабильности, неизменчивости сложившихся норм, обеспечивающее наилучшие условия общения носителей языка, а с другой стороны, постоянное развитие под влиянием внутренних и внешних причин.

ЛИТЕРАТУРА.

Гловинская 1967 – Гловинская М.Я. Фонологическая подсистема малочастотных слов в современном русском литературном языке: Автореферат дис. ... канд.филол.наук.–М., 1967.

Гловинская 1971 – Гловинская М.Я. Об одной фонологической подсистеме в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка.– М., 1971.

Горбачевич 1978 – Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма.– Л., 1978.

Земская, Китайгородская, Розанова 1987 – Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи в современном русском языке // Proceedings of Eleventh International Congress of Phonetic Sciences.–vol.1, Tallinn, 1987.

Каленчук 1986 – Каленчук М.Л. Особенности реализации согласных фонем на стыке морфем в современном русском литературном языке: Автореферат дис. ... канд.филол.наук.–М., 1986.

Панов 1963 – Панов М.В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие современного русского языка.– М., 1963.

Панов 1967 – Панов М.В. Русская фонетика.– М., 1967.

Панов 1979 – Панов М.В. Современный русский язык: Фонетика.–М., 1979.

Панов 1989 – Панов М.В. Фонетика // Современный русский язык / Под ред. В.А.Белошапковой.–М.,1989.

Реформатский 1987 – Реформатский А.А. О типах позиций // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика.– М.,1987.

Русская разговорная речь – Русская разговорная речь /Под ред. Е.А.Земской.– М.,1973.

Сергеева 1984 – Сергеева Т.А. Аллофонное и фонемное варьирование согласных в некоторых региональных вариантах русского литературного языка // Лингвистика и модели речевого поведения.–Л.,1984.

Фонетика 1968 – Фонетика современного русского литературного языка:Русский язык и советское общество.Социолого-лингвистическое исследование / Под ред.М.В.Панова.–М.,1968.

С.М. Кузьмина

Лишний термин?

"Орфография - дело серьезное, к нему строго, нахмурясь надо подходить. Долбить, долбить, долбить! Когда орфографию учишь, ведь жизнь не мила, а учи! долби!" Это слова Ивана Семеновича Полупшенного - героя, а точнее, антигероя книги М.В. Панова "Занимательная орфография". (Панов 1984, с. 102).

Если бы Полупшенный работал в Министерстве Просвещения, то можно подумать, что это он решил ввести в школьное преподавание термин орфограмма. А ведь когда в начале 70-х годов нашего века было решено перейти на новое содержание обучения, то новое в обучении орфографии связывали почему-то именно с орфограммой. По мысли методистов, этот термин был призван обеспечить единство курса орфографии, раздробленного по классам, "создать предпосылки для изучения орфографии как системы", а также покончить с зубрежкой в школе и резко повысить грамотность. И если, как показали результаты проверки, грамотность осталась на прежнем уровне, то причина в том, что "в настоящее время еще не все учителя осознали центральное положение понятия "орфограмма" в работе по орфографии при использовании учебников" (Баранов 1978, с. 15).

Что же такое орфограмма и почему на нее возлагались такие надежды?

Этот термин многозначен, причем значение его менялось. Поэтому попытаемся восстановить историю и трансформацию его значений.

Исходное значение этого термина отражено в Большой Советской Энциклопедии. Орфограмма - "отдельное написание, в котором применено какое-либо правило орфографии. Минимальной орфограммой является слово, но орфограммой может быть и сочетание двух и более слов. В однословной орфограмме реализуются правила о написании той или иной буквы, напр., "е" (а не "и") в слове "слеза", "о" (а не "а") в слове "точить", о написании прописной или строчной буквы, напр., "Орёл" (город), но "орёл" (птица), о написании слитном или через дефис, напр., "попрежнему", но "по-старому" ..... ." (БСЭ, II изд., 1956 г.).

Здесь все ясно: орфограмма - не строгий научный термин, а удобная замена длинных описательных выражений, самое короткое из которых "слово или сочетание слов в общепринятой орфографической записи". Примеры на употребление: орфограмма слова лебедь, орфо-

грамма слова дом. Все остальные значения выросли из этого.

В 30-е годы в методической литературе "орфограмма" употребляется и в этом, и в более узком значении – для обозначения любой б у к в ы в слове, написанной по правилу орфографии, в том числе и по принципу "пиши как слышишь". Выделялись такие типы орфограмм: 1) фонетические, 2) морфологические, 3) традиционные (Обзор орфограмм см. Богоявленский 1957).

Постепенно термину орфограмма придается еще более узкое значение – не любое правильное написание буквы, а только той буквы, где можно сделать ошибку. Таким термином (методисты пользовались им, не давая ему точного определения) было удобно обозначать "опасное" место в слове, то есть такое, где ученик мог выбрать "не ту" букву, где он должен был применить правило орфографии, чтобы не сделать ошибки.

Одновременно с сужением шло и вторичное расширение понятия орфограмма. Орфограммой стали называть не только то место в слове, где можно сделать ошибку, но и место между словами, где есть выбор между слитным написанием и пробелом или между слитным и дефисным написанием (ср. методические термины орфограмма=буква, орфограмма=черточка, орфограмма=пробел) и т.п.

Затем начинается теоретическое осмысление понятия орфограмма, поиски его определения. Где можно сделать ошибку? Там, где есть выбор букв. Значит, орфограмма – это "написание... в том случае, где пишущему предоставлен выбор букв для обозначения того или иного звука (фонемы)". (Иванова 1976, с. 134 – 135). Выбор букв требует применения правила; значит, орфограмма – это "написание, соответствующее правилам орфографии, требующее применения этого правила (СЭС, 1981). При этом сам термин орфография понимается то широко, – без подразделения на графику и орфографию, то узко – как не-графика. И тогда эти два типа определения вступают в противоречие друг с другом: есть правила графические, при которых все же возможен выбор букв и, следовательно, ошибка, напр., жи/ши.

В школьные учебники IУ – У1 классов понятие орфограмма намеренно было введено без определения. Однако "нет необходимости убеждать кого бы то ни было в том, что, изучая орфограммы, нельзя не иметь понятия об орфограмме (РЯШ 1978, № 3, с. 10). Это понятие учителя могут почерпнуть из методической литературы, например, из статьи М.Г.Баранова "Пути совершенствования работы над орфограммой

в IУ-УI классах (при использовании учебников)" (там же). В этой статье определение орфограммы дано описательно: "среди написаний (знаков письма) в словах различаются орфограммы (т.е. написания, регулируемые правилами или традицией, например, буква О в слове дома́ , дефис в слове по-иному, первая буква О в слове топор) и неорфограммы (т.е. написания, определяемые произношением), например, буквы д, о, м в слове дом" (с. I4).

Это определение мало что добавляет к интуитивному представлению учителя об орфограмме как о месте в слове, где ученик может сделать ошибку, и вызывает много вопросов: а что, правилами регулируется написание не всех букв? А передача мягкого согласного, напр.,[т'] буквой т или ть - не по правилу? А традиционные написания, напр., мышь - не по правилу?

Можно посочувствовать учителям, вооруженным таким определением орфограммы, этого "объективного явления письменной формы языка" (там же). Ведь с помощью понятия орфограмма они должны перестроить всю работу над преподаванием орфографии!

Многие учителя оценивают введение понятия орфограмма в школьные учебники как внесение путаницы в преподавание и усложнение простых вещей. Мы согласны с этим. Ведь теперь ученику мало знать орфографические правила. Надо еще: уметь различать орфограммы и неорфограммы; знать разные типы орфограмм и их опознавательные признаки; уметь не путать орфограммы и орфографические правила и многое другое. Прав оказался И.С. Полупшенный: "жизнь не мила, а учи! долби!"

Мы видим, что в методике преподавания русского языка орфограмма, этот первоначально безобидный рабочий термин, так и не получивший точного определения, постепенно обрастает множеством других: неорфограмма, графическая орфограмма, графограмма, опознавательные признаки орфограммы, варианты орфограммы. Уже ее называют единицей письма, центральным понятием орфографии.

И наконец - орфограмма начинает претендовать на роль лингвистического термина, делается попытка доказать необходимость этого понятия в теории русского письма, обосновать его лингвистический статус. Такая попытка предпринята в докторской диссертации Л.Б.Селезневой "Орфограмма в системе современного русского письма" (середина 80-х годов). Определение орфограммы, данное в работе: "элементарная единица письма фонемографического типа, реализуемая на основе морфематического принципа мотивации", малопонятно. Авто

приходит к неожиданному выводу, что "понятие орфограммы в зависимости от актуализации ее содержания (? - С.К.) имеет способность менять свой статус": орфограмма - это и элементарная единица письма (Н в суффиксе краткого страдательного причастия), и правило орфографии (в суффиксе краткого страдательного причастия пишется Н), и система вариантов (Н - НН в слове). Это похоже на сон или на таинственный зазеркальный мир, где всё сдвинуто, переплетено, перепутано и не узнаёшь знакомых вещей.

Понятие орфограмма остается расплывчатым, многозначным, противоречивым. Это и не случайно: насильственное введение в лингвистическое описание русской орфографии лишнего, избыточного понятия "орфограмма" неизбежно должно привести к таким противоречиям. Доказательством ненужности, избыточности этого понятия является и взаимозаменяемость, как в тексте этой работы, так и других работ, посвященных орфограмме, понятий "орфограмма", "графема", "написание", "буква": говорится то о выборе написания, то о выборе буквы, то о выборе графемы, то о выборе орфограммы.

Исходя из ложной посылки, что "орфограмма - одно из актуальных понятий орфографии", Л.Б.Селезнева мучительно пытается решить намеченные ею проблемы: "проблема разграничения орфограммы и неорфограммы", "проблема различения орфограммы и орфографического правила", "проблема выявления свойств орфограммы", "проблема отдельности варианта орфограммы", "проблема опознавательных признаков орфограммы" и др. Всё это лжепроблемы, ибо стоит только отказаться от понятия орфограмма, как все они снимаются, отпадают сами собой.

Попытка перенести понятие орфограмма из методической литературы в лингвистику, установить лингвистический статус этого понятия потерпела поражение: оперирование этим понятием приводит к неоправданно сложному, громоздкому описанию русской орфографии, к ненужному запутыванию понятий, принятых в теории русского письма.

Московская фонологическая школа в работах по теории русского письма обходится без понятия орфограммы и тем не менее дает стройное и простое описание орфографии. М.В. Панов понятие орфограммы использует там, где речь идет об аспекте обучения письму, но и в этом случае он пользуется этим понятием в его исходном, нетерминологическом значении:

"Все, что написано по правилам орфографии, – буква в слове или целое слово, называется орфограммой. Например: арбуз. Буква а в начале слова – орфограмма, буква з в конце слова – орфограмма, и всё слово арбуз – орфограмма". (Панов 1984, с. 116).

Когда коллектив сотрудников Института русского языка под руководством И.С.Ильинской и М.В.Панова работал над Экспериментальным учебником русского языка (Русский язык 1979), было решено не пользоваться термином орфограмма как избыточным для описания теории русской орфографии.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов 1978. – М.Г. Баранов. Пути совершенствования работы над орфограммой в IУ – УI классах (при использовании учебников). – Русский язык в школе, 1978, № 3.

Богоявленский 1957. – Д.Н. Богоявленский. Психология усвоения орфографии. М., 1957.

Иванова 1976. – В.Ф. Иванова. Современный русский язык. Графика и орфография. М., 1976.

Панов 1984. – М.В. Панов. Занимательная орфография. М., 1984.

Русский язык 1979. – Русский язык. Экспериментальные учебные материалы для средней школы. Части I и П. М. 1979; части Ш и IУ. М. 1980.

РЯВШ 1978 – Русский язык в школе, 1978, № 3.

СЭС 1981. – Советский энциклопедический словарь. М., 1981.

www.ruslang.ru

Б.З. БУКЧИНА

Об одном негласном орфографическом исключении

М.В. Панов – ученый широких лингвистических интересов. Его исследования по орфографии занимают достойное место среди работ таких выдающихся лингвистов, как Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, В.И. Чернышев, Д.Н. Ушаков, Г.О. Винокур, Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров, А.А. Реформатский, А.Б. Шапиро, С.И. Ожегов... М.В. Панов подарил орфографии значительную часть жизни, а вот орфография пока ничего не подарила ему – во всяком случае, ничего материального. Пожалуй, это несправедливо – и данную несправедливость давно пора устранить, что мы и попытаемся сделать в предлагаемой заметке.

Речь пойдет об одном не зарегистрированном "Правилами русской орфографии и пунктуации" (1956 г.) исключении, неукоснительно соблюдающемся нашей послушной печатью в течение почти 40 лет. Такое массовое соблюдение не зарегистрированного "Правилами..." исключения на фоне не менее массового несоблюдения зарегистрированных правил и исключений по меньшей мере удивляет. Понятно, что орфография – это норма письменной речи для всех пишущих. Д.Н. Ушаков настаивал: "Правописание, чтобы быть общим, не может допускать писать "как угодно"?" Тем более сейчас, когда с 1956 г. существует единый Свод орфографических правил, все пункты которого обязательны для всех пишущих. Обратим внимание: все пункты, но не больше, чем все... куда уж больше?!

Так вот, оказывается, есть куда больше."Правила..." (§ 4, п.I) однозначно рекомендуют в окончаниях имен существительных после шипящих писать под ударением о, в безударном же положении – е (т.е. ножом, шалашом, плечом, плащом, Фомичом, Кузьмичом, но: сторожем, товарищем, Саввичем, Фокичем). Так, в общем и пишут или стараются писать. Кроме одного случая: Владимиром Ильичём Лениным. Это и есть то самое исключение, не зарегистрированное Сводом, но прочно "зарегистрированное" в сознании советского человека.

А история вопроса такова.

Члены Орфографической комиссии, готовившие Свод, обратили

внимание на то, что форма Ильичём (Лениным), как правило, писалась с ё (в частности, такое написание встретилось в одном из писем Н.К. Крупской). Чтобы сохранить орфографическую неприкосновенность В.И. Ленина, было принято "устное" исключение: писать, например, Петром Ильичом (Чайковским), Михаилом Ильичом (Роммом), но Владимиром Ильичём (Лениным). И только так. Владимира Ильича Ленина поставили в оппозицию всей отечественной орфографии сразу. В полном одиночестве - противу масс. Правило это даже в годы застоя не распространилось ш и р е - например, на "верного ленинца" Л.И. Брежнева (Из газет: "... встали, чтоб приветствовать Политбюро во главе с Генеральным секретарем Леонидом Ильичом Брежневым"; "... одна из участниц войны назвала его (Брежнева) "нашим Ильичом"). Впрочем, что там Л.И. Брежнев, если даже по поводу родных братьев В.И. Ленина не было ясности: писать ли Дмитрием, Александром Ильичём или Ильичом!

Может быть теперь, в период демократии и гласности, не стоит уже усложнять нашу и без того нелегкую орфографическую жизнь? И отменить наконец это негласное, несуществующее исключение, которое, кстати, очень не нравится нашему юбиляру М.В. Панову? Наверное, на это-то хватит у нас демократии и гласности?

Если да, то давайте писать по общему правилу: Владимиром Ильичом Лениным (под ударением), но Михаилом Викторовичем Пановым (в безударной позиции). Сделаем такой скромный орфографический подарок М.В. Панову, которому столь многим обязана теория и практика русской орфографии!

В.С.Храковский

Наклонение и время
(к вопросу о взаимосвязях грамматических категорий)

Обсуждение интересующей нас проблемы начнем с констатации двух исходных утверждений, которые, на наш взгляд, представляются бесспорными. Первое: граммемы глагольных категорий наклонения и времени играют важную роль в формировании смысла высказывания. Второе: категории наклонения и времени тесно связаны друг с другом и даже "характеризуются «взаимопроникновением»" [Лайонз 1978,335].

Споры и дискуссии возникают при обсуждении вопроса о характере связи между указанными категориями, что определяется и наличием разных трактовок этих категорий, и неодинаковыми представлениями о составе форм, включаемых в рассматриваемые категории. Принял участие в названных дискуссиях и автор настоящей статьи [Володин, Храковский 1977; Храковский 1980; Храковский, Володин 1986]. Напомним основные выводы, которые сделаны в этих работах. 1) Нет двух равноположенных категорий наклонения и времени, 2) Есть одна категория наклонения, а время представляет собой субкатегорию наклонения, 3) Императив не является формой наклонения, 4) Наклонение - это категория, которая характеризует реальность/нереальность сообщаемого факта с точки зрения говорящего, а временная отнесенность представляет собой способ существования реальности. Иными словами, с помощью категории наклонения говорящий относит сообщаемый факт либо к миру реальных событий, либо к миру возможных событий [Храковский, Володин 1986,64,65,68].

Теоретические положения, впервые обнародованные в 1977г, сейчас уже не кажутся полностью бесспорными. Пришло время для частичной ревизии концепции. Стимулом для этого служат, во-первых, отдельные эмпирические факты, которые в свое время, к сожалению, оказались не учтенными, а во-вторых, конструктивные критические замечания, которые были высказаны в некоторых из рецензий [Лефельдт 1988, Величова 1988].

В результате ревизии прежних взглядов мы приходим к следующим важным модификациям нашей концепции. 1) Наклонение и время являются самостоятельными, хотя и взаимосвязанными категориями: время характеризует не только сферу реальности

(как мы утверждали ранее), но может характеризовать и сферу ирреальности (что мы ранее отрицали). Иными словами, теперь мы полагаем, что реальный сообщаемый факт существует во времени, а ирреальный сообщаемый факт может мыслиться во времени,[I 2)] Императив является формой наклонения, маркирующей положение вещей, которое из ирреального может превратиться в реальное. В итоге, наше нынешнее понимание наклонения и времени довольно близко их традиционной трактовке (все возвращается на круги своя), хотя несомненно изменилась и углубилась соответствующая аргументация. Не проводя специального анализа эволюции наших взглядов (этому будет посвящена отдельная работа), мы в данной статье намереваемся внимательно рассмотреть вопрос о взаимосвязи категорий наклонения и времени.

В этих целях нам необходимо обратиться к анализу структуры семантического представления словоформы глагола. Правдоподобная гипотеза относительно устройства семантического представления глагольной словоформы на материале агглютинативного хиналугского языка представлена в работе (Кибрик 1989). Финитный глагол в этом языке, кроме корня, включает показатели вида, времени и наклонения. Напр.: ки=р=ет=мя 'делает', где ки= - корень, =р= - показатель несовершенного вида, =ет= - показатель настоящего определенного времени, =мя - показатель изъявительного наклонения.

Несколько упрощая реальное положение вещей, семантическое представление этой и подобных глагольных словоформ можно уподобить набору матрешек. Внутренняя матрешка - это значение корня. Она заполняет переменную в значении категории вида, представляющей следующую матрешку. Несовершенному виду дается следующее приблизительное толкование: 'длится и не имеет результата событие X', где (в данном случае) X = 'делать' - значение корневой морфемы. Значение категории вида в свою очередь заполняет переменную в значении категории времени, представляющей собой следующую матрешку. Настоящему определенному времени дается такое приблизительное толкование: 'в момент речи имеет место X', где (в данном случае) X - 'длится и не имеет результата событие делать', т.е. сочетание значений вида и корневой морфемы. Значение категории времени заполняет переменную в значении категории наклонения, представляющей

собой последнюю внешнюю матрешку. Значение изъявительного наклонения приблизительно толкуется, как 'верно, что Х', где (в данном случае) Х – 'в момент речи имеет место, длится и не имеет результата событие делать', т.е. сочетание значений времени, вида и корневой морфемы.

Из этой гипотезы следует, что взаимосвязи категорий предопределяются устройством семантического представления глагольной словоформы: взаимосвязанными являются такие пары категорий (вид – время, время – наклонение), у которых значения одной категории вкладываются в значения другой категории, причем "расположение служебных аффиксов относительно корня повторяет структуру семантического представления словоформы" (Кибрик 1989,8).

Опираясь на эту гипотезу, которая подводит теоретический фундамент под эмпирически наблюдаемые факты взаимосвязи наклонения и времени, обратимся к систематическому анализу этой взаимосвязи, поставив целью рассмотреть, что происходит с категорией времени при переходе от одной категориальной формы наклонения к другой, а именно от индикатива (=изъявительного наклонения) к императиву (=повелительному наклонению). Иными словами, исходным объектом нашего исследования будут глагольные формы, в состав которых входит показатель индикатива, а само исследование заключается в замене заданных форм другими, отличающимися от заданных только тем, что в них показатель индикатива заменен показателем императива. Задача исследования сводится к тому, чтобы установить, как реагирует на замену индикатива императивом категория времени.

Если в каком-либо языке глаголу присущи категории наклонения и времени, то обычно в индикативе представлены все возможные в этом языке временные формы. Если же от индикатива перейти к императиву, то здесь ситуация в корне меняется. В подавляющем большинстве случаев у императива нет временных форм. Такое отторжение категории времени объясняется не тем, что значения императива и времени в принципе совсем не совместимы. Напротив, отторжение происходит в силу внутренне присущей императиву презентно-футуральной рамки, т.е. того, что действие, обозначаемое императивной формой, либо уже реализуется в момент речи (читай = 'продолжай читать', т.е. делай то,

что ты уже делаешь, – презентная перспектива), либо должно начать реализоваться после момента речи (читай = 'начинай читать', т.е. делай то, что ты еще не делаешь, – футуральная перспектива).

Присущая императиву презентно-футуральная рамка объясняет его многообразные связи с соответствующими временными формами индикатива. Эта связь, например, проявляется в том, что в некоторых языках, в частности в славянских, специализированные центральные формы императива 2л. ед.ч. образуются от основы настоящего времени индикатива: (рус.) смотр=и, читай=Ø.

Далее эта связь проявляется в том, что некоторые императивные формы по происхождению являются формами настоящего или будущего времени, либо восходят к этим формам. Ср.: (фр.) parle 'говори', parlez 'говорите', parlons 'давай(те) говорить', (рус.) идем, идемте, пусть идет, пусть идут.

Наконец, эта связь проявляется в том, что в отдельных языках презентные и/или футуральные формы индикатива выступают как полноправные синонимы императивных форм, не уступая им в употребительности. Именно такая ситуация характерна для языка иврит, где повеление ко 2л. выражается как формами императива (saper 'расскажи' (м.р.), sapri 'расскажи' (ж.р.), sapru 'расскажите'), так и формами футурума (tesaper 'расскажи' (м.р.), tesapri 'расскажи' (ж.р.), tesapru 'расскажите'). Семантические различия между "стандартным" и "футуральным" императивом трудноуловимы. Считается, что "футуральный" императив в принципе более вежлив, чем "стандартный". Существенно вместе с тем подчеркнуть, что в иврите нет специализированных императивных форм 1л. и 3л., и соответствующие формы футурума – это единственные формы, способные выражать повелительное значение (1л. мн.ч. nesaper 'давай(те) расскажем', 1л. ед.ч. 'asaper 'расскажу=ка я', 3л. ед.ч. м.р. yesaper 'пусть он расскажет', 3л. ед.ч. ж.р. tesaper 'пусть она расскажет', 3л. мн.ч. yesapru 'пусть они расскажут').

Сходная ситуация наблюдается и в языке кламат (языковая семья кламат-сахаптин, макросемья пенути, США, штат Орегон), где форма будущего времени (показатель =wabg/=wapk) выступает как полноправный синоним любой формы, входящей в императивную парадигму (временные формы индикатива в отличие от

форм императива по лицам не изменяются).[2] Ср.: ksebli=ø 'принеси живое (=рыбу) обратно' – императив 2л. ед.ч., ksebli=wapk 'принеси живое (=рыбу) обратно' – футурум; ksotgi=k 'положу=ка я живое вниз (рыбу на шампур)' – императив 1л. ед.ч., ksotgi=wapk 'положу=ка я живое вниз (рыбу на шампур)' – футурум. Если говорить об отличиях стандартного и футурального императива, то наблюдается следующая тенденция: стандартный императив предпочтительно употребляется в простых предложениях, а футуральный в сложных, причем в цепочке последовательных действий первое действие всегда обозначается стандартным императивом, а последующие – футуральным: satwaaY=i ?is gen, lolp ?is sodeebalii=wapk 'Помоги ты-мне это, глаза ты-мне сделай-мне-снова'.

Нам остается добавить, что презентные и футуральные формы индикатива в принципе имеют тенденцию в косвенных речевых актах выступать в качестве функциональных синонимов императивных форм 2л. (Завтра Вы подаете/подадите заявление об уходе по собственному желанию).

Суммируя сказанное, можно утверждать, что категории наклонения и времени не только взаимосвязаны, но и взаимодействуют друг с другом. Это взаимодействие проявляется в том, что значение времени заполняет переменную в значении индикатива, но является константным компонентом в значении императива. Иными словами, действия, обозначаемые индикативными формами, могут осуществляться до момента речи, в момент речи и после момента речи, тогда как действия, обозначаемые императивными формами, в общем случае должны либо продолжать осуществляться после момента речи, либо начать осуществляться после момента речи, т.е. они жестко связаны с планом будущего времени. Если согласиться с предложенной трактовкой, то придется признать, что утверждение, в соответствии с которым значение времени заполняет переменную в значении наклонения [Кибрик 1989,8], а не его отдельных категориальных форм, и в первую очередь индикатива, является слишком сильным.

Только на первый взгляд сделанному выводу противоречат факты, к рассмотрению которых мы сейчас переходим. В некоторых языках существует оппозиция императивных форм, которая в грамматиках квалифицируется как временная. К числу таких язы-

ков относится латынь, где различаются императив настоящего времени (imperativus praesentis): lauda 'хвали сейчас', laudáte 'хвалите сейчас' и императив будущего времени (imperativus futuri): laudātō 'хвали потом', laudātōte 'хвалите потом'. На самом деле эта оппозиция не является временной в том смысле, в соответствии с которым мы различаем индикативные формы настоящего и будущего времени. Действие, обозначаемое императивом настоящего времени, проецируется в план будущего времени и происходит либо непосредственно после момента речи: Manus lavā et cenā (Cic. De or. 2,246) 'Вымой руки и обедай', либо через любой временной интервал: Si me dilĭgis, postridie Calendas cenā apud me (Cic. Att. 4,12) 'Если ты меня любишь, пообедай у меня на другой день после календ'. Действие, обозначаемое императивом будущего времени, естественно тоже проецируется в план будущего времени, но всегда происходит только через какой-либо временной интервал после момента речи: Si me dilĭgis, ad me littĕras mittito (Cic. Fam. 3,9,2) 'Если ты меня любишь, пришли мне письмо'.[3]

Таким образом, и императив настоящего времени, и императив будущего времени обозначают будущее действие, а суть их различий состоит в том, что сфера действия императива будущего времени распространяется только на часть отрезка временной оси, который составляет сферу действия императива настоящего времени. Иными словами, императив настоящего времени всегда можно употребить вместо императива будущего времени, но не наоборот. Из сказанного следует, что и в латыни у императива нет категории времени, однако здесь место этой категории занимает другая категория, которую условно можно характеризовать, как категорию временной ориентации, поскольку различие образующих ее форм связано с обязательностью/необязательностью наличия интервала между моментом речи и моментом исполнения действия.

Сходная ситуация наблюдается в тунгусо-маньчжурских языках, в частности в нанайском языке [Аврорин 1961]. Здесь во 2л. различаются императив ближайшего будущего и императив отдаленного будущего. Показатель императива ближайшего будущего – суффикс =ру=/=у=/=о= (хола=у 'читай сейчас', хола=у=су 'читайте сейчас', дёбо=ру 'работай сейчас', дёб=о=су 'работайте

сейчас'). Показатель императива отдаленного будущего - суффикс =хари=/=хэри= (чимана хола=хари 'завтра читай', чимана хола=хар=су 'завтра читайте', дёбо=хари 'работай потом', дёбо=хар=су 'работайте потом'). Если языковые факты описаны точно, то дистрибуция императивных форм в нанайском языке не такая, как в латыни. В нанайском языке императивные формы находятся в отношении дополнительной дистрибуции: императив ближайшего будущего обозначает действия, которые происходят немедленно после момента речи, т.е. без интервала, тогда как императив отдаленного будущего обозначает действия, которые происходят через какой-либо интервал после момента речи.

Впрочем, можно думать, что дистрибуция императивных форм в тунгусо-маньчжурских языках напоминает дистрибуцию императивных форм в латыни. В этом нас убеждает знакомство с фактами эвенкийского языка. Хотя в грамматике этого языка в соответствии с существующей традицией описания говорится, что "глагол побудительного наклонения дифференцируется по степени временной отдаленности совершения побудительного действия от момента речи: различается побудительное действие ближайшего будущего и отдаленного будущего времени" [Константинова 1964, 183], примеры, любезно предоставленные в наше распоряжение Н.Я.Булатовой, позволяют сделать вывод, что сфера действия императива ближайшего будущего (показатель 2л. ед.ч. =кал/=кэл) распространяется на всю временную ось после момента речи, тогда как сфера действия императива отдаленного будущего (показатель 2л. ед.ч. =дāви/=дэ̄ви) требует наличия интервала после момента речи и при этом императив отдаленного будущего обозначает смягченное повеление. Ср.: Си эрты эмэ=кэл 'Ты тотчас приходи', Си тыматнэ эмэ=кэл 'Ты завтра приди' и Си тыматнэ эмэ=дэ̄ви 'Ты завтра приходи', Окса, тэли эмэ=дэ̄ви 'Сделав, тогда приходи'. Таким образом, и в тунгусо-маньчжурских языках императив ближайшего будущего и императив отдаленного будущего независимо от той или другой их интерпретации образуют категорию временной ориентации.

Хотя грамматическая категория временной ориентации представлена в языках относительно редко, тем не менее с прагматической точки зрения этот параметр является очень важным, и во многих случаях значения этой категории реализуются с по-

мощью различных формальных средств, не образующих категориального единства.

Например, в эскимосском языке повелительное значение выражается как с помощью форм императива, так и с помощью форм оптатива, причем выбор этих форм определяется следующими правилами: действия, которые должны происходить немедленно после момента речи, обозначаются с помощью императивных форм (ныг=и 'ешь немедленно'), действия, которые должны происходить через интервал после момента речи (прагматически часто после какого-либо другого действия), обозначаются с помощью оптативных форм (ныныгтын такыхкувык, укини=лга=тын 'есть кончив, шей').

Иное соотношение императивных и оптативных форм наблюдается в близкородственном эскимосскому алеутском языке. Здесь форма оптатива обозначает действие, которое должно быть совершено немедленно после момента речи, и при этом повеление является вежливым (ака=а=хт 'подойди немедленно, пожалуйста'), тогда как форма императива обозначает действие, которое не маркировано ни по времени его совершения после момента речи, ни по вежливости (ака=а=да 'подойди').

В славянских языках временная ориентация окказионально осуществляется с помощью категории вида. В частности, в русском языке императивная форма НСВ выражает действие, происходящее немедленно после момента речи (Включайте свет), а также после любой эксплицитно названной точки отсчета (Через час слушайте важное сообщение), тогда как форма СВ выражает действие, происходящее или немедленно после момента речи (Включи телевизор), или через любой временной интервал (Сходи в театр) [Храковский 1988, Падучева 1989].

Наши краткие итоговые замечания сводятся к следующему. Сопоставительный анализ индикатива и императива, составляющих тот обязательный минимум форм, представленных в любых описаниях категории наклонения, позволяет утверждать, что категория наклонения и категория времени не только тесно связаны, но и взаимодействуют друг с другом. Их взаимодействие проявляется в том, что у индикатива есть временные формы, способные локализовать действие в любой точке временной оси, а у императива таких временных форм нет, поскольку презентно-футуральная рамка является компонентом его значения. Таким образом, зна-

чение времени заполняет переменную в значении индикатива, но не императива. Вместе с тем факультативно императиву может быть присуща категория временной ориентации, которая маркирует различную локализацию действия внутри присущей императиву презентно-футуральной рамки.

Примечания

[1] В Лефельдт справедливо отметил, что "нетрудно найти языки, в которых время есть способ существования не только реальности, но и нереальности; ср. в нем. – **Ich würde lesen – Ich hätte (gestern gern) gelesen** и т.п." Лефельдт 1988, 310 .

[2] О языке кламат см. работы Баркер 1964, Стегний 1983 .

[3] Латинские примеры заимствованы из работы Соболевский 1948, 191 .

Литература

Аврорин 1961 – Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. М.; Л., 1961, т.2.

Баркер 1964 – **Barker M.A.R. Klamath Grammar // University of California. Publications in Linguistics.V.32, Los-Angeles, 1964.**

Беличова 1988 – **Beličová H. O sémantice a tipologii imperativu, zejména ruského // Československá rusistika, 1988, N2.**

Володин, Храковский 1977 – Володин А.П., Храковский В.С. Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение) // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977

Кибрик 1989 – Кибрик А.Е. Типология: таксономическая или объяснительная, статическая или динамическая // ВЯ, 1989, № 1.

Константинова 1964 – Константинова О.А. Эвенкийский язык. М.; Л., 1964.

Лайонз 1978 – Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику М., 1978

Лефельдт 1988 – **Lehfeldt W.,** Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. Ленинград, Наука, 1986, стр. 272 // **Russian Linguistics,**

1988, № 12.

Падучева 1989 – **Paducева E.V.** Семантика и прагматика несовершенного вида императива в русском языке // **Studia Slavica Finlandensia**, 1989, t.VI.

Соболевский 1948 – Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. Морфология и синтаксис. М., 1948.

Стегний 1983 – Стегний В.А. Морфологическая структура глагола в языке кламат. АКД. М., 1983.

Храковский 1980 – Храковский В.С. Соотношение модальных и временных компонентов высказывания // **Otázky slovanské syntaxe, IV/2, 1980.**

Храковский 1988 – Храковский В.С. Императивные формы НСВ и СВ в русском языке и их употребление // **Russian Linguistics, 1988,N 12.**

Храковский, Володин 1986 – Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.

Р.И.Лихтман

Словообразовательные отношения и словообразовательная семья.

1. Если исходить из понятия системы как набора "элементов и отношений между этими элементами" (Солнцев 1978, с. 21), нужно, говоря о синхронном словообразовании, чётко определить 1) набор единиц (элементов системы) и 2) суть тех специфических отношений между ними, которые формируют именно словообразовательную систему.

Первое подробно рассматривается в отечественной литературе (что не исключает, конечно, возможных уточнений по этому поводу), второе же находит достаточно туманное освещение.

Начну с последнего.

1.1.1. Что такое словообразовательные отношения?

Чаще всего их отождествляют с отношениями производности, т.е. с отношениями между производным (ПДН) и производящим (ПДЩ). Так, например, А.Н.Тихонов не включает в одно словообразовательное гнездо слова типа разуть и обуть на том основании, что эти слова "не находятся в словообразовательных отношениях" (Тихонов 1978, с. 3). Ср. также М.Н.Янценецкая отрицает возможность считать отношения в парах типа аморальный – мораль, извлекать – вовлекать и т.п. словообразовательными, т.к., "реализуя индивидуальные связи слов, они не отражают типизированного (словообразовательного) способа выражения лексических значений" (Янценецкая 1977, с. 49).

Правомерно ли такое ограничение понятия "словообразовательные отношения"?

Если предметом синхронного словообразования считать т о л ь к о ПДН слова, тогда ответ должен быть положительным. Однако с того времени, когда в отечественной науке в развитие идей Г.О.Винокура и А.И.Смирницкого появилось разграничение понятий "производность" и "членимость", в описание словообразования стали (хотя и не все авторы) включать и непроизводные (НПДН) слова, и не только типа разуть, жених, которые Г.О.Винокур считал ПДН, но и типа малина, которые только А.И. Смирницкий впервые назвал ПДН, возражая в подходе к подобным словам Г.О.Винокуру.

Однако отношение этих слов к словообразовательной системе

было неясно, т.к. её продолжали понимать как "совокупность словообразовательных типов языка... в их взаимодействии" (АГ-70, §33), к чему затем прибавляется и "совокупность словообразовательных гнёзд".(АГ-80, §201). Обе единицы - словообразовательный тип и словообразовательное гнездо - формируются, согласно определениям той же АГ, отношениями производности (мотивации - см. АГ-80, §§ 198, 194), а значит, отношения в парах (рядах) слов типа разуть - обуть или малина - смородина не вписываются в словообразовательную систему, они должны оставаться за её пределами.

Впрочем, в то же время появлялись отдельные замечания о необходимости изучать не только отношения производности, или, по другой терминологии, мотивации (см., например, Улуханов 1977, с. 37, 202). Стали появляться и описания конкретных рядов (подучивших название словообразовательных рядов) между членами которых не было отношений производности (см., например, статьи Г.В.Аликаевой, М.Д.Барченковой, А.Д.Зверева, Ш.С.Сафарова, П.А. Соболевой в[Актуальные проблемы 1982]). Необходимость изучения разных отношений между словами связывается уже непосредственно с описанием словообразовательной системы (см., например, Лихтман 1973, с. 138-140); ср.у Е.А.Земской: "Недостаточно... наиболее распространённое... описание лишь бинарных отношений в словообразовании (т.е. соотношения производной и производящей основ), так как оно не отражает адекватно всю сложность словообразовательной системы языка." [Земская 1978, с. 77]. И в более поздней работе, формулируя систему синхронного словообразования как совокупность всех словообразовательных типов в их взаимодействии, автор делает очень существенное добавление о необходимости "включать в систему словообразования не только производные, но и членимые слова (как периферийную, но важную область", приходя к выводу: "Система синхронного словообразования - сложная иерархическая организация, в которой обнаруживается противопоставление единиц разной структуры и разной степени сложности" [Земская 1981, с. 219].

Однако при таком подходе к словообразовательной системе должен, очевидно, расшириться и круг словообразовательных отношений, т.е. отношений, формирующих словообразовательную систему.

Отношения производности следует рассматривать лишь как часть, разновидность (пусть и очень характерную и распространённую в языке) словообразовательных отношений. Знак равенства между ними и отношениями производности можно поставить только применительно к диахронному словообразованию.

1.1.2. Какие из отношения в языке можно назвать словообразовательными?

Очевидно, целесообразно следующее определение: словообразовательные отношения – это отношения между словами, имеющими определённую лексико-семантическую соотносительность (общее и разное в семантике), выраженную формально в структуре слова.

Отсутствие хотя бы одного из указанных признаков лишает отношения статуса словообразовательных. Именно поэтому нет, например, оснований видеть словообразовательные отношения в парах врач – лечить, портной – шить и т.п.: здесь налицо лексико-семантическая соотносительность, но она не выражена формально. С другой стороны, вопрос о наличии синхронных словообразовательных отношений в парах белка – белый, чёрный – чернила, улица – переулок и т.п. (их не так мало в языке!) будет решаться в зависимости от того, признаем ли мы в современном русском языке семантическую общность слов в каждой такой паре; ср. известные рассуждения Г.О.Винокура о статусе слова земляника в современном русском языке [Винокур 1946].

Точно так же, не сомневаясь (с точки зрения предложенного определения словообразовательных отношений) в наличии таких отношений между ставшими уже хрестоматийными словами малина – смородина (общность семантическая –‹ягода›– выражена в них формально), мы не так уверенно будем решать вопрос во многих других парах (рядах) слов.

Можно ли, например, включать в словообразовательный ряд слова бедный – верный – пленный на основании наличия у всех этих слов отрезка –н(ый)? Выражает ли этот отрезок некое словообразовательное значение, общее для всех этих слов? Какое именно? Если только ‹признак›, тогда это не словообразовательное значение, а категориальное, присущее прилагательному как части речи. Между тем словообразовательным значением обладают определённые группы слов в пределах части речи, а значит, оно должно быть уже категориального.

Не всегда легко установить границу между словообразовательным значением и фразеологическими добавками, входящими в лексическое значение слова, что тоже затрудняет анализ конкретных отношений.

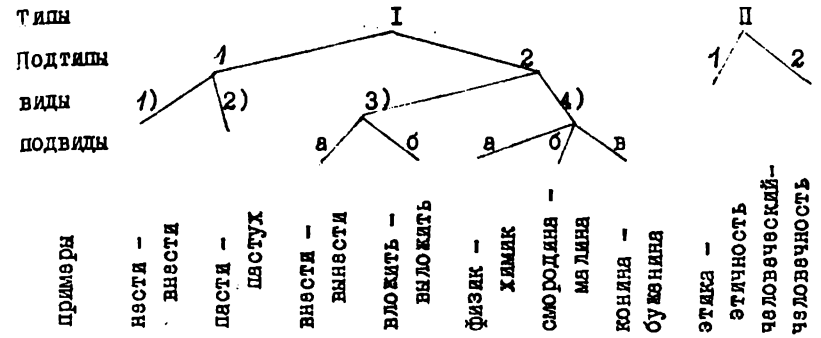
Можно ли, например, включать в словообразовательный ряд библиотека, фильмотека, картотека... и слово аптека? Есть ли в последнем слове сема «собрание», которая формирует указанный словообразовательный ряд? В словаре аптека толкуется так: "Учреждение, в котором изготавливаются и продаются лекарства". В то же время там с о б р а н ы лекарства (и медицинские товары). Может быть, семы «изготовление», «продажа», также как «лекарства», «товары» – это фразеологическая добавки к словообразовательному значению? Вряд ли, но такие рассуждения возможны. Немало есть случаев, где сомнения ещё более обоснованны. Вопрос этот не прост, но здесь он затронут попутно.

Для темы данной статьи важен (ещё раз подчеркну) тезис о том, что только признание семантической соотносительности слов при наличии её формального выражения позволяет считать, что между этими словами существуют словообразовательные отношения. Там, где остаётся открытым вопрос о семантической соотносительности, невозможно решить и вопрос о наличии словообразовательных отношений.

Необходимо сделать ещё одно замечание.

Средства выражения семантической общности, заключённой не в вещественном значении слова, не обязательно тождественны. Поскольку морфемы – единицы двусторонние, представляющие собой означаемое и означающее, для признания семантической общности двух (ряда) слов тождественным должно быть обязательно означаемое морфемы, означающее же – фонемный состав – может быть разным. Иными словами, семантическая общность между словами может выражаться синонимичными формальными средствами; например, названия жителей административных единиц ленинградец, москвич, ростовчанин, пермяк имеют семантическую общность, выраженную синонимичными суффиксами, что позволяет нам признавать между указанными словами словообразовательные отношения.

1.2.1. В самом общем виде словообразовательные отношения в русском языке можно представить в виде следующей схемы:

Пояснения к схеме.

Типы I и II противопоставляются количеством структурных элементов[1], различающих значение слов, входящих в пару (ряд):

в I типе различие сосредоточено в одном структурном элементе, отношения этого типа назовём н е п о с р е д с т в е н н ы м и; примеры: (нес)ти – (в-нес)ти, (вы-нес)ти – (в-нес)ти;

во II типе различие между словами выражено более чем одним структурным элементом (отношения о п о с р е д о в а н н ы е; примеры: (этик)а – [(этич-н)-ость] ∅, (человеч-еск)ий – [(человеч-н)-ость] ∅ .

Подтипы 1 и 2 различаются характером отношений между словами в паре (в ряду):

подтип 1 составляют пары (ряды), в пределах которых структура[2] одного слова включает в себя структуру другого слова (отношения включения); примеры: (нес)ти → (в-нес)ти (здесь отношения производности как разновидность отношений включения), (этик)а → (этич-н)ый → [(этич-н)-ость] ∅ (структура последнего существительного включает в себя структуру прилагательного и через него – структуру существительного этика; отношения производности между крайними существительными отсутствуют);

подтип 2 составляют пары (ряды), в пределах которых такого включения одной структуры в другую нет; это отношения п а р а л л е л и з м а; примеры: (в-лож)-и-ть – (вы-лож)-и-ть; (человеч-еск)ий – [(человеч-н)ость] ∅.

Непосредственные словообразовательные отношения (тип I) целесообразно разделить на виды, а отношения параллелизма – ещё

на подвиды:

вид 1) – это отношения включения (производности), имеющие формальное выражение, повторяющееся в языке в других парах слов; например: (нес)ти → (в-нес)ти = (вез)ти → (в-вез)ти...;

вид 2) – тоже отношения производности, имеющие уникальное по форме выражение, например: (пас)ти → (пас-тух) Ø, где формант -тух не повторяется для выражения отношения деятеля к действию, ср. пары (груз)-и-ть → (груз-чик) Ø, (чит)-а-ть → (чита-тель) Ø, где то же отношение выражается другими формантами;

различия между видами 3) и 4) основано на том, что в непосредственные отношения параллелизма могут вступать как однокоренные (вид 3), так и одноаффиксальные слова (вид 4), при этом отношения могут устанавливаться между ПДН словами (подвид а), между НПДН (подвид б), а также в рядах, объединяющих ПДН и НПДН слова (подвид в).

1.2.2. По поводу некоторых из рассмотренных отношений необходимо сделать замечания.

1) Отношения в паре пасти – пастух квалифицируются как непосредственные отношения включения (тип I1), что означает отношения производности. Таким образом, более сложное в семантическом (а очень часто одновременно и в формальном) отношении слово в подобных парах признаётся ПДН словом (в данном случае это – пастух), вопреки достаточно распространённому мнению о непроизводном характере подобных слов. Это мнение основано на том, что "слова с производными основами входят в двойной ряд соотношений: а) слов с той же основой и б) слов с тем же аффиксом". (Земская 1981, с. 158). Думаю, что принадлежность слова к одному или к разным рядам определяет только такой признак слова, как степень его членимости, но никак не производность. Для последнего же существенным является наличие или отсутствие производящего к данному слову в языке, что, впрочем, утверждается в той же цитируемой работе: "Производная основа всегда может быть истолкована посредством ссылки на производящую (критерий Винокура!)" (там же, с. 159), ср. также: "...некоторые слова со связанными корнями, входящие в два ряда соотношений, не являются производными, так как ни

одно не может быть признано производящим по отношению к другому" (там же, с. 158, сноска 2).

2) Типы отношений, представленные в нашей схеме, строятся не только на характере связей в данной паре (ряду) слов, но и на соотношении данных пар (рядов) с другими парами (рядами) слов в языке. Этот признак существен и для определения степени членимости слов (имеется в виду шкала степеней членимости М.В. Панова - см.[Панов 1968]).

Таким образом, существует связь между видами и подвидами отношений на схеме и степенью членимости слов по Панову. На нижних ярусах схемы отражены слова разных степеней членимости.

Соответствие видов отношений и степеней членимости:

№ степени членимости	№ вида отношений и примеры
первая	1)- внести, 3)-вложить, 4а)-физик, 4в) (в части ряда)-конина
четвёртая	4в) (в части ряда)-буженина
пятая	4б)-смородина
вторая	2)-пастух

На схеме нет примеров на случаи третьей степени членимости (типа стеклярус). Тем не менее она предполагается в виде(2), т.е. там же, где расположены слова второй степени членимости. Думаю, что отношения между пастух и пасти и стеклярус и стекло аналогичны.

Разная степень их членимости устанавливается М.В.Пановым на том основании, что у слов типа пастух деривационное значение, выражаемое уникальным аффиксом, в других словах выражено другими аффиксами (-тель, -щик), а для аффиксов, вычленяемых в словах типа стеклярус, мы не находим в языке "хорошо вычленимых аффиксов, которые можно было бы считать синонимичными" им. (Панов 1968, с. 214). Ср. в более поздней работе: "Единица -арус не только морфонологически уникальна, но и семантически"... (Панов 1975, с. 237). Может возникнуть вопрос: не целесообразно ли вид 2) отношений разделить на два подвида, учитывая то обстоятельство, что семантические отношения, выраженные в первой паре, повторяются в языке (пастух : пасти = грузчик : грузить), а во второй паре не только формальное

выражение отношений, но и семантическая их сторона уникальны.

Такое разделение было бы целесообразно, если бы утверждение об уникальности семантических отношений в паре стеклярус: стекло было бесспорным. Однако это не так. Выше уже говорилось о необходимости установления границ словообразовательного значения. Без этого мы будем затрудняться в точной характеристике отношений между словами.

Можно ли определить словообразовательное значение слова стеклярус или других слов, обычно относимых к примерам третьей степени членимости? Думаю, что можно и что это словообразовательное значение повторяется в других словах языка, хотя и выраженное по-другому.

Вот некоторые из слов третьей степени членимости и соотношение их с другими словами (другой степени членимости).

Слово третьей степени членимости	Возможная формулировка его словообразовательного значения	Другие слова с тем же словообразовательным значением, выраженным другим аффиксом
(стеклярус) Ø	<то, что характеризуется признаком, названным ПДЩ словом>	(стекл-ышк)а, (дерев-ышк)а, (кож-аный к)а, (жест-янк)а
(рис-унок)Ø [или (рису-нок) О?]	<то, что является результатом действия, названного ПДЩ словом>	(наброс-ок),(настой-к)а,(провод-к)а, (пись-м)о
(бел-ес)ый	<такой, какой характеризуется неполнотой признака, названного ПДЩ словом>	(бел-оват)ый, (темн-оват)ый

Очевидно, нет необходимости доказывать, что в каждом из приведенных здесь трёх рядов семантические различия между словами (в первой графе и последней) не являются словообразовательными: они могут быть грамматическими (род в (1) и (2) ряду), а лексические различия обусловлены не только разными корнями в большинстве приведенных слов, но и теми фразеоло-

гическими добавками, которые находятся за пределами словообразовательного значения и делают лексическое значение слова предельно конкретным и индивидуальным даже при наличии однокоренных слов с тем же словообразовательным значением (ср. белесый, где есть сема <тусклый>, отсутствующая в беловатый; ср. наличие в слове стеклярус сем <украшение>, <трубочки>, <небольшой размер> и отсутствие двух первых сем в слове стекляшка и т.д.).

Таким образом, нет оснований считать, что существует принципиальная разница между отношениями в парах типа пастух – пасти, с одной стороны, и типа стеклярус – стекло, с другой. Выражение отношений в обоих случаях осуществляется формантами, уникальными только по форме, но не по семантике[3]

3) В качестве примера отношений типа I (2) 4а) приведена пара химик – физик.

Условно к этому типу отношений можно присоединить и случаи типа москвич–ростовчанин, о которых сказано было выше. Слова второй пары, в отличие от первой, не одноаффиксальны в прямом смысле, однако так же, как в первой паре, слова москвич и ростовчанин объединяет общность семантики аффиксальных морфов (формантов) в пределах данного словообразовательного ряда.

2. Отношения между элементарными единицами словообразовательной системы – словами – реализуются в той или иной комплексной единице из числа тех, которые описаны уже в научной литературе. Однако среди этих единиц нет ни одной, где бы учитывались **в с е** словообразовательные отношения между словами.

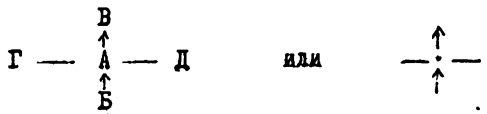
В качестве такой комплексной единицы можно предложить **с л о в о о б р а з о в а т е л ь н у ю с е м ь ю**.

Под словообразовательной семьёй (СС) понимается совокупность слов, включающая, кроме данного слова (центра СС), все слова, связанные с ним словообразовательными отношениями.

2.1. Чтобы представить СС графически или формулой, воспользуемся следующими обозначениями: А – данное слово, место которого в определённой словообразовательной микросистеме мы

определяем, Б – производящее к нему, В – производное от него, Г – слово с тем же корнем, но не являющееся ни производящим, ни производным по отношению к А, Д – слово соотносительное с А по аффиксу.

Таким образом, СС слова писатель (слово А) можно представить в самом общем виде либо формулой АБВГД, либо схемой

Действительно, слово это имеет все возможные словообразовательные связи: у него есть ПДЩ писать, ПДН – напр., писательница, писательский, есть и другие "родственники", не вступающие со словом писатель в отношения производности: однокоренные писание, вписать и др., одноаффиксальные читатель, производитель и др., в языке также есть слова с другими аффиксами, синонимичными суффиксу -тель (грузчик, арендатор и др.).

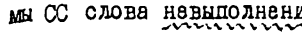
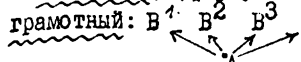
Само собой разумеется, что многие слова характеризуются не такой идеальной схемой отношений, включающей все возможные "направления" связей. Валентности слова могут быть не реализованы, что можно отразить в ущербных схемах с незанятыми местами того или иного члена семьи.

Примеры таких словообразовательных семей:

Слово А	Формула и схема его СС	Реализованные валентности	Нереализованные валентности
слева	АБВГД	Б – левый, Г – налево, левизна Д – справа	В – нет
плакат	АВ	В – плакатный, плакатик	Б,Г,Д – нет
муж	А	–	Б,В,Г,Д – нет

Слова последнего типа – изолированные, не имеющие никаких словообразовательных связей, не имеющие СС[4].

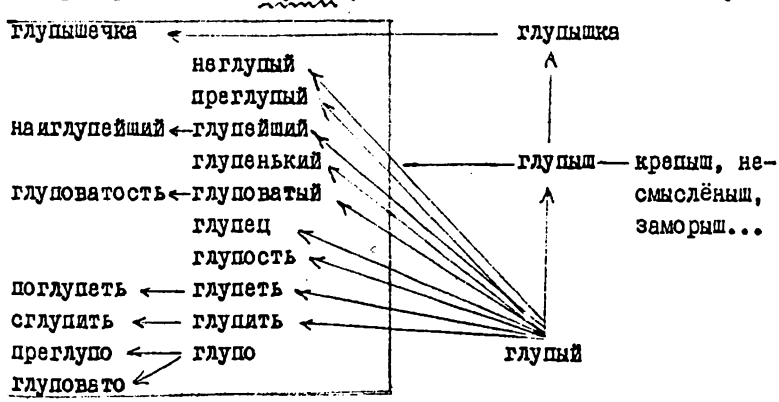
В схемах, приведенных выше, структура СС отражена в самом общем виде. Конкретизация анализа предполагает большую кон-

кратность схем (формул). Так, например, то или иное место в СС может быть занято более чем одним членом, что найдёт отражение в схематическом показе СС. Вот, например, фрагмент схемы СС слова невыполнение: , где $Б^1$ - выполнение, а $Б^2$ - выполнить, (формула $АБ^{1,2}$...); верхняя часть схемы СС слова грамотный: , где $В^1$ - неграмотный, $В^2$ - безграмотный, $В^3$ - малограмотный, $В^4$ - грамотность (формула $А... В^{1,2,3,4}...$)

Место Г в СС многих слов занято более чем одним словом, и при конкретизации схемы левая часть горизонтальной оси превращается в плоскость. Непосредственные и опосредованные отношения А-Г отражены на ней расположением слов на разном расстоянии от центра: ближе к центру - слова, связанные с ним непосредственными отношениями, дальше (левее) - более далёкие "родственники". Отношения параллелизма выражены прямой линией между словами, отношения включения - стрелками (стрелки используются и на вертикальной оси).

На правой части горизонтальной оси отражаются всегда отношения параллелизма, что выражено прямой линией, соединяющей А и Д.

Пример СС слова глупыш (часть входящих в неё слов опущена)

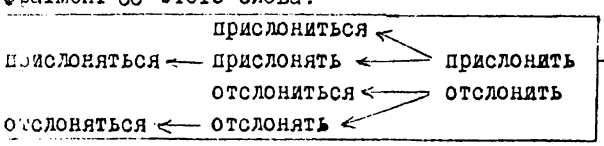

2.2. СС - это ёмкая единица, которая, как мы видим, отража-

ет разные словообразовательные отношения между словами. При этом СС включает в себя другие комплексные единицы. Покажем это на примере СС глупыш.

Так, на вертикали расположены словообразовательные пары и словообразовательная цепочка, которая может иметь продолжение на плоскости в левой части горизонтали: здесь расположено слово глупышечка - последнее звено в словообразовательной цепочке, три звена которой представлены на вертикали. На остальном пространстве в левой части ближе к центру расположены слова, составляющие со словом А словообразовательную парадигму, что показано стрелками от общего ко всем этим словам ПДЩ глупый[5].

Все слова, расположенные на вертикали и в левой части горизонтали, входят в одно словообразовательное гнездо. Однако полное совпадение состава слов СС и словообразовательного гнезда (в принятом в литературе понимании этого термина) бывает не всегда: СС может полнее представлять совокупность однокоренных слов, чем словообразовательное гнездо. Покажем это на примере слова заслонить. Фрагмент СС этого слова:

Все приведенные здесь слева от заслонить слова отсутствуют в словообразовательном гнезде, включающем слово заслонить [см. Сл.Тих, т.I, с.360], так как они не находятся в отношениях производности ни с одним словом, включённым в это гнездо. В словообразовательной же семье собраны все однокоренные слова, а разница в их отношениях показана расположением слов и разными знаками (стрелкой или прямой линией).

Правая часть горизонтали выводит центр СС в другие СС. Так, слово глупыш, как и соотносительные с ним слова крепыш и др., являются одновременно членами разных СС, на стыке которых нередко возникают словообразовательные квадраты

(глупыш —— крепыш —— несмышлёныш
↑ ↑ ↑
глупый крепкий несмышлён ый и т.д.), формирующие словообразовательные типы.

Не всегда, однако, словообразовательный ряд в правой части горизонтали представляет собой совокупность слов, составляющих один словообразовательный тип. Словообразовательный ряд - понятие более широкое, он может включать и слова, относящиеся к разным словообразовательным типам или ни в один словообразовательный тип не входящие. Так, например, правая часть горизонтальной оси для слова ленинградец может выглядеть так:

ленинградец——владимирец, комсомолец, храбрец.

Все слова этого ряда имеют один и тот же суффикс -ец. Можно считать его моносемичным, если формулировать словообразовательное значение этих слов достаточно абстрактно (<лицо>) или полисемичным, если конкретизировать словообразовательное значение (скажем, <лицо, относящееся к предмету, названному ПДЩ словом>, <лицо, характеризующееся признаком, названным ПДЩ словом>), но в любом случае все эти слова одноаффиксальны. Между тем они представляют разные словообразовательные типы (ср., например, храбрец с ПДЩ прилагательным и ленинградец с ПДЩ существительным).

Нарушения соответствия между словообразовательным рядом и словообразовательным типом происходят в силу того, что словообразовательный ряд может включать слова с синонимичными аффиксами. В нашем последнем примере словообразовательный ряд может быть продолжен словами с другими суффиксами со значением лица, выражающими те же отношения, что и суффикс -ец в слове ленинградец (слова с другими суффиксами заключим в скобки):
ленинградец——владимирец... {москвич..., ростовчанин..., пермяк...}

Таким образом, правая часть горизонтали отражает ещё одну комплексную единицу - словообразовательную категорию.

3. Итак, единица, которую мы назвали словообразовательной семьёй, не "отменяет" других комплексных единиц, описанных в словообразовательной науке. Напротив, она как бы объединяет

их, позволяя использовать новый ракурс словообразовательного анализа.

Выше уже говорилось, что описание словообразовательной системы понимается как описание словообразовательных типов и словообразовательных гнёзд. Обе эти комплексные единицы строятся только на отношениях производности. Содержание настоящей статьи показывает, что существует и такая возможность описания словообразовательной системы, как исследование типологии словообразовательных семей в пределах частей речи, а в каждой части речи в основном – в пределах лексико-семантических групп.

Примечания.

1) Под структурными элементами имеются в виду значимые в словообразовательном плане отрезки слова.

2) Здесь под структурой понимается прежде всего семантическая структура.

3) При этом пастух и стеклярус характеризуются всё-таки неодинаковой степенью членимости (см.Панов 1975, с. 237-238), но не в силу разного характера отношений этих слов к своим ПДЩ.

4) Слова, названные здесь изолированными, только частично соответствуют тому, что А.Н.Тихонов назвал одиночными словами. Под последними понимаются слова, которые "не являются производящими для других слов и не имеют производных" (СЛТих, т.П, с. 870). Однако часть одиночных слов не является словами изолированными: например, акватория, анальгин, недочёт, неологизм, папаверин, па-де-де и др. слова, не вступая в отношения производности с другими словами, имеют другие словообразовательные связи, формирующие их СС.

5) Слово глупо не соединено стрелкой со словом глупый, т.к. можно сомневаться в производном характере подобных наречий. Действительно ли они включают в свою семантическую структуру семантику *прилагательного*? Почему не наоборот? Наличие суффикса -О у подобных наречий ещё ничего не решает: он может быть вычленен вследствие принадлежности этих наречий к словообразовательному ряду с общим значением качественной характеристики действия.

Литература.

АГ-70 – Грамматика современного русского литературного языка. АН СССР, М., 1970.

АГ-80 – Русская грамматика. АН СССР, М., 1980. Т.I.

Актуальные проблемы 1982 – Актуальные проблемы русского словообразования. Сборник научных статей. Ташкент – Укитувчи, 1982.

Винокур 1946 – Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию.– В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Земская 1978 – Земская Е.А. О парадигматических отношениях в словообразовании.– В кн.: Русский язык. Вопросы истории и современного состояния. Виноградовские чтения. I–УШ.М.,1978.

Земская 1981 – Современный русский язык. Под ред. В.А.Белошапковой. М., 1981 (автор раздела – Е.А.Земская).

Лихтман 1973 – Лихтман Р.И. К вопросу об основных понятиях словообразования. Изв. АН СССР, СЛЯ, 1973, вып. 2.

Панов 1968 – Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка.М.,1968.

Панов 1975 – Панов М.В. О степенях членимости слов.– В кн.: Развитие современного русского языка 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975.

Сл Тих – Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985. Т. I–II.

Солнцев 1978 – Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. Изд. 2. М., 1978.

Тихонов 1978 – Тихонов А.Н. Лексико-семантические и грамматические проблемы изучения словообразовательного гнезда.– В кн.: Вопросы русского и общего языкознания. Сборник научных трудов Ташкентского ун-та, № 549, Ташкент, 1978.

Улуханов 1977 – Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. М., 1977.

Янценецкая 1977 – Янценецкая М.Н. К вопросу о словообразовательной и лексической мотивированности слова.– В кн.: Русское слово в языке и речи. Кемерово, 1977.

Н.Е.Ильина

Парадигматика и синтагматика в морфонологии

Парадигматический и синтагматический анализ является основой системного изучения и описания языка. Проблема парадигматики и синтагматики получила всестороннюю разработку в трудах М.В.Панова. Отмечая номинативную сущность парадигмы и предикативную сущность синтагмы, М.В.Панов указывает на их организующую системную роль: "Номинацию надо рассматривать как модель парадигматических отношений во всех ярусах языка, предикацию – – как модель синтагматических отношений. Таким образом, признаки парадигмы (и, соответственно, синтагмы) – не случайный набор, а единое целое" [Панов 1980, 137].

Для представителей Московской лингвистической школы изучение закономерностей парадигматики (т.е. позиционного чередования языковых единиц) и закономерностей синтагматики (т.е.сочетания языковых единиц) является основой научного взгляда на язык – взгляда, вызвавшего к жизни позиционную фонетику и позволившего выверить на фонетическом поле основные положения и детали позиционной теории. Здесь причина того, что фонологический ярус исследован с наибольшей полнотой (см.работы В.Н.Сидорова, Р.И.Аванесова, А.А.Реформатского, П.С.Кузнецова,М.В.Панова, К.В.Горшковой и др.). В последние десятилетия отчетливо наметилась тенденция к распространению принципов позиционного анализа за пределами фонологического яруса, например, в морфологии (см. Панов 1959; 1966; 1982; Земская 1973; 1975; Кузьмина, Панов 1980; Ильина 1980 и некот.др.).

В иерархической стратификации языковой структуры морфологический ярус расположен непосредственно над фонологическим и связан с ним тесными узами. А.А.Реформатский так писал о едином основании в строении языковой структуры:"Связь между этажами структуры основывается на том факте, что максимальные единицы какого-либо этажа являются минимальными единицами непосредственно следующего за ним высшего этажа.Например, звуки, объединяемые в фонемы(максимальные единицы фонетического этажа)имеют доступ на этаж морфологический в качестве минимальных единиц..." [Реформатский 1958,104]. Итак, А.А.Реформатский вводит фоне-

му в морфологический ярус на скромных правах минимальной единицы, главная же роль отведена морфеме: "Для морфологического яруса основной единицей является морфема" (разрядка авт. – – Н.И.) [Реформатский 1970, 114].

Морфема – сложная языковая единица. Без обращения к морфеме не решаются проблемы частей речи, грамматических классов слов и т.п., т.е. проблемы, как раз и составляющие главный предмет морфологии.

Морфема находится на центральном уровне морфологического яруса – на морфемном уровне. Ниже него располагается морфонологический уровень [Ильина 1980, 21, 62]. Языковые реалии морфонологического уровня – это морфы, состоящие из фонем и входящие в состав словоформ, это и сами фонемы, вступающие в чередование в зависимости от мены грамматических (морфонологических) позиций, это и ударение, отмечающее собой какой-либо из морфов словоформы.

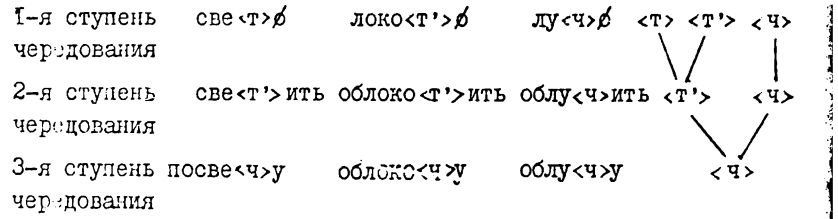
Системное описание явлений морфонологического уровня может быть достигнуто лишь в результате изучения и парадигматики и синтагматики. М.В.Панов так раскрывает содержание понятий парадигматика и синтагматика: "Изучить парадигматику – – значит, понять, какие единицы образуют чередование (разрядка авт. – Н.И.) под влиянием каких-то других единиц (находящихся вне парадигмы). Члены парадигмы – единицы, находящиеся в разных позициях.

Изучить синтагматику – значит, понять, какие сочетания (разрядка авт. – Н.И.) закономерны для данной языковой системы. Синтагма включает и единицу, образующую позицию, и единицу, находящуюся в позиции. Установить, что налицо именно синтагма, сочетание единиц, можно путем сопоставления таких последовательностей, (кортежей), где разные единицы находятся в одной позиции" [Панов 1980, 134].

Парадигматический аспект морфонологии

Позиционные чередования фонем с наибольшей полнотой выявляются в корневых морфах однокоренных существительных и глаголов, перед словоизменительными аффиксами.

Например:

Здесь представлены фонемы трех ступеней чередования. В морфонологической позиции перед нулевой флексией существительного им.падежа ед.ч. 2-го склонения возможны три различные фонемы: <т>, <т'>, <ч>. В морфонологической позиции перед аффиксами инфинитива -ить (суффикс -и- + флексия -ть) выступают только две фонемы: <т'> и <ч>; фонема <т> здесь не возможна. В морфонологической позиции перед глагольной флексией 1 лица ед.ч. бывает только фонема <ч>. Ни фонема <т>, ни фонма <т'> в этой морфонологической позиции не возможны.

В схеме чередования два раза встречается фонема <т'>. Для фонологии это одна и та же единица, одно и то же; для морфонологии - не одно и то же. Как член морфонологического чередования фонема <т'> на 1-й ступени выступает наряду с фонемами <т> и <ч>, на 2-й ступени фонема <т'> является заместителем фонем <т> и <т'> с 1-й ступени. Точно так же не одинаковы морфонологические функции фонемы <ч> на разных ступенях чередования: на 2-й ступени <ч> замещает фонему <ч> с 1-й ступени; на 3-й ступени фонема <ч> - такой член чередования, который способен заменить и фонемы 1-й ступени и фонемы 2-й ступени.

Для всех трех примеров перечень морфонологических позиций один и тот же: ø, -ить, -у. Мена морфонологических позиций в словоформах вызывает чередование конечных фонем корня (их можно расположить в виде рядов). В приведенных примерах три ряда чередований: <т || т' || ч>, <т' || т' || ч>, <ч || ч || ч>. Фонемы взаимозаменяют друг друга в разных морфонологических позициях и взаимоисключают друг друга в одной и той же морфонологической позиции. Позиционно чередующиеся фонемы представляют собой парадигму: их фонологическое несходство в каждом ряду не мешает признать их реализациями какой-то более общей языковой

единицы. В МЛШ эту единицу называют морфонемой [Панов 1959, 21; Ильина 1980, 63]. Фонемы каждого из рядов объединяются в морфонему. В рассмотренном примере морфонемы различаются реализующими их фонемами в позиции перед нулевой флексией существительного ∅. Это – сильная морфонологическая позиция. Фонема, реализующая морфонему в сильной позиции, дает название морфонеме: в рассматриваемых примерах представлены морфонемы {т} = <т‖ т'‖ ч>, {т'} = <т'‖ т'‖ ч>, {ч} = <ч‖ ч‖ч>. Две другие позиции – слабые. Перед аффиксами инфинитива -ить совпали морфонемы {т} и {т'} (они представлены вариантом этих морфонем <т'>), но еще отличаются от морфонемы {ч}. Это – морфонологическая позиция частичной нейтрализации. Перед флексией 1 лица ед.ч. -у совпали все три морфонемы в варианте <ч>. Это – морфонологическая позиция с полной нейтрализацией морфонем.

В словоизменении существительных представлены те же чередования фонем. Но набор морфонологических позиций здесь меньше, поэтому перечень фонем, участвующих в чередовании, короче:

1-я ступень чередования	све<т>∅	локо<т'>∅	лу<ч>∅	<т> <т'> <ч>
	све<т>а	лок<т'>я	лу<ч>а	\ / |
2-я ступень чередования	о све<т'>е	лок<т'>е	лу<ч>е	<т'> <ч>

В словоизменении существительных 2-го склонения есть позиции полного различения морфонем (это положение перед флексиями им.-твор. падежей ед.ч. и перед флексиями им.-предл. падежей мн.ч.) и позиции частичной нейтрализации морфонем (это положение перед флексией предл.падежа ед.ч. -е). Позиции полной нейтрализации морфонем в словоизменении существительных нет. Морфонемы могут быть представлены только фонемами 1-й и 2-й ступеней чередования.

В области словообразования встречаются и сильные и слабые морфонологические позиции. Так, перед суффиксом прилагательного -<ов>- (орфографически -ов-, -ев-) и флексией -ой морфонемы различаются (све<т>овой, лок<т'>евой, лу<ч>евой), а перед суффиксом -<ени j>- и флексией -<э> (орфографически -ение) полностью нейтрализуются (све<ч>ение, облу<ч>ение).

Все морфонемы, находящиеся в морфонологических позициях перед словоизменительными аффиксами глагола и существительного, перед словообразовательными аффиксами имен, можно включить в один ряд, который представит картину реализации морфонем {т}, {т'}, {ч} в перечисленных позициях:

{т} = <т || т' || ч || т || т' || т || ч> (из словоформ све<т>ø, све<т'>ить, посве<ч>у, све<т>а, о све<т'>е, све<т>овой, све<ч>ение),

{т'} = <т' || т' || ч || т' || т'> (из словоформ локо<т'>ø, облоко<т'>ить, облоко<ч>у, о лок<т'>е, лок<т'>евой),

{ч} = <ч || ч || ч || ч || ч || ч || ч> (из словоформ лу<ч>ø, облу<ч>ить, облу<ч>у, лу<ч>а, о лу<ч>е, лу<ч>евой, облу<ч>ение).

Эти морфонемы относятся к группе А [Ильина 1980, 64–68].

Аналогична картина позиционного чередования фонем, объединенных в морфонему л, и в кругу словоформ хва<л>а, хва<л'>е, хва<л'>ить, восхва<л'>ение, где <л || л' || л' || л'> = {л}; до<л'>я, до<л'>е, обездо<л'>ить, обездо<л'>ение, где <л' || л' || л' || л'> = {л'}.

В каждом ряду находятся фонемы из парадигмы чередования, охватывающей корневые морфы в разных частях речи. Таким образом и сама парадигма чередования и результат ее обобщения – морфонема – являются системными единицами морфологии, обеспечивающими формальное единство морфемы.

Позиционными чередованиями, образующими парадигму, отмечен не только конец корня; они могут занимать неконечное положение. И морфонологические позиции здесь другие: каждая позиция образована группой аффиксов с общим грамматическим значением [Ильина 1980, 38–40].

Единую позицию могут составлять все аффиксы словоизменительной парадигмы глагола. Так, две фонемы, противопоставленные друг другу не на конце корня в морфонологической позиции перед нулевой флексией существительного 2-го склонения, уступают место одной фонеме в позиции перед глагольными флексиями (т.е. перед любой флексией словоизменительной парадигмы глагола):

1-я ступень чередования	об<в>озø	ц<в'>етø	<в> <в'>
2-я ступень	об<в'>езти	ц<в'>ести	<в'>

Ряды чередующихся фонем можно обобщить в морфонемы: <в || в'> = {в}; <в' || в'> = {в'}. Эти морфонемы относятся к группе Г [Ильина 1980, 40–45, 71–72].

Для неконечных морфонем глагольного корня слабых позиций может быть две: одна образована аффиксами со значением прош.вр. и инфинитива, другая – флексиями со значением наст.вр. и флексией пов.наклонения. Двумя позициями обусловлено чередование гласных фонем, например, в глаголах I непродуктивного класса:

I. Сильная позиция (перед ø)	<т'о>сø	п<л'э>скø	<о>	<э>
Слабая позиция (перед -ать -ал и др.)	<т'о>сать	п<л'о>скать	<о>	
II. Сильная позиция (перед ø)	<т'о>сø	п<л'э>скø	<о>	<э>
Слабая позиция (перед -у, -ет, -ут и др.)	<т'э>шут	п<л'э>щут	<э>	

Ряды позиционно чередующихся фонем объединяются в морфонемы <о || о || э> = {о}, <э || о || э> = {э} [Ильина 1980, 45–47].

Парадигма морфонологических чередований – это ряд фонем, каждая из которых обусловлена морфонологической позицией. Фонемы, входящие в ряд позиционных чередований (т.е. связанные парадигматическими отношениями) существуют в составе морфов. В морфеме парадигма чередования предстает в преобразованном виде – в виде морфонемы. Морфонема же представляет собой абстрактную единицу, которая объединяет фонемы, вступающие в позиционные чередования и составляющие ряд. Именно эта абстрактная единица, в отличие от ряда чередующихся фонем, обозначается так: {т}, {с}, {з'}, {а} и др.

Все морфонемы, встретившиеся в рассмотренных примерах – {т}, {т'}, {ч}, {л}, {л'}, {в}, {в'}, {о}, {э}, – как и любые другие морфонемы (и выявляющие чередование фонем и не обладающие этим свойством) являются строительными блоками морфемы. Примерами могут служить морфема, имеющая значение "amicus" и морфонемный состав {друг}- [Панов 1963, 12], морфонологическая запись слов РУКА, РУКНОЙ (рука, ручной), МОГТ', МОГУ, МОГОШ

(мочь, могу, можешь) КРЕПКОЙ, КРЕПКЕ или КРЕПКЕЕ (крепкий, крепче) [Болла, Палл, Папп 1968, 111], морфонемы {св'эт}- с значением "лучистая энергия, воспринимаемая глазом", {т'ос}- с значением "снятие шероховатых древесных слоев" и др. Именно морфонема через посредство позиционно чередующихся фонем связывает морфы с морфемой.

Синтагматический аспект морфонологии

А нельзя ли подойти к понятию морфемы со стороны морфа как целостной единицы? Нельзя ли, скажем, объединить морфы <т'ос>, <т'ос'>-, <т'эш>- в морфему? Этого нельзя достигнуть с формальной стороны, т.к. в морфонологии не существует какого-либо критерия, в том числе и позиционного, для объединения морфов в морфему. Морфонологическая позиция обусловливает наличие фонем в составе морфа. Флексией существительного им. падежа ед.ч. 2-го склонения ∅ предопределено присутствие фонемы <с> в морфе <т'ос>- (тёс), флексией предл.падежа ед.ч. - присутствие фонемы <с'> в морфе <т'ос'>- (о тёсе), флексиями существительного (∅, -<э>и др.) - присутствие фонемы <о> в середине морфа. Флексией глагола 3 лица мн.ч. -ут обусловлена фонема <ш> на конце корневого морфа в <т'эш>ут, флексией -ут, имеющей значение настоящего времени - как и флексии -у, -ешь, -ет, -ем, -ете - фонема <э>. Таким образом, конечные и неконечные фонемы морфа (т.е. разные части морфа) находятся в зависимости от разных морфонологических позиций. Целый же морф парадигматической морфонологической позиции неподвластен. Если отправляться от морфов, то, по-видимому, дальше понятия морфемы как совокупности морфов продвинуться не удастся. В этом случае придется отказаться от определения основной единицы морфологии и согласиться на неопределенность в стратификации морфологического яруса.

Какова же роль морфов в языке?

Все морфы одной морфемы имеют то же лексическое значение, что и морфема. Вместе с тем, каждый морф несет в себе информацию, выраженную морфонологическими средствами, о способности вступать в сочетание с определенными аффиксами. Так, морфы с фонемами <б>, <б'>, <т>, <т'>, <ч>, <д>, <д'>, <ж>, <с>, <с'>, <ш> и др. в исходе сочетаются с флексиями им.-твор. па-

дежей ед.ч. и им.-твор.падежей мн.ч. в существительных 2-го склонения: ду<б>∅, голу<б'>∅; све<т>∅, локо<т'>∅, лу<ч>∅; сле<д>∅, медве<д'>∅, ё<ж>∅; поко<с>∅, гу<с'>∅, клё<ш>∅. В рассмотренных примерах флексии представляют собой морфонологическую синтагматическую позицию для корневого морфа. Корневой морф и флексия вместе составляют синтагму. Морфы с конечными фонемами <б'>, <т'>, <ч>, <д'>, <ж>, <с'>, <ш> подходят для сочетания с флексией существительного 2-го склонения предл. падежа ед.ч. -<э> (о ду<б'>е, голу<б'>е; о све<т'>е, лок<т'>е, лу<ч>е; о сле<д'>е, медве<д'>е, е<ж>е; о поко<с'>е, гу<с'>е, клё<ш>е) и с аффиксами глагольных форм основы прош.вр. и инфинитива -ить, -ил, -ивший, -ив (ду<б'>ить, голу<б'>ить; све<т'>ить, облоко<т'>ить, облу<ч>ить; сле<д'>ить, омедве<д'>иться; ко<с'>ить, раскле<ш>ить); флексия существительного -<э> и глагольные аффиксы форм основы прош.вр., инфинитива - это синтагматическая позиция для морфов с перечисленными фонемами. Морфы с фонемами <бл'>, <ч>, <ж>, <ш> используются в сочетании с глагольной флексией 1 лица ед.ч. -у (ду<бл'>ю; посве<ч>у, облоко<ч>у, облу<ч>у; сле<ж>у, омедве<ж>усь; ко<ш>у, раскле<ш>у), с аффиксами отглагольного существительного -ение (ду<бл'>ение; све<ч>ение, облу<ч>ение; сле<ж>ение, ко<ш>ение и под.); флексия -у и аффиксы -ение - синтагматическая позиция для морфов с такими фонемами. Еще пример. Корневой морф <пл'эск>-, с согласными фонемами <ск> в исходе и с гласной срединной фонемой <э>, сочетается с флексиями существительного 2-го склонения, кроме флексии -<э> (см. существительное <пл'эск>∅, а также системно возможные, но реально не представленные существительные типа <т'эс>∅, <хл'эст>∅ и под.), морф <пл'оск>- - с аффиксами форм основы прош.вр. (<пл'оск>ал, ср. <кл'оп>ал, <т'ос>ал), морф <пл'эщ>- - с флексиями форм основы наст.вр. (<пл'эщ>ут, <кл'эпл'>ут, <т'эш>ут, <м'эч>ут). В данных примерах, как и в приведенных выше, определенный корневой морф сочетается с определенным аффиксом. Иначе: каждый морф всегда находится в морфонологической синтагматической позиции; вне синтагматической позиции морф функционировать не может.

В синтагматике морфов надо учесть и другое обстоятельство:

в сочетании морфов существует обратная связь. Так, в словоформах с корневыми морфами <пл'эск>–, <пл'оск>, <пл'эщ>– флексии существительного 2-го склонения (любые, кроме –<э>) присоединяются только к морфу <пл'эск>– (<пл'эск>∅, <пл'эск>а, в рас<пл'эск>ах и др.), глагольные аффиксы форм основы прош.вр. – только к морфу <пл'оск>– (рас<пл'оск>ать, рас<пл'оск>ал, рас<пл'оск>анный, рас<пл'оск>ав), флексии основы наст.вр. – только к морфу <пл'эщ>– (рас<пл'эщ>у, рас<пл'эщ>ешь, рас<пл'эщ>ет, рас<пл'эщ>ем, рас<пл'эщ>ете, рас<пл'эщ>ут, <пл'эщ>а, <пл'эщ>и).

Взаимосвязь корневых и аффиксальных морфов постоянна. Она образует синтагму на уровне морфонологии.

Литература

Болла, Палл, Папп 1968 – Болла К., Палл Э., Папп Ф. Курс современного русского языка. Budapest, 1968.

Земская 1973 – Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.

Земская 1975 – Земская Е.А. О понятии "позиция" в словообразовании// Развитие современного русского языка 1972: Словообразование. Членимость слова. М.,1975.

Ильина 1980 – Ильина Н.Е. Морфонология глагола в современном русском языке. М.,1980.

Кузьмина, Панов 1980 – Кузьмина С.М., Панов М.В. О позиционных чередованиях в фонологии и морфонологии// Проблемы теории и истории русского языка. М.,1980.

Панов 1959 – Панов М.В. О грамматической форме// Грамматика современного русского языка/ Ученые записки Моск.гор.пед. ин-та им.В.П.Потемкина. М.,1959.

Панов 1963 – Панов М.В. О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX в.// Вопр.языкознания. – М.,1963.– № 1.

Панов 1966 – Панов М.В. Русский язык// Языки народов СССР.– М.,1966. – Т.1.

Панов 1980 – Панов М.В. О парадигматике и синтагматике// Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М.,1980.– Т.39. № 2.

Панов 1982 – Панов М.В. Морфология// Панов М.В., Сабатков Р.В. Русский язык. М.,1982.

Реформатский 1958 – Reformatski A. De la neutralisation des oppositions (пер.Е.А.Земской) //Travaux de l'institute de linguistique. – Paris, 1958. – V.II.

Реформатский 1970 – Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

В.Л.Воронцова

Морфонологическая модификация основы слова и место ударения

Среди факторов, определяющих размещение ударения в слове (словоформе), значительное место принадлежит фактору морфонологическому [Зализняк 1977, Зализняк 1985], в частности, слоговому строению основы слова.

Роль слога в этом отношении изучена достаточно подробно. Выявлено, например, что в синтагматическом аспекте свобода русского ударения существенно ограничена: она может осуществляться лишь в словах длиной от одного до семи слогов. Определено, что большинство слов основного ритмического фонда не превышает пяти слогов и не имеет более трех неударяемых слогов подряд; что в русском языке преобладает тенденция к размещению ударения на срединном слоге, точнее - тенденция к смещению ударения к центру с некоторой оттяжкой на вторую половину слова. Тенденция обусловлена стремлением избежать большого скопления безударных слогов, при этом существенно, чтобы не возникало большого количества слогов заударных, поскольку именно они подвергаются сильной редукции. (Подробнее об исследованиях на эту тему [Хазагеров 1985]).

В кругу относящихся сюда вопросов неизученным, однако, остается вопрос об изменении слоговой структуры основы слова при словообразовании и связанных с этим изменениях в ударении слова. Речь в данном случае идет прежде всего о разного рода сложениях, а также о некоторых группах префиксальных образований. Эта новая и значительная по своему объему лексика не имеет давних, идущих из глубины веков традиций и потому особенно интересна - как обнаруживающая современные акцентные закономерности.

Существуют предпринятые разными исследователями описания закономерностей размещения ударения в названных категориях слов; отдельно изучается проблема побочного (второстепенного) ударения, характеризующего первые части сложений. Однако разрозненный анализ явно связанных друг с другом фактов мешает представить адекватную их акцентную характеристику.

Плодотворным представляется подход к анализу акцентуации рассматриваемых образований с позиции, определяющей степень так называемой "плотности" присоединения морфемы (или основы в составе сложного слова) [Зализняк 1985]. Наряду с обычным способом "плотного" их присоединения имеются, по Зализняку, случаи, когда морфема присоединена к остальной части слова более свободно ("неплотно") - примерно так, как обычно соединяются две самостоятельные словоформы. Основная часть словоформы в этих случаях почти всегда совпадает с некоторой самостоятельно существующей словоформой [Зализняк 1985, с.II]. А.А.Зализняк характеризует такие случаи как особые. Дело, однако, в том, что число подобных примеров достаточно велико, а с распространением разного рода сложений и префиксальных образований (в большинстве своем через терминологическую лексику) число их все более увеличивается. Поэтому акцентная характеристика таких групп слов - проблема достаточно актуальная.

Важнейшее акцентологическое свойство неплотно присоединенной морфемы (основы в составе сложного слова), отмечает А.А.Зализняк, состоит в том, что она никак не меняет акцентуации основной части словоформы (совпадающей, как сказано, с самостоятельно существующей словоформой): непроходно́й и проходно́й, двухвинтово́й и винтово́й, нефтепереработка и переработка и т.п. В составе сложного слова неплотно присоединенная основа в большинстве случаев несет второстепенное ударение.

Сложности в решении вопросов об акцентовке возникает вследствие того, что одни и те же морфемы в одних случаях присоединяются плотно, в других неплотно, при этом возможно (пример Зализняка) варьирование: (первоочерёд)-ный и перво-(очередно́й). Существенно то, что выбор плотного и неплотного присоединения далеко не всегда, по словам Зализняка, соответствует семантической деривационной истории слова. Таким образом, заключает А.А.Зализняк, вопрос о выборе плотного или неплотного присоединения составляет для современного языка особую морфонологическую проблему [Зализняк 1985, с.II].

А.А.Зализняк, ставя эту проблему, ориентируется преимущественно на имена прилагательные. В нашей статье мы предпо-

лагаем более подробно рассмотреть с этой точки зрения имена существительные.

Весь массив их, исходя из предложенного критерия, можно разделить на две группы: слова, представляющие тип неплотного присоединения морфем и тип плотного их присоединения.

С акцентологической точки зрения первый тип слов, по характеристике А.А.Зализняка, тривиален. Наиболее простой случай представляют сложения, вторая часть которых есть самостоятельно употребляемое слово. Ударение здесь никогда не смещается, несмотря на разную слоговую организацию слова и различное место ударения по отношению к началу или концу слова: по́лк и авиапо́лк, ли́ния и авиали́ния, конструктор и авиаконструктор, пассажир и авиапассажир.

Дело, видимо, в том, что подобные сложения являются, по сути дела, словосочетаниями, где первые части представляют собой отдельные слова - аналитические прилагательные. Эти прилагательные, как показал М.В.Панов, уделивший большое внимание новой формирующейся в русском языке категории слов, имеют все признаки слова, в частности, самостоятельное (хотя и ослабленное) ударение [Русский язык и советское общество 1963, Панов 1971]. В составе же подобных сочетаний существительному не свойственно как-либо изменять акцентуацию.

Все сказанное относится к сложениям (точнее - словосочетаниям) с компонентами (аналитическими прилагательными) кино=, аэро=, теле=, радио= (соотносимыми с существительными того же корня: радио, кино, телевизор, аэроплан); парт=, проф=, гос=, спец=, лит=, хоз= и др. (представляющими усеченные основы соответствующих прилагательных); лже=, лесо=, хлебо= (являющимися по происхождению частью сложного существительного).

Слитное написание подобных слов - дело орфографической традиции. По сути же они не отличаются от пишущихся через дефикс (или раздельно) аналитических прилагательных других типов, имеющих несомненные признаки самостоятельного слова; эрзац-литература, чудо-молот, горе-изобретатель, гамма-излучение и т.п. [Панов 1971].

Проблема акцентуации во всех этих и подобных случаях касается лишь акцентной характеристики первого компонента -

самого аналитического прилагательного: имеет место в данном конкретном случае ударение (речь идет о побочном ударении) или нет. Вопрос решается в зависимости от ряда условий - степени вычленимости и закрепленности в языке того или иного компонента сложения, его структурных особенностей, степени освоенности сложного слова. Действие этого последнего (прагматического) фактора не только индивидуализирует акцентную характеристику каждого такого сложения, но и делает ее различной в разных типах речи [Борунова 1990].

Та же проблема встает и в отношении акцентуации префиксальных существительных с префиксами типа ультра=, супер=, псевдо=, тоже приобретших признаки слова и попавших в класс аналитических прилагательных [Панов 1971].

Словам рассмотренного типа противостоят собственно сложения. Они представляют несомненный образец плотного присоединения морфем: сложные и суффиксально-сложные существительные с опорным компонентом, содержащим глагольную основу, осложненную суффиксами =тель, =ник, =ец, =щик и др.; с опорным компонентом, содержащим основу существительного (образования с суффиксами =ник, =ик и др.); существительные с нулевым суффиксом. Все подобные существительные имеют, как правило, одно ударение. Место его определяется соответствующими правилами (они здесь специально не разбираются).

У значительного числа сложных слов ударение, располагающееся на втором компоненте сложения, совпадающем с отдельно употребляемым словом, совпадает и с ударением этого слова: долгожи́тель и жи́тель, машинострои́тель и строи́тель, судосбо́рщик и сбо́рщик, идолопоклонник и поклонник, судоподъёмник и подъёмник и т.п. Однако совпадение это чисто внешнее, поскольку и сами вторые компоненты сложений лишь омонимичны отдельно существующим словам. Показательны примеры несовпадения ударения отдельных слов и таких компонентов сложений: продаве́ц и христопрода́вец; писе́ц и живопи́сец; боре́ц и многобо́рец; певе́ц и сладкопе́вец и др. Ср. ударение в компонентах типа =носец, =ходец и под., которые не употребительны в качестве самостоятельных слов: письмоно́сец, мореха́дец, ясновиде́ц и др.

Сложности в акцентной характеристике подобных слов связаны с тем, что некоторые группы сложных имен существительных,

как и прилагательных, допускают возможность двоякого их трактования с принятой точки зрения - как образец плотного присоединения основы и неплотного (газоснабж)-е́ние, (водолеч)-е́ние и (газо)-снабже́ние, (водо)-лече́ние. Первый тип не предполагает развития побочного ударения на первом компоненте (как в ясных случаях водока́чка, водоме́р, водоме́т, водопрово́д и под.), второй его предопределяет.

Выявленное разграничение могло бы служить основанием для решения непростого для практической лексикографии вопроса о наличии или отсутствии побочного ударения на первом компоненте сложного слова в каждом конкретном случае.

Дело, однако, помимо трудностей самой словообразовательной трактовки части образований, осложняется требованиями структурно-ритмического характера, определяемыми как слоговым строением первого компонента, так и второго. Эти условия налагаются на словообразовательную структуру слова и меняют в некоторых случаях схему ударения, обусловливая, с одной стороны, развитие побочного ударения в сложениях, представляющих образец плотного присоединения основы, с другой - препятствуя приобретению фонетического признака самостоятельного слова у несомненных аналитических прилагательных.

М.В.Панов в рецензии на "Орфоэпический словарь русского языка", касаясь разработки в нем темы "побочное ударение", подчеркивал, что ". . полуударение бесспорно уместно, если первая часть сложного слова - на самом деле аналитическое прилагательное" и что " . . полуударение тем более вероятно, чем большим количеством слогов оно отделено от основного ударения" [Панов 1986].

Таким образом, компоненты типа аэро=, авиа=, радио=, будучи трехсложными, имеют уже и с этой точки зрения больше шансов "перерасти" в аналитическое прилагательное с закрепленным побочным ударением. Среди двухсложных компонентов выделяется группа морфем иноязычного происхождения - как наиболее способная развивать побочное ударение (кино=, био=, ультра= и др.).

Показательно, что в качестве примера убедительных рекомендаций Словаря, касающихся постановки побочного ударения, М.В.Панов привел слова с начальной частью аэро=, био=, кино=.

Односложные компоненты обладают, несомненно, меньшей способностью развивать побочное ударение: парт=, проф=, сов= и др. Подобные группы слов нуждаются в наиболее тщательном анализе, как с точки зрения наличия у соответствующих компонентов признаков аналитического прилагательного, так и с точки зрения слоговой характеристики компонента и структурных условий соединения определительного компонента с основой слова. Несогласие рецензента с некоторой группой рекомендации Словаря относится как раз к таким случаям: сельсовет, сберкасса. С точки зрения М.В.Панова, эти рекомендации совершенно не приемлемы. В этом случае, считает автор, Словарь "поощряет то самое просторечие, от которого он должен предостерегать" [Панов 1986].

Можно предполагать, что рассмотрение всего массива сложных слов в том аспекте, о котором здесь шла речь, наряду с другими аспектами, уже примененными к анализу этого материала, будет способствовать более точной словообразовательной, морфонологической и акцентной их характеристике.

Литература

Борунова 1990 – Борунова С.Н. Реализация побочного ударения в разных типах речи // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект (в печати).

Зализняк 1977 – Зализняк А.А. Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. Изд. МГУ, 1977.

Зализняк 1985 – Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Панов 1971 – Панов М.В. Об аналитических прилагательных // Фонетика, Фонология. Грамматика. М., 1971.

Панов 1986 – Панов М.В. Рец.: Борунова С.Н., Воронцова В.Л., Еськова Н.А. Орфоэпический словарь русского языка // Вопросы языкознания, 1986, № 2.

Русский язык и советское общество 1963 – Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1963, гл.5.

Хазагеров 1985 – Хазагеров Т.Г. Ударение в русском словоизменении // Изд. Ростовского университета, 1985.

Е.Н.Ширяев

Московская лингвистическая школа и синтаксис

В истории развития русской и мировой науки о языке свое весьма значительное место по праву занимает Московская Лингвистическая Школа (МЛШ). Ее основы были заложены академиком Ф.Ф.Фортунатовым. Главное, что отличает эту школу, - подход к языку как к явлению с собственной внутренней системой при строгом различении синхронии и диахронии[1]. В центр грамматических исследований МЛШ последовательно ставила грамматическую форму. Грамматическая форма понималась как единство грамматического средства и того значения, которое этим средством выражается. Нельзя не видеть, что МЛШ в своих основных теоретических посылках во многом коррелирует с известной произведшей революцию в лингвистике общелингвистической теорией Ф. де Соссюра, в основе которой лежат представления о языке как синхронной знаковой системе. Знак Ф. де Соссюр определяет в целом так же, как Ф.Ф.Фортунатов грамматическую форму. Для Ф.де Соссюра знак - это неразрывное единство означаемого и означающего [Соссюр 1977, 98-103].

Случилось так, что идеи МЛШ наибольшее развитие получили не в грамматике, а в фонологии. Была создана Московская Фонологическая Школа (МФШ) со своей теорией и методами исследования. Главное для МФШ в лице таких ее представителей, как А.А.Реформатский, Р.И.Аванесов, М.В.Панов - это позиционный анализ, позволяющий дать стройную и непротиворечивую систему фонем и их реализацию в речи[2]. Стоит вопрос: может ли МЛШ дать такие же впечатляющие результаты как в фонологии, в других областях лингвистики, прежде всего, в грамматике? Морфология уже давно рассматривается как учение о грамматических формах слова, организованных по разным направлениям в систему [Аванесов, Сидоров 1945]. Несколько иначе складывается ситуация с синтаксисом. В этой области нет пока ясности с основным грамматическим понятием МЛШ - понятием синтаксической формы.

Основы московского синтаксиса были заложены самим Ф.Ф.Фортунатовым. Синтаксис понимается им как учение о слово-

сочетаниях. Различаются незаконченные и законченные словосочетания. "Незаконченным словосочетанием является такое словосочетание, самостоятельная часть которого образует собою также и часть другого словосочетания... В законченном словосочетании одно слово сочетается с другим, как одна часть суждения с другой частью суждения, т.е. законченное словосочетание представляет собою полное предложение..." [Фортунатов 1956, 182-183]. Справедливо полагая, что язык служит выражению мысли - суждения, Ф.Ф.Фортунатов тем не менее строит синтаксис на собственно языковой основе. Так, последовательно различаются грамматические и неграмматические словосочетания и предложения. Грамматическими названы словосочетания, в которых "грамматическая форма слова в одной части словосочетания обозначает отношение данного предмета мысли к другому предмету, к другой части словосочетания" (хорошая погода). Словосочетания, в которых, по мнению Ф.Фортунатова, не обозначено формами языка отношение одного предмета к другому, названы неграмматическими (сегодня мороз). Грамматическими предложениями являются такие словосочетания, которые включают грамматическое сказуемое и подлежащее. Грамматическим подлежащим является слово, к которому относится в словосочетании грамматическое сказуемое. Грамматическим сказуемым в русском и родственных с ним языках признается либо глагол в формах спряжения (Птица летит), либо такое соединение слов, которое образуется при употреблении глагола как вспомогательного слова при другом слове (Погода была великолепной). "Формы, делающие глагол грамматическим сказуемым, - это формы времени и наклонения, которые вместе могут быть названы формами сказуемости в глаголе" [Фортунатов 1957, 452-455].

Синтаксические воззрения Ф.Ф.Фортунатова воспринимались далеко не однозначно. Его упрекали в том, что он "растворил" учение о предложении в учении о словосочетании. Несостоятельность такого упрека убедительно показывает Д.Н.Шмелев. Словосочетание у Ф.Ф.Фортунатова "представлено, - пишет он, - как своего рода структурная схема любого сочетания двух полнозначных слов, независимо от того, образуют ли они предикативное сочетание или непредикативное. Понятно, что никакого отрицательного по своим результатам "приравнивания"

словосочетания и предложения в том смысле, в каком различаются эти понятия в современных описаниях синтаксиса, не происходит: изучается возможность сочетания различных словоформ друг с другом, и дается определение этих сочетаний с точки зрения морфологических особенностей и возможностей синтаксического функционирования ("законченные" и "незаконченные" словосочетания)" [Шмелев 1976, 46]. Тот факт, что в центр грамматики Ф.Ф.Фортунатов ставит форму, послужил поводом назвать его синтаксис формальным. В не столь давние времена формализм в языкознании считался чуть ли не враждебной идеологией. Теперь это может вызвать разве что недоумение. Попытки толковать синтаксическое учение Ф.Ф.Фортунатова как оторванное от содержания также не имеет ничего общего с истинным положением дел, поскольку, повторим еще раз, форма для Ф.Ф.Фортунатова - это единство грамматического средства и содержания (значения), которое этим средством выражается.

Грамматические идеи Ф.Ф.Фортунатова оказали большое влияние на последующее развитие синтаксической теории. Формальный подход к синтаксису в соединении с психологизмом дал себя знать в синтаксисе А.М.Пешковского [Пешковский 1956], А.А.Шахматова [Шахматов 1941], несомненно, под влиянием Ф.Ф.Фортунатова дает описание словосочетаний М.Н.Петерсон [Петерсон 1923]. Однако верно и другое: научное освоение синтаксических идей МЛШ с опорой на те глубокие методологические идеи, которые заложены в МФШ, еще только начинается. Цель дальнейшего изложения - попытаться - пока в достаточно эскизном виде - представить синтаксис как учение об иерархически упорядоченной системе синтаксических форм и определить место в этом учении сравнительно новых московских синтаксических идей.

Исходной точкой отсчета в синтаксической системе будем считать, как и Ф.Ф.Фортунатов, словосочетание. Словосочетанием называем такое соединение слов, которое имеет особые синтаксические формы. Синтаксические формы словосочетания - это те синтаксические средства, которые указывают на связь двух и более слов, и те значения (смысловые отношения между соединенными словами), которые этими средствами выражаются. Словосочетания бывают подчинительными и сочинительными.

Подчинение и сочинение – различные явления. Подчинение в словосочетании осуществляется с помощью таких средств, которые традиционно обобщаются понятиями согласования, управления и примыкания. Синтаксическое значение подчинения – синтаксическое неравноправие соединяемых слов: одно – главное, другое – зависимое. Словосочетание с синтаксической формой подчинения может быть только бинарным. В подчинительных сочетаниях с помощью тех же средств связи (согласование, управление, примыкание) выражаются еще такие значения, которые можно характеризовать в традиционных терминах членов предложения: определительные, обстоятельственные и пр. Сочинительная связь выражается либо сочинительными союзами (Петя и Маша пошли в парк), либо особой перечислительной интонацией (В парк пошли Петя, Маша, Ваня, Коля). Синтаксическое значение сочинения – синтаксическое равноправие соединяемых слов: при сочинении нельзя назвать главного и зависимого слова. Сочиняются слова либо с одинаковой функцией, если функцию характеризовать в терминах традиционных членов предложения, либо слова с такой общностью, как вопросительность (Кто и когда поедет в командировку?), отрицательность (Никому и никогда не завидуй) и под. [Санников 1989, 13-28]. В сочинительных сочетаниях с помощью тех же средств выражаются значения, которые характеризуются в терминах противопоставительные, разделительные и под. Словосочетания с синтаксическими формами сочинения могут образовывать открытые ряды, то есть состоять более, чем из двух слов. Таким образом, утверждаем, что словосочетания образуются двумя синтаксическими формами. У этих форм одно средство, но тем не менее это именно две формы, поскольку у них разные значения. Сразу же встает вопрос: нельзя ли считать, что существует просто одно значение, состоящее из двух компонентов, например, таких, как неравноправные отношения + определение. Такое решение было бы возможно, если бы получались непересекающиеся классы, то есть не было бы ни одного случая, когда вторая часть значения (определительное, разделительное и под.) не входила бы одновременно в комплекс и с равноправными, и с неравноправными отношениями. Для словосочетания такое решение, по-видимому, корректно. Но оно некорректно для сложного предло-

жения. М.Н.Петерсон и А.М.Пешковский показали, что в сложном предложении одно и то же смысловое отношение между частями сложного предложения может выражаться как сочинительными, так и подчинительными союзами, ср. следственные отношения в предложениях Подул северный ветер, и сразу похолодало и Подул северный ветер, так что сразу похолодало. Поскольку синтаксическая природа сочинения/подчинения в словосочетании и сложном предложении одинакова (см. об этом в [Ширяев 1980]), то обсуждаемое решение о комплексном синтаксическом значении одной формы связи в словосочетании кажется неприемлемым.

Всякую упорядоченную на основе синтаксических форм словосочетаний цепочку слов назовем синтаксической конструкцией. При подходе к словосочетанию как к особой синтаксической форме представляются излишними понятия сложного и комбинированного словосочетания (об этих понятиях см. в [Русская грамматика 1980, 79-82]), поскольку такие словосочетания образуются не на основе своих синтаксических форм, а являются простым объединением собственно словосочетаний, то есть являются, по определению, синтаксической конструкцией.

Синтаксическую конструкцию, включающую в себя синтаксическую форму предикативности, назовем предикативной конструкцией. Синтаксическим значением формы предикативности является время и наклонение. Типичным средством выражения предикативности является глагол или связка быть в личных формах (включая и нулевую форму): Он осмелел, Он был смелый, Он смелый. В целом синтаксическая форма предикативности соответствует тому, что Ф.Ф.Фортунатов называл грамматическим сказуемым. Следует отметить, что в число средств выражения предикативности здесь, вопреки достаточно распространенному мнению [Грамматика русского языка 1960, 76-83], не включается интонационный показатель оформления синтаксической структуры как некоторого коммуникативного целого. Как будет показано в дальнейшем, такой интонационный показатель является средством выражения в иной синтаксической форме. Также должно быть ясно, что значением синтаксической формы предикативности не являются смысловые отношения между традиционно понимаемыми подлежащим и сказуемым. Выражение таких отношений принадлежит синтаксическим формам словосочетания. Эти отношения могут

быть названы предикатными, но лучше, чтобы отрешиться от ненужных ассоциаций с термином предикативность, называть их характеризующими, термином из логико-синтаксической концепции Н.Д.Арутюновой [Арутюнова, Ширяев 1983, 3-15]. Таким образом, выражение Птица летит содержит следующие синтаксические формы: форму подчинения, форму с синтаксическим значением характеризации (обе формы выражены средствами согласования) и форму предикативности, выраженную личной формой глагола (летит).

Как особую синтаксическую форму следует, вероятно, рассматривать то, что в описаниях последних лет получило название структурной схемы предложения. Структурная схема предложения в нашем понимании включает компонент, который выражает предикативность, и тот компонент, от которого он зависит. В определении состава структурной схемы МЛШ имеет одно принципиальное отличие от других синтаксических направлений. Это отличие связано с интерпретацией так называемых односоставных структурных схем. Представитель МФШ М.В.Панов, характеризуя основные черты синтаксического строя русского языка, выделяет структуру "существительное в именительном падеже + спрягаемый глагол" и отмечает, что эта структура "используется и в так называемых двусоставных предложениях, и в предложениях с неопределенно-личными, обобщенно-личными, безличными формами глаголов. Например, неопределенно-личное значение глагола может реализоваться только при "отсутствии" подлежащего. Значимое отсутствие следует рассматривать как особый показатель, поэтому в предложениях с неопределенно-личной, обобщенно-личной, безличной формой глагола необходимо признать наличие подлежащего, выраженного нулем" [Панов 1966, 106-107]. Признание в структурной схеме (предикативном сочетании, по Панову) нулевого подлежащего снимает противопоставление двусоставных/односоставных предложений или, во всяком случае, переводит его в иную плоскость: предложения с вербализованным подлежащим/с нулевым подлежащим[3]. Почему же структурную схему можно и нужно рассматривать как синтаксическую форму? Именно потому, что за различием структурных схем стоит не только различие структур, но и различие определенных значений. Особенно ясно это можно видеть на примере

схем с нулевым подлежащим и безличным глаголом и соответствующих схем с вербализованным подлежащим. В предложении Мне не спится выражен смысл 'не спится не по своей воле', в предложении Я не сплю смысл 'по своей воле или не по своей воле' не выражен, возможно любое осмысление. Это различие очевидным образом связано с различием структурных схем, и поэтому данное смысловое различие - это различие в синтаксических значениях. Различие структурных схем не ограничивается только различием схем с нулевым и вербализованным подлежащим. Можно, например, предполагать, что существует различие некоторых глагольных и именных схем, ср.: Он певец и Он поет. Оба предложения обозначают некоторое постоянное свойство человека. В именной схеме это постоянное свойство представлено скорее как профессия, а в глагольной скорее как увлечение.

Еще одной синтаксической формой - являются формы связи предикативных конструкций. К числу синтаксических средств этих форм относятся сочинительные союзы и подчинительные союзы и союзные слова. Подобно синтаксическим формам словосочетания при соединении предикативных конструкций с помощью указанных средств связи выражаются синтаксическое значение равноправия/подчиненности предикативных конструкций и синтаксические значения, обычно характеризуемые в терминах изъяснительные определительные, разделительные и т.п.

Последней в приведенной иерархической системе синтаксических форм является коммуникативно-модальная синтаксическая форма. Основное средство коммуникативно-модальной формы - интонация, сообщающая одной или нескольким предикативным конструкциям (соединенным на основе синтаксических форм связи предикативных конструкций) модальное значение повествования, вопроса или побуждения. Коммуникативно-модальная форма превращает предикативные конструкции, одну или несколько, в высказывание.

Нетрудно видеть, что в представленной системе синтаксических структур нет предложения. И это не случайно. Термином "предложение" при подходе к синтаксису как системе синтаксических форм целесообразно называть синтаксическую категорию, включающую в себя названные синтаксические формы. В этом случае старый дискуссионный вопрос о том, является ли сложное

предложение одним предложением или объединением нескольких, решается достаточно просто. В предложении может быть только одна коммуникативно-модальная форма: предложений из нескольких высказываний не может быть по определению, поскольку высказывание завершает иерархическую цепочку синтаксических структур[4]. Исходя из сказанного, можно предложить следующие определения простого и сложного предложения. Простое предложение - это одна предикативная конструкция, представленная в коммуникативно-модальной форме высказывания. Сложное предложение - это две и более соединенные на основе особых синтаксических форм предикативных конструкций, представленных вместе в коммуникативно-модальных формах высказывания.

Приведенная система синтаксических форм не исчерпывает тех форм, которые могут функционировать в предложении. Должны быть названы, по крайней мере, еще две синтаксические формы: формы актуального членения предложения и формы обособления членов предложения. Эти формы, которые здесь рассматриваться не будут[5], являются как бы внешними по отношению к предложению: они модифицируют готовое предложение.

Если попытаться определить степень разработанности синтаксиса в духе МЛШ, учитывая все сказанное о синтаксических формах, со степенью разработанности МФШ, то следует признать, что эта степень весьма не высока. Если в МФШ на основе позиционного анализа представлена система фонем во всем многообразии ее реальных репрезентаций в сильных и слабых позициях, то задача показать в духе МЛШ всю систему способов представления синтаксических форм как со стороны выражения, так и со стороны содержания, еще очень далека от своего решения. Между тем в немногочисленных синтаксических работах современных московских фонологов есть, как кажется, перспективные решения. Обращает на себя прежде всего внимание выдвинутый Р.И. Аванесовым [Аванесов 1936] и развитый М.В.Пановым [Панов, 1966] принцип отождествления второстепенных членов предложения. Известно, что концепция второстепенных членов предложения, берущая свое начало в так называемых логических грамматиках, несмотря на все свое несовершенство, остается актуальной и в наше время. Актуальная для нас суть этого понятия заключается в следующем: в понятии члена предложения, если

подходить к нему последовательно с позиции синтаксической формы, происходит обобщение синтаксических форм словосочетаний с одинаковым значением, но различными средствами выражения [6]. Р.И.Аванесов обратил внимание на то, что единицы с одинаковым синтаксическим значением, но по-разному оформленные, могут быть соединены на основе сочинительной связи, как раз и обнаруживающей по самой своей синтаксической сути некоторую одинаковость соединяемых компонентов. Среди членов предложения выделяются морфологизованные и неморфологизованные. Каждая часть речи может выполнять в предложении те функции, которые соответствуют ее морфологической природе (прилагательное, например, обозначает признак предмета и является в предложении основным – морфологизованным – способом выражения определительных отношений), и те функции, которые не предопределены (или, во всяком случае, не предопределены явным образом) морфологической природой части речи – в этом случае говорят о неморфологизованном члене предложения. Стоит отметить, что анализ соответствия морфологической природы слова и его синтаксических функций составляет одну из важнейших сторон синтаксической концепции А.А.Потебни, весьма близкого по своим синтаксическим убеждениям к МЛШ [Потебня 1958, 81-128]. Как правило, определение синтаксической роли морфологизованных членов предложения не вызывает затруднений, эти затруднения возникают при определении роли неморфологизованных членов. И поэтому Р.И.Аванесов рекомендует при определении роли неморфологизованного члена предложения уяснить, с каким морфологизованным членом предложения его можно соединить сочинительной связью. Так, в предложении Он пишет чисто и без ошибок член без ошибок является обстоятельством потому, что сочиняется с морфологизованным обстоятельством чисто. М.В.Панов последовательно использует принцип Р.И.Аванесова для дефиниций второстепенных членов предложения. Так, по мнению М.В.Панова, "прилагательные, причастия, наречия и деепричастия, которые могут соединяться сочинительной связью с прилагательными или причастиями, объединяются при существительном в класс определений" [Панов 1966, 105]. При дефинициях второстепенных членов предложения в расчет принимает-

ся не только возможность, но и невозможность определенных компонентов сочиняться между собой. Ср.: "Существительные в косвенных падежах, поясняющие другое существительное, если они не могут соединяться сочинительными союзами с прилагательными, образуют класс дополнений [Панов 1966, 105]. Применение принципа Р.И.Аванесова, который, как кажется, справедливо было бы именовать принципом Аванесова-Панова, заставляет М.В.Панова принимать нетривиальные решения. Так, помимо трех традиционных второстепенных членов, постулируется необходимость выделения еще одного члена предложения - инфинитивов, поскольку инфинитивы при существительном не соединяются сочинительно с морфологически отличными от него единицами и "в некоторых случаях инфинитив, относящийся к глаголу, не может соединяться сочинительной связью с наречием [Панов 1966, 106].

Принцип Аванесова-Панова можно, как кажется, интерпретировать в аспекте позиционного анализа. Можно думать, что морфологизованный член предложения занимает сильную позицию, а неморфологизованный член вне сочинительного соединения с морфологизованным слабую. И только попадая с помощью сочинительной связи в позицию с морфологизованным членом, он оказывается в сильной позиции. Конечно, прямой и полной аналогии с фонетически сильными и слабыми позициями здесь нет, но и некоторое сходство с ними очевидно: именно в сильной позиции можно отождествить звук с определенной фонемой - именно в сильной позиции можно точно определить принадлежность компонента к определенному члену предложения.

Итак, МЛШ открывает определенные перспективы создания особого - формального - синтаксиса.

Примечания

1. Ср. такое недвусмысленное замечание Ф.Ф.Фортунатова: "...Мы можем называть корнями слов те основы, какие являются непроизводными в данном языке в данное время" [Фортунатов 1957, 445].

2. Об основных идеях МФШ и этапах ее развития см. в [Реформатский 1970].

3. Независимо от М.В.Панова к идее нулевого подлежащего пришел И.А.Мельчук [Мельчук 1974а]. Ср. отрицание дихотомии двусоставных/односоставных предложений на принципиально иной основе: Г.А.Золотова ищет подлежащее (субъект) в наличном составе традиционных односоставных предложений [Золотова 1982, 133-155].

4. Следует заметить, что идея поуровневой иерархической организации предложения далеко не нова. На основе разных исходных теоретических позиций она обсуждается, например, в [Данеш, Гаузенблас 1969], [Мельчук 1974б] и др. Суть нашего подхода, как уже сказано, последовательная реализация представлений о синтаксисе как учении о синтаксической форме.

5. Общее элементарное определение этих форм см. в [Русский язык 1989].

6. Заметим, что хотя "Русская грамматика" отказывается от термина второстепенный член предложения, необходимость тех обобщений, которые заключены в этом понятии, остаются актуальны и для нее [Русская грамматика 1980, 123-129].

Литература

Аванесов 1936 – Аванесов Р.И. Второстепенные члены предложения как грамматические категории // Русский язык в школе. 1936, № 4.

Аванесов, Сидоров 1945 – Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.

Арутюнова, Ширяев 1983 – Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. М., 1983.

Данеш, Гаузенблас 1969 – Данеш Ф.Р., Гаузенблас К. Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их воздействие. М., 1969.

Грамматика русского языка 1960 – Грамматика русского языка М., 1960.-Т.II, ч.I.

Мельчук 1974а – Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл ↔ Текст". М., 1974.

Мельчук 1974б – Мельчук И.А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л., 1974.

Панов 1966 – Панов М.В. Русский язык // Языки народов СССР. М., 1966.-Т.1. Индоевропейские языки.
Петерсон 1923 – Петерсон М.Н. Очерк синтаксиса русского языка. М., Пг., 1923.
Пешковский 1956 – Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7 изд. М., 1956.
Потебня 1958 – Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958.-Т.1-П.
Реформатский 1970 – Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
Русская грамматика 1980 – Русская грамматика М., 1980.-Т.П.
Русский язык 1989 – Русский язык М., 1989.-Ч.П.
Санников 1989 – Санников В.З. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Грамматика. Синтаксис. М., 1989.
Соссюр 1977 – Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Пер. с франц. // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
Фортунатов 1957 – Фортунатов Ф.Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе // Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. М., 1957.-Т.2.
Фортунатов 1956 – Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языкознание// Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. М., 1956.-Т.1.
Шахматов 1941 – Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
Ширяев 1980 – Ширяев Е.Н. Дифференциация сочинительных и подчинительных союзов на синтаксической основе // Филологические науки, 1980, №2.
Шмелев 1976 – Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.

IV

Вл.Новиков

СЕЯТЕЛЬ ОЧЕЙ
М.В.Панов - литературовед

Что такое язык и что такое литература?

Эти два вопроса для русской филологической науки со времен Ломоносова и Тредиаковского до времен Тынянова и Якобсона были теснейшим образом связаны. Плодотворность взаимодействия языковедческого и литературно-эстетического подходов к слову была культурной аксиомой, а стратегия филологии понималась как "анализ структурных законов языка и литературы" (Тынянов 1977, 283). В дальнейшем, однако, языкознание и литературоведение сделались достаточно обособленными подразделениями научно-бюрократического"аппарата", диктовавшего свои априорно-идеологические установки, совершенно далекие от трудных поисков неповторимой специфики слова.

Разрыв этот печальным образом сказался и на языкознании, и на литературоведении. Многие лингвисты стали проявлять полное равнодушие к литературно-эстетическому качеству исследуемых текстов: так, например, в современных толковых словарях в качестве иллюстрирующих примеров рядом с цитатами из Пушкина и Гоголя можно увидеть суконные фразы В.Кожевникова или Н.Грибачева. Большинство литературоведов, в свою очередь, не владеет лингвистическим инструментарием и либо игнорирует своеобразие языка изучаемых произведений, либо отделывается субъективно-расплывчатыми суждениями и характеристиками.

И все-таки традиция истинной филологии продолжала жить и развиваться в трудные для науки и культуры десятилетия. Яркое тому свидетельство - научная деятельность Михаила Викторовича Панова. Будучи известен прежде всего как выдающийся лингвист, он вместе с тем является крупным и оригинальным литературоведом.

В этом убеждают уже собственно языковедческие труды М.В. М.В.Панова. Привлекаемые им к разбору поэтические и прозаические тексты никогда не бывают нейтральным "препаратом", они всегда выбираются и подаются с учетом их эстетической ценности. Панов любит "вкусные" цитаты и щедро угощает ими своего читателя, что отнюдь не отвлекает от собственно лингвистичес-

кой стороны дела. Когда мы читаем у Панова строфу Пастернака: "Достатком, а там и пирами, /И мебелью стиля жакоб / Иссушат, убьют темперамент,/ Гудевший, как ветвь, жуком" (Панов, 1979, с.76), - то это не только пример произношения слова "ветвь" в два слога на переходе от эксплозии к имплозии. Это выразительнейший образец пастернаковского стиля, образная модель мира поэта. Наконец, это формула определенного отношения к жизни, свойственного не только Пастернаку, но и цитирующему его исследователю, неизменно равнодушному к "достатку" и сохраняющему редкий научно-творческий темперамент, азартный интерес к людям, к науке, к литературе.

В той же книге есть особая глава "Фонетические подсистемы. Фонетика поэтической речи", где с замечательной четкостью и ясностью показаны присущие поэтическому языку специфические нейтрализации: релевантных-нерелевантных различий, языка и речи, обозначаемого и обозначающего, нормативности - ненормативности, синхронности - диахронности. Все эти особенности поэтического языка эстетически значимы, без их учета и понимания невозможно адекватное восприятие (и тем более подлинно научное изучение) стихотворных произведений. Совершенно очевидно, что данные закономерности должны быть отражены не только в вузовском учебнике по фонетике, но и в учебниках по теории литературы.

В фундаментальном труде М.В.Панова о русском литературном произношении XVIII - XX веков каждая из произносительных эпох охарактеризована на уровне художественной речи. И, хотя автор оговаривается, что в этой книге "было бы неуместно анализировать поэтическое творчество или театральную игру в их собственно эстетических моментах" (Панов 1990, с.55), - литературоведческая и искусствоведческая проблематика то и дело врывается в лингвистическое повествование. Здесь мы находим важные наблюдения о наличии в русской силлабике напевной и ораторской тенденций, выразительную характеристику поэтики Ломоносова: "Оды Ломоносова - все на контрастных, силовых выделениях слов. Без них ямбический узор был бы отупляюще однотонен..." (Панов 1990, с.415), описание различий в звуковой организации стиха между Батюшковым, Пушкиным, Баратынским - с одной стороны, и "младоархаистами" - с другой. "Фонетический портрет Пуш-

ника - важнейший вклад в пушкинистику: в частности, здесь разработан своеобразный алгоритм изучения орфографии и фонетики текстов поэта; пушкинисты должны прислушаться к предостережению о том, что пушкинские стихотворные повторы ошибочно анализируются "на основе современных произносительных норм" (Панов 1990, с.266), а то и "по буквам". Здесь же исследована рифменная реформа А.К.Толстого, показаны два типа звуковой поэтики 20-30-х годов нашего века: "эстетика согласных" в футуристической и постфутуристической поэзии, в театре Мейерхольда и Вахтангова - и равновесие вокального и консонантного элементов у поэтов-акмеистов, у актеров Камерного театра.

Таковы "побочные" результаты языковедческого исследования. Прямо скажем: немногие специальные работы по литературе и театру обладают аналогичной научно-познавательной ценностью. Лишний раз убеждаемся в том, что литературоведение и эстетика не всегда живут и развиваются только в местах, специально для этого отведенных. Иной раз подлинные открытия в этой сфере совершаются там, где нет соответствующей вывески. Без нее, быть может, научная мысль движется даже живее и свободнее. М.В.Панов приложил немало усилий к тому, чтобы включить изучение языка художественной литературы в общую систему лингвистических исследований. При разработке проспекта коллективной монографии "Русский язык и советское общество" М.В.Пановым наряду с другими разделами был написан и раздел "Стилистика" (Панов 1962). Весьма симптоматично, что автор статьи "Поэтический язык" в Краткой Литературной Энциклопедии В.П.Григорьев поставил эту работу на первое место в списке литературы по теме. (Григорьев 1978, с.643). Программа исследования была намечена захватывающая и многообещающая, однако обстоятельства помешали ее осуществлению, как и реализации многих других масштабных планов ученого. Сегодня следует открыто сказать, как много потеряла наша русистика в "застойные" годы от того, что М.В.Панов лишен был возможности руководить организацией и ходом научного процесса.

Однако М.В.Панов принадлежит к числу таких ученых, которые по таланту, энергии и работоспособности равноценны целому научному институту. Им в одиночку разработана

научная история русской поэзии XVII - XX веков. Этот труд осуществлен в виде спецкурса по истории языка русской поэзии, который М.В.Панов долгие годы читает на филологическом факультете МГУ. Слушателями этих лекций бывали не только студенты, но и "взрослые" ученые, молодые поэты. Не в первый раз крупное научное произведение реализуется в лекционной форме: достаточно вспомнить такие "прецеденты", как эстетика Гегеля и общая лингвистика Соссюра. Живой разговор с аудиторией, возможность импровизации, постоянного обновления и уточнения мысли - все это дает даже некоторые преимущества перед твердо зафиксированной письменной формой. Ну, а применительно к нашей действительности еще чрезвычайно важна была свобода от идеологического и методологического контроля, неизменно сковывавшего работу официально "зарегистрированных" литературоведов. Спецкурс Панова - явление научного "самиздата", или "магнитиздата" (существует звукозапись лекций). В этом смысле он типологически сходен с такими культурными явлениями, как поэзия Галича, Высоцкого и других бардов, проза Жванецкого. Сегодня, когда рухнули казавшиеся незыблемыми идеологические твердыни, когда в свете нового мышления (да и попросту здравого смысла) предстали бесконечно далекими от истины не в меру политизированные теоретические и историко-литературные схемы, когда не запрещено и, значит, разрешено исследовать литературу как таковую,-перед всеми литературоведами стал нелегкий вопрос: а что они имеют предъявить "по гамбургскому счету", что за все минувшие годы реально сделано ими не в угоду конъюнктуре, а с целью честного научного познания? Немногие в этой ситуации могут "отчитаться" перед культурой таким весомым в нее вкладом, как это может сделать М.В.Панов с его исторической концепцией развития русской поэзии на протяжении трех веков.

М.В.Панов выступил прямым продолжателем Опояза, творчески развив традиции Тынянова, Шкловского и Эйхенбаума, реализовав многие задачи, лишь приблизительно намеченные этими учеными в 20-30-е годы. Как и опоязовцы, Панов исходит из представления о том, что художественная литература обладает неповторимой спецификой, что она развивается по своим имманентным законам. Литература - не пресловутое "отражение" жиз-

ни, а ее необходимая составная часть. Поэтому ее нельзя механически подверстывать к иным системам. Сначала следует выявить внутренние закономерности литературного развития, а потом уже их можно соотносить с закономерностями общественного развития. Такой путь был намечен в статье Тынянова "О литературной эволюции" и в статье Эйхенбаума "Литературный быт" (обе - 1927 г.) Таким путем пошел в своем конкретно-историческом исследовании М.В.Панов.

Источник диалектического развития поэзии он видит в самом ее внутреннем строе. Панов выделяет в поэзии три изоморфных яруса: звуковой, словесный и образный. Звуковой ярус включает всю фонику стиха: метрику, ритмику, систему звуковых повторов и контрастов. Это "нижний" этаж поэтической структуры и в то же время ее фундаментальный уровень. Именно со звукового яруса начинаются исторические сдвиги, а потом эволюционная энергия передается высшим ярусам. Крупный талант, как нередко подчеркивает Панов, отчетливо проявляется уже в самой звуковой организации стиха, в ритмической поступи поэта. Общие закономерности звукового яруса по-своему реализуются в ярусе словесном, в особенностях словоупотребления и семантических преобразованиях внутри слова. Наконец, все это находит соответствие в строении образного яруса, прежде всего - в образе лирического героя и в художественном образе мира.

При таком аналитическом подходе изучение движется от элементов обозримых и доступных эмпирическому описанию к элементам более широкого плана, что надежно страхует от априорной заданности концептуальных положений. Панов достигает здесь того конкретного историзма, который в нашем литературоведении чрезвычайно редок. Он видит в поэзии не расплывчатую бесконечность или неупорядоченное множество, а тот самый "ряд реально данных структурных типов" [Тынянов 1977, с.283], описания которого ждали от будущей науки Тынянов и Якобсон. Наглядно демонстрируя смену поэтических систем, Панов остро ощущает драматизм литературного развития, выявляя то, что недоступно простому эмпирическому наблюдению. Так, в промежутке между Ломоносовым и Державиным он видит "бесконечное количество нереализованных возможностей", столь же динамичны в его описании и другие эволюционные сдвиги.

Панову совершенно чужд тот ритуальный пиетет по отношению к литературной классике, что нередко парализует научную мысль. Он не боится, скажем, вступить в спор с Белинским, который многих поэтов "приносил в жертву Пушкину", явно недооценивая их самостоятельное значение. Панов никогда не следовал схоластически-бюрократическому разграничению писателей прошлого века на "первый" и "второй" ряд, он с давних пор высоко оценивал поэтическую культуру серебряного века, показывал огромную историческую органичность и духовно-эстетическую ценность таких направлений, как символизм, акмеизм, футуризм. С большой тактичностью и точностью отделяет он истинное от мнимого в русской поэзии советского периода, не делая уступок ни официальной конъюнктуре, ни снобистской моде.

Историко-литературная концепция М.В.Панова не поддается схематизующему пересказу, поэтому воздержимся от попыток ее краткого изложения. Думается, сегодня уже созрели реальные предпосылки для опубликования результатов многолетних исследований ученого, и сам он должен получить возможность донести свои идеи и наблюдения не только до слушателей, но и до читателей. Мы же далее коснемся важнейших особенностей литературоведческого "почерка" Панова и попробуем охарактеризовать то особое место, которое он занимает в современной культуре.

Научно-аналитическое зрение Панова в первую очередь нацелено на уяснение творческой, эстетической специфики художественной литературы. Он прежде всего исследует, "как сделано" произведение. Такой метод нередко вызывал обвинения в "формализме", в холодном и бесстрастном "расчленении" искусства. Однако научно-аналитический опыт Панова убедительно свидетельствует, что адекватное эмоциональное восприятие литературы, подлинное ее понимание достигается именно в процессе строгого научно-эстетического анализа. Трактовка философского, духовного значения поэзии основана у Панова не на подборе афористических цитат и не на субъективном "вычитывании" из текста мировоззренческих абстракций, - она является закономерным следствием "формального" разбора. Описание образного яруса нередко осуществляется Пановым в образно-эмоциональной форме: лирический герой И.Анненского - "человек, напряженно переживающий мир", доминантная черта лирической

героини Ахматовой - "человеческое достоинство, для многих не
переносимое". И такие характеристики всегда подготовлены ан
лизом звукового и словесного ярусов.

Панов - последовательный и неуклонный "специ*ист" в ан
лизе и оценке художественных явлений. Для него идейно-темат
ческая сторона литературы - это материал, преобразуемый по
художественным законам. Он беспощаден к бездарности и серо-
сти, какими благородными идеалами они бы ни прикрывались. Э
при том, что сам ученый никогда не был равнодушен к обществе
ным вопросам и в трудных ситуациях занимал принципиальную гр
данскую позицию. Вообще, наверное, последовательно эстетичес
кий взгляд на искусство присущ духовно богатым и независимым
людям, ищущим в художественных созданиях не повторения жиз-
ненной реальности, а ее расширения и приумножения.

Сопоставляя художественные явления, Панов в первую оче-
редь ищет не сходство, а различия. Внеэстетические совпадени
и пересечения он категорически выносит за скобки. Это резко
отличает его научную позицию от позиций тех современных ли-
тературоведов, которые сосредоточены на поисках общекультур-
ных доминант (Д.С.Лихачев, С.С.Аверинцев), от представителей
московско-тартуской семиотической школы (Вяч.Вс.Иванов,
Ю.М.Лотман): знаковая сторона искусства для Панова не являет
ся специфически-эстетическим признаком. Панов всегда увлечен
феноменологией предмета: язык его интересует как язык, в ли-
тературе его больше всего привлекает "литературность", в дру
гих видах искусства (в частности, в живописи) - то, что их о
литературы отличает.

В вопросах общеэстетических Панов занимает позицию ан-
тинормативную и плюралистическую. Он готов разбираться в но-
вом и непривычном и в то же время не приемлет принципа "про-
гресса" в применении к искусству. Характеризуя звуковую гар-
монию стихов Батюшкова, ученый отмечает: "В наш век другие
поэты и по-другому тоже неповторимо показали красоту русского
языка: Блок, Хлебников, Маяковский, Пастернак, Ахматова, Ман-
дельштам... Но "Опыты" Батюшкова оказались неповторимы" [Па-
нов 1990, с.251]. Панов ввел чрезвычайно интересную и необхо
димую категорию эстетической "предельности" произведения: ес
ли возможности данного материала реализованы художником до

предела, то его творение уже не может быть "превзойдено", оно уже не может быть "хуже" другого произведения, каким бы шедевром то ни являлось. При таком широком взгляде на вещи решительно отпадает необходимость в бессмысленных иерархиях, в избыточных оценочных градациях ("гениальный", "великий", просто "талантливый"), в выстраивании писателей и произведений в некую эстетическую "табель о рангах" (что нередко отвлекает литературоведов и критиков от конкретно-пристального постижения своего предмета).

Свобода мысли, эмоциональная сторона восприятия жизни и искусства, человечность и демократизм отчетливо выразились в самом языке М.В.Панова, стиле его письменной и устной речи. Панов никогда не предстает закованным в терминологическую броню, не отгораживается от читателя и собеседника декоративно-научными доспехами. Так, он очень экономно и ненавязчиво пользуется стиховедческой терминологией и статистикой. За этим стоит и важная содержательная закономерность: стиховедческий аспект у Панова органично включен в общую систему поэтики. В то время как сугубо "специализированное" современное стиховедение в основном сосредоточилось на метрике, Панов предлагает широкий взгляд на ритмику (включая сюда и ритм композиции, и ритм образа). Потому-то для Панова не существует "школьной" резкой границы между силлабо-тоническим и тоническим стихосложением - он видит в стихе соотношение (а порою и столкновение) стопной и тактовой организации, прослеживая эти две тенденции во всей истории русской поэзии.

Стиль Панова в значительной мере "двуязычен": терминологические слои чередуются с разговорно-метафорическими, мысль нередко подается в двух вариантах. Например, творчество Ахматовой определено как "поэзия улик", и тут же этому дан терминологический эквивалент: "процессуальная метонимия". Неологизмы Маяковского Панов называет агглютинативными, а неологизмы Хлебникова - фузионными, после чего различия между поэтами иллюстрируются образно-эмоциональным способом: у Маяковского словесный сдвиг - это "лишение", у Хлебникова - "дарование". Там, где требуется однозначность и ясность, Панов предпочитает слово терминологическое, иногда вводит новые термины: таково изобретенное им слово "кнотр", необходимое для

описания повторов структурных отношений на всех трех ярусах. Но каждую мысль Панов стремится довести до сознания собеседников еще и множеством эмоциональных приемов, прибегая то к раскрепощающим парадоксам, то к мягкому, тонкому юмору.

Закономерно поэтому постоянное обращение Панова к популяризующим жанрам. Предельно доходчивы, остроумны и в то же время внутренне серьезны две его книги о русской орфографии, главы в экспериментальном школьном учебнике русского языка, статьи в "Энциклопедическом словаре юного филолога", отлично составленном, "срежиссированном" М.В.Пановым. К слову сказать, в этом издании достигнуто редкое единство лингвистического и литературоведческого подхода к слову, и статьи самого составителя служат тут вдохновляющим образцом. В своих популярных работах Панов предстает не только как серьезнейший ученый, но и как яркий литератор с очень индивидуальным стилем. Книги и статьи Панова предназначены не только для чтения, но и для многократного перечитывания, при котором яснее становятся важные оттенки и "сцепления" мыслей.

Мы живем в весьма политизированное время: "довлеет дневи злоба его". И в литературе сегодня в первую очередь ищут не словесно-композиционную динамику, не эстетическую глубину и оригинальность, а соответствие злобе дня. Но, если наши сегодняшние надежды на лучшее сбудутся, "если русская культура возродится" (Блок 1989, с.384), то всю нашу литературу мы будем перечитывать именно как литературу. И тогда нашей культуре насущнейшим образом понадобится новое эстетическое зрение, яркий образец которого являет М.В.Панов в своей литературоведческой работе.

Художественная литература до сих пор остается в значительной мере "неопознанным объектом", используемым в каких-то побочных и не вполне адекватных целях. Об этом пронзительно сказал от имени всех художников слова Велимир Хлебников в стихотворении "Одинокий лицедей":

И с ужасом
Я понял, что я никем не видим,
Что нужно сеять очи,
Что должен сеятель очей идти!
(Хлебников 1986, с.167)

Эту увлекательную и труднейшую миссию "сеятеля очей" выбрал для себя Михаил Викторович Панов.

Литература

Тынянов 1977 - Тынянов Ю.Н., Якобсон Р.О. Проблемы изучения литературы и языка. - В кн.: Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977.

Панов 1979 - Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979.

Панов 1990 - Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII - XX вв. М.: Наука, 1990.

Панов 1962 - Панов М.В. Стилистика. - В кн.: Русский язык и советское общество: Проспект. Алма-Ата: Изд-во АН Казах.ССР, 1962.

Григорьев 1978 - Григорьев В.П. Поэтический язык русский 20 века. - В кн.: Краткая литературная энциклопедия. Т.9. М.: Сов.энциклопедия, 1978.

Блок 1989 - Блок А.А. О литературе. М.: Худож.лит., 1989.

Хлебников 1986 - Хлебников В. Творения. М.: Сов.писатель, 1986.

И.И.Ковтунова

ПОЭТИКА КОНТРАСТОВ В РОМАНЕ В.НАБОКОВА "ДАР"

I. Введение. Оппозиции в структуре романа. Построение текста в романе В.Набокова "Дар" (исключая вставные тексты) соответствует точке зрения одного лица – героя романа поэта Федора Константиновича Годунова-Чердынцева. Вещи, события и люди описываются постольку, поскольку они попадают в зону восприятия главного героя. Не только внешний мир предстает с позиции одного наблюдателя, но и внутренний мир других героев дается как игра воображения Федора Константиновича (например, описание галлюцинаций Александра Яковлевича в первой главе романа).

Параллельно ходу внешних событий (изображаемых изнутри в процессе их восприятия героем) в тексте романа передается течение мыслей, чувств, ощущений, воспоминаний, воспроизводится деятельность воображения и мечты, изображаются мгновения поэтического творчества. Все эти процессы обычно называют внутренней речью, "потоком сознания".

Внутренняя речь героя романа "Дар" необычна, к ней вполне применима характеристика, данная Д.С.Лихачевым роману Джойса "Улисс": "Ведь мы все мыслим так, как пишет Джойс... Но при этом очень важно помнить, что это мысли, поток мыслей, поток сознания, свойственный высоко-интеллектуальному человеку. ...проза его потому и сложна, что это мысли, строй мыслей гениального человека" (Лихачев 1989). Набоков дает внутреннюю речь поэта, показывает образно, как идет по жизни человек, обладающий поэтическим даром.

Как воплощается в образном строе романа эта его главная тема?

Совмещение и переплетение в одном потоке повествования внешней и внутренней действительности выражается сочетанием в синтагматическом ряду контрастных, несочетаемых явлений. Среди них в тексте романа особенно ярко выделяются следующие противопоставления (первый член оппозиции относится к внутренней действительности, второй тяготеет к полюсу внешней):

сон и явь; мечта и действительность; стихи и проза; лирика (первое и второе лицо) и эпическое повествование (третье лицо); внутренний диалог и внешний диалог; одушевленность и неодушевленность; идеальное, абстрактное и материальное, конкретное; прошедшее время (время воспоминаний) и настоящее время (время описываемых событий); пространство отдаленное и пространство близкое (находящееся в поле зрения); глубинный пласт сознания и поверхностный пласт сознания и др. (Некоторые из отмеченных оппозиций в ином аспекте рассматриваются в работе Левин 1981).

Самое характерное для поэтики романа - то, что эти контрастные явления не противопоставлены резко в тексте. Они плавно, незаметно, почти неуловимо, переходят друг в друга. Их противопоставленность размывается в тексте. Образуется своего рода зона неразличения.

Эти неуловимые переходы в тексте романа служат образным соответствием реально существующей подвижной границы между сферами внешней и внутренней действительности. Автор сообщает о положении героя по отношению к окружающему миру, о его действиях и состояниях, о других лицах, но в то же время окружающий мир и другие лица даются с точки зрения героя. Поэтому в тексте постоянно происходит плавный переход и слияние сообщения о событиях с изображением их восприятия героем. Формой сообщения становится образ восприятия. Во внутреннем мире ("внутренней речи") восприятие внешних предметов незаметно переходит в созерцание воображаемых миров, миров, предстающих в воспоминаниях или во сне. Так же незаметно восприятие переходит в речь.

Отсутствие границ во внутренней действительности, равноправие компонентов внутренней речи моделируется в тексте снятием привычных барьеров, размыванием границ между частями текста, воспроизводящими разные элементы и сферы этой действительности.

2. Некоторые приемы сочетания внешней и внутренней реальности. Тонкий прием, передающий почти одновременное присутствие в сознании разных пластов жизни, - переходы внутри одного предложения. Например, в сложносочиненном предложении с союзом *а* сообщается о двух событиях, происходящих в одно и то

же время, но отдаленных друг от друга в пространстве. Одно из событий входит в описываемую реальность в качестве ее составной части, другое всплывает в сознании героя как фрагмент отдаленной ситуации, воображаемой или существующей: Она подносит раскаленный градусник к свету и, сдвинув очаровательные котиковые брови, которые унаследовала и Таня, долго смотрит... и потом, ничего не сказав, медленно отряхнув градусник и вкладывая его в футляр, глядит на меня, словно не совсем узнает, а отец, задумавшись, едет шагом по весенней, сплошь голубой от ирисов равнине. Еще пример: Рудольф вернулся к Оле, но не успел до нее добраться, как оба ясно услышали сухой хлопок выстрела, а в комнате у Яши еще несколько часов держалась как ни в чем не бывало жизнь, банановая выползина на тарелке, "Кипарисовый ларец" и "Тяжелая лира" на стуле около кровати, пинг-понговая лопатка на кушетке.

Сложносочиненное предложение с союзом и сочетает два сообщения, одно из которых относится к настоящему, а другое - к воспоминаниям о далеком прошлом. Так переход к воображаемой картине из детства героя совершается внутри предложения, а после точки эта картина продолжается: Сборник открывался стихотворением "Пропавший Мяч", - и начинал накрапывать дождик. Тяжелый облачный вечер, один из тех, которые так к лицу нашим северным елям, сгустился вокруг дома. Своеобразная игра глагольных форм - параллелизм временных форм глагола - на мгновение рождает мнимое впечатление одноплановости событий. Между тем производится подмена: после союза и читатель уже в другом времени и другом пространстве.

Аналогичная подмена в рамках предложения совершается и другими способами. Например, основой для незаметного ввода иной реальности может служить общая для обеих реальностей деталь - принадлежность обстановки или пейзажа. Таким путем герой, сойдя с берлинского трамвая и проходя через ряд елок, попадает в сад своего детства: ... перейдя площадь и свернув на боковую улицу, он пошел к трамвайной остановке сквозь маленькую на первый взгляд чащу елок, собранных тут для продажи по случаю приближавшегося Рождества; между ними образовалась как бы аллейка; размахивая на ходу рукой, он кончиком пальцев задевал мокрую хвою; но вскоре аллейка расширилась,

ударило солнце, и он вышел на площадку сада, где, на мягком красном песке, можно было различить пометки летнего дня: отпечатки собачьих лап, бисерный след трясогузки, данлоповую полосу от Таниного велосипеда, волнисто раздвоившуюся при повороте... Старый, в елочном стиле, деревянный дом... плыл навстречу...

В романе говорится о внезапных погружениях героя в воспоминания и внезапных возвращениях к действительности: ... все проваливалось и пропадало, - прощальное сочетание деревьев, стоящих как провожающие и уже уносимых прочь, полинявший в стирке клочок радуги, дорожка, от которой остался только жест поворота, трехкрылая, без брюшка, бабочка на булавке, гвоздика на песке, около тени скамейки, - еще какие-то самые последние, самые стойкие мелочи, - и еще через миг все это без борьбы уступило Федора Константиновича его настоящему, и, прямо из воспоминания (быстрого и безумного, находившего на него как припадок смертельной болезни в любой час, на любом углу), прямо из оранжерейного рая прошлого, он пересел в берлинский трамвай.

Эта внезапность переходов передается в тексте незаметными на первый взгляд подменами, превращениями. Вторую главу романа начинает замечательный образ: Еще летал дождь, а уже появилась, с неуловимой внезапностью ангела, радуга: сама себе томно дивясь, розово-зеленая, с лиловой поволокой по внутреннему краю, она повисла за скошенным полем, над и перед далеким леском, одна доля которого, дрожа, просвечивала сквозь нее. Неуловимая внезапность - эти слова могут быть применены и к тем многочисленным метаморфозам, которые происходят в романе.

Описывая путешествие по пустыне, Набоков пишет: Бывали и миражи, причем природа, эта дивная обманщица, доходила до сущих чудес: видения воды стояли столь ясные, что в них отражались соседние, настоящие скалы! И в другом месте при описании леса: ибо ничего нет более обворожительно-божественного в природе, чем ее вспыхивающий в неожиданнейших местах остроумный обман: так лесной кузнечик <...> , прыгнув и упав, сразу меняет положение тела, поворачивая его так, чтобы направление темных полосок на нем совпадало с направлением палых

иголок (и теней иголок!).

Искусство, по мысли Набокова, заимствует у природы свои приемы, "идет на поводу у природы". В природе существует "изумительная система чар и уловок" (из лекции В.Набокова "Хорошие читатели и хорошие писатели"). Можно сказать, что подобная же система чар и уловок присутствует и в романе.

Переход героя в другую реальность иногда передается описанием того, как один предмет на глазах у героя превращается в другой. Этот новый внезапно возникший предмет является принадлежностью другого пространства и времени, в котором сразу же оказывается и герой. Так происходит переход от воспоминаний к настоящему: Он шел <...> мимо заросшей травой площадки, бывшей в дедовские времена прудком, мимо низеньких елок, зимой становившихся совершенно круглыми под бременем снега: снег падал прямо и тихо, мог падать так три дня, пять месяцев, девять лет, - и вот уже, впереди, в усеянном белыми мушками просвете, наметилось приближающееся мутное, желтое пятно, которое, вдруг попав в фокус, дрогнув и уплотнившись, превратилось в вагон трамвая, и мокрый снег полетел косо <...>.

Переходы к воображаемым картинам и сценам даются так, что читатель этого не замечает. Выход из этого состояния обычно комментируется. Такой метод описания связан с тем, что для самого героя переход к воображаемой реальности происходит незаметно, а возвращение к реальности настоящего всегда осознается и обычно тем или иным образом оценивается героем. Так форма описания приобретает изобразительную функцию. Она как бы повторяет действительный ход событий - внезапное и неосознаваемое погружение в мечту и выход из нее, отражаемый в сознании. Интересны в этом отношении два воображаемых диалога Федора Константиновича с поэтом Кончеевым. В первой главе реплики реального диалога незаметно переходят в реплики воображаемого диалога. В обоих случаях реплики берутся в кавычки, и только дважды повторенное многоточие после последней реплики реального диалога и перед первой репликой воображаемого диалога дает неясный намек на некоторый раздел. Обширный диалог кончается так:

"Да, жалко, что никто не подслушал блестящей беседы, которую мне хотелось бы с вами вести".

" Ничего, не пропадет. Я даже рад, что так вышло. Кому какое дело, что мы расстались на первом же углу, и что я веду сам с собою вымышленный диалог по самоучителю вдохновения".

Воображаемый разговор с Кончеевым в последней главе прерывается в середине фразы, оставляя незаконченным рассуждение героя: "... что в порыве к асимметрии к неравенству слышится мне вопль по настоящей свободе, желание вырваться из кольца",- " Herrlicher Wetter, - in der Zeitung steht es aber, dass es morgen bestimmt regnen wird " - проговорил, наконец, сидящий на скамье, рядом с Федором Константиновичем молодой немец, показавшийся ему похожим на Кончеева.

Опять, значит, воображение, - а как жаль! <...> Почему разговор с ним никак не может распуститься явью, дорваться до осуществления? Или это и есть осуществление, и лучшего не нужно...

Во второй главе герой погружается в воспоминания об отце и описывает воображаемые картины далеких путешествий отца по Тянь-Шаню, Тибету и другим странам. На мгновение показан выход из творческого сна:

Все это волшебно держалось, полное красок и воздуха, с живым движением вблизи и убедительной далью; затем, как дым от дуновения, оно подалось куда-то и расплылось, - и опять Федор Константинович увидел мертвые и невозможные тюльпаны обоев, рыхлый холмик окурков в пепельнице, отражение лампы в черном оконном стекле. Он распахнул окно. Исписанные листы на столе вздрогнули, один завернулся, другой плавно скользнул на пол. В комнате сразу стало сыро и холодно.

Но через мгновение герой снова возвращается в состояние творчества: "он сразу попал опять в тот мир, который был столь же ему свойственен, как снег - беляку, как вода - Офелии".

3. Лирика и эпическое повествование. Смена лиц. Основу художественной ткани романа "Дар" составляют постоянные переходы от третьего лица к первому и обратно. Такие переходы знаменуют снятие некоторых существенных жанровых и стилевых барьеров. Переходы от он к я позволяют автору свободно чередовать и переплетать отрезки текста (никак их не выделяя) повествовательные и лирические, рассказ о герое в третьем лице

и рассказ от первого лица, повествование о внешних событиях и внутреннюю речь.

Смена лиц обычно производится в середине абзаца и иногда проходит незаметно, вызывая ощущение неуловимой подмены. При этом *я* ассоциируется и с героем и с автором (впрочем, герой и автор так же неуловимо переходят друг в друга), но чаще и более настойчиво - с автором.

Такая форма романа, принятая с самого начала, дает автору необычную свободу лирического выражения, не стесненного рамками жанра. Автор более свободен, чем в лирике, потому что он может в любой момент высказаться от себя непосредственно и сразу же уйти и спрятаться за события, происходящие с героем. По воле автора лирическая речь неожиданно возникает в тексте романа и так же неожиданно прерывается. Это дает сильный стилистический эффект.

Характерно для романа такое сочетание частей текста с *он* и *я*, когда переход к *я* сопровождается движением лирической волны. Лирическая кульминация наступает сразу с появлением *я* или нарастает постепенно в контексте с *я*. Часто применяется такой выразительный прием: рассказ о действиях героя ведется в третьем лице, затем внезапный переход к *я* происходит в момент сильной эмоции, испытываемой героем, после чего повествование возвращается к *он*.

Он пошел дальше, направляясь к лавке, но только что виденное <...> освободило в нем то приятное, что уже несколько дней держалось на темном дне каждой его мысли, овладевая им при малейшем толчке: вышел *мой* сборник; и когда он, как сейчас, ни с того ни с сего падал так, то есть вспоминал эту полусотню только что вышедших стихотворений, он в один миг мысленно пробегал всю книгу <...>

Здесь автор говорит о глубинном чувстве, которое держалось "на дне" каждой мысли героя (то есть поток сознания раздваивается, образуя как бы два уровня - глубинный и поверхностный). Сообщение об этом чувстве дается в первом лице. Затем после возврата к третьему лицу (он <...> мысленно пробегал всю книгу) это глубинное чувство и образы его книги полностью завладевают мыслями героя (глубинный пласт сознания

выходит на поверхность) и на лирическом взлете снова появляется первое лицо: <...> он в один миг мысленно пробегал всю книгу, так что в мгновенном тумане ее безумно ускоренной музыки не различить было читательского смысла мелькавших стихов, - знакомые слова проносились, крутясь в стремительной пене (кипение сменявшей на мощный бег, если привязаться к ней взглядом, как дельвали мы когда-то, смотря на нее с дрожавшего моста водяной мельницы, пока мост не обращался в корабельную корму: прощай!), - и эта пена, и мелькание, и отдельно пробегавшая строка, дико блаженно кричавшая издали, звавшая, вероятно, домой, все это вместе со сливочной белизной обложки сливалось в ощущение счастья исключительной чистоты...

Еще пример, когда первое лицо, обрамленное третьим, фигурирует в высказывании, выражающем сильное чувство:

Верхняя, тускло-стеклянная часть Зининой двери походила на озаренное море: она, должно быть, читала в постели, - и, пока Федор Константинович стоял и смотрел на это таинственное стекло, она кашлянула, шуркнула чем-то, и - свет потух. Какая нелепая пытка. Войти, войти... Кто бы узнал? <...> Зинина щепетильность: ни за что не отопрет на звон ногтя. Но она знает, что я стою в темной передней и задыхаюсь. Эта запретная комната стала за последние месяцы болезнью, обузой, частью его самого, но раздутой и опечатанной: пневмотораксом ночи.

Особенно выразительны переходы к я в тех случаях, когда эмоциональное напряжение героя приводит к рождению стихов. Текст строится по схеме: он - я - начало стиховой речи (повествование - лирическая речь - стихотворная лирическая речь).

Ему представилась ее радость при чтении статьи о нем, и на мгновение он почувствовал по отношению к самому себе материнскую гордость; мало того: материнская слеза обожгла ему края век. Но что мне внимание при жизни, коли я не уверен в том, что до последней, темнейшей своей зимы, дивясь, как ронсаровская старуха, мир будет вспоминать обо мне? А все-таки! Мне еще далеко до тридцати, а вот сегодня - признан. Признан! Благодарю тебя, отчизна, за чистый... Это, пропев совсем близко, мелькнула лирическая возможность. Благодарю тебя, отчизна, за чистый и какой-то дар. Ты, как безумие... Звук "при-

знан" мне собственно теперь и не нужен: от рифмы вспыхнула жизнь, но рифма сама отпала. Благодарю тебя, Россия, за чистый и ... второе прилагательное я не успел разглядеть при вспышке - а жаль. <...> . Следующий абзац продолжает повествование: Он купил пирожков...

Вот еще один пример текста, построенного по аналогичному принципу:

... и тогда он опять зажег свет, закурил и, лежа навзничь, - натянув до подбородка простыню, а ступни выпростав, как Сократ Антокольского, предался всем требованиям вдохновения. Это был разговор с тысячью собеседников, из которых лишь один настоящий, и этого настоящего надо было ловить и не упускать из слуха. Как мне трудно, и как хорошо... И в разговоре татой ночи сама душа нетататот... безу безумие безочит, тому, тамузыка татот...

Спустя три часа опасного для жизни воодушевления и вслушивания, он, наконец, выяснил все, до последнего слова, завтра можно будет записать.

Смена третьего лица первым сопровождает также переход от внешней канвы событий к особому погружению лирического я в окружающий его мир. Поездка Федора Константиновича в лес описывается в третьем лице, но в том месте рассказа, когда герой входит в лес, его охватывают ощущения, для описания которых уже необходима лирика, речь от первого лица. Снова появляется третье лицо, когда Федор Константинович выходит из состояния растворения в природе:

... Собственное же мое я, то, которое писало книги, любило слова, цвета, игру мысли, Россию, шоколад, Зину, - както разошлось и растворилось, силой света сначала опрозраченное, затем приобщенное ко всему мрению летнего леса, с его атласистой хвоей и райски-зелеными листьями, с его муравьями, ползущими по преображенному, разноцветнейшему сукну пледа, с его птицами, запахами, горячим дыханием крапивы, плотским душком нагретой травы, с его небесной синевой, где высоко-высоко гремел самолет, как бы подернутый синей пылью, синей сущностью тверди: он был синеват, как влажна рыба в воде.

Так можно было раствориться окончательно. Федор Констан-

тинович приподнялся и сел.

Крупные отрезки текста, где рассказ ведется от первого лица, как правило, представляют собой воспоминания о детстве и юности в России. Сначала речь идет о герое, но когда изображаемое становится особенно близким автору, всплывает я, и автор уже говорит от своего имени.

Неожиданные переходы от повествования к лирике, от рассказа о герое к его внутренней речи выражаются также переходом ко второму лицу. Высказывания во втором лице в романе редки, но тем сильнее воздействие этого приема. Например, Федор Константинович думает о литераторе и поэте, который мог бы быть автором рецензии на сборник его стихов: ... человек, каждую новую строчку которого он, презирая себя, брезгливо, поспешно и жадно поглощал в уголку, стараясь самым действием чтения истребить в ней чудо - после чего дня два не мог отделаться ни от прочитанного, ни от чувства своего бессилия и тайной боли, словно в борьбе с другим поранил собственную сокровенную частицу; одинокий, неприятный, близорукий человек, с какой-то неправильностью во взаимном положении лопаток. Но я все прощу, если это ты.

Ему казалось, что он сдерживает шаг...

Некоторые отрывки текста с высказываниями во втором лице, включающими обращение, имеют параллели в лирических стихотворениях В.Набокова. В воспоминаниях об отце:

А что за прелесть была в его речи, в какой-то особой плавности и стройности слога, когда он говорил о своем предмете, какая ласковая точность в движении пальцев, вертящих винт расправилки или микроскопа, какой поистине волшебный мир открывался в его уроках! Да, я знаю, что так не следует писать, - на этих возгласах вглубь не уедешь, - но мое перо еще не привыкло следовать очертаниям его образа, мне самому противны эти вспомогательные завитки. О, не смотри на меня, мое детство, этими большими, испуганными глазами. Ср. в стихотворении "К России":

дорогими слепыми глазами
не смотри на меня, пожалей,

4. Стихи и проза. Три способа включения стихов в текст романа. В романе "Дар" свободно сочетаются и органично переходят друг в друга стихи и проза. Можно отметить три формы вхождения стихов в прозаический текст: 1) с полным сохранением стихотворной формы; 2) с устранением стихотворных строк, то есть со стихами, написанными прозой; 3) с включением в прозаический текст отдельных стихотворных строк, обрывков строки, нескольких строк, словосочетаний, написанных стихотворным размером и под.

Во всех трех случаях стихи фигурируют не как самостоятельный жанр, а как элементы внутренней речи героя романа - поэта. Этот общий контекст - внутренняя речь героя, по своей природе вмещающая разнородные компоненты, - и делает естественными и органичными переходы от прозы к стихам, как это свойственно внутренней речи поэта.

Пример, когда стиховая форма сохраняется, - стихи из сборника, автором которого является герой романа, поэт Федор Константинович Годунов-Чердынцев. В его воображении проносятся стихи из сборника, а также рецензия на сборник неизвестного автора, которую сочиняет сам Федор Константинович, и попутно перед его внутренним взором проходят воспоминания детства, послужившие поводом для этих стихов. Воспоминания, написанные прозой, и воспоминания в стихах не только по содержанию продолжают и дополняют друг друга, но и нередко связаны синтаксически: прозаический текст обрывается и фраза заканчивается в стихотворном тексте. Этот прием передает одновременное присутствие в сознании героя картин детства и стихов из сборника. Например: Это был клоун в атласных шароварах, опиравшийся руками на два беленых бруска и вдруг от нечаянного толчка приходивший в движение

при музыке миниатюрной
с произношением смешным,

позванивавшей где-то под его подмостками, пока он поднимал едва заметными толчками выше и выше ноги в белых чулках <...>

С воспоминаниями и стихами сочетаются и куски воображаемой рецензии: У, какое у автора зрение! Проснувшись спозаранку, он уже знает, каков будет день, по щели в ставне, которая

синеет, синего синей,
почти не уступая в сини
воспоминанию о ней,

и тем же прищуренным глазом он смотрит вечером на поле, одна сторона которого уже забрана тенью, между тем, как другая, дальняя

посередине до опушки
еще как днем освещена
от вала.

Нам даже думается, что может быть именно живопись, а не литература с детства обещалась ему <...>

Стихи, написанные прозой, иногда начинаются с нового абзаца, но чаще появляются внутри абзаца и даже внутри предложения. Стихотворение дается как рождающееся в потоке мыслей героя, но далее сразу принимающее законченную форму. Переход к таким стихам обычно бывает плавным, но может быть неожиданным и резким.

Смысл стихотворения, написанного прозой и включенного в прозаический контекст, усложняется. Стихотворение вступает в смысловой контакт с объемлющим его текстом, становится частью повествования и элементом внутренней речи героя. Поэтому, помимо смысла, заключенного в самом стихотворении, появляется множество контекстных смыслов. Примером может служить блистательный конец романа - его последний абзац. Это самостоятельное стихотворение, оно выделено в отдельную прозаическую строфу. В то же время это продолжение внутренней речи героя. Перед нами не только плод поэтического творчества, но одновременно и его процесс (в этом отношении последний абзац романа символизирует структуру всего романа). Это прощальные строки героя романа и одновременно диалог В.Набокова с А.Пушкиным. Это прощание поэта с читателем, как в романе "Евгений Онегин", отчасти созвучное пушкинскому, но в целом существенно иное. Ниже приводится конец предпоследнего абзаца и далее - последний:

...И все это мы когда-нибудь вспомним, - и липы, и тень на стене, и чьего-то пуделя, стучащего неподстриженными когтями по плитам ночи. И звезду, звезду. А вот площадь и тем-

ная кирка с желтыми часами. А вот, на углу, - дом.

Прощай же, книга! Для видений - отсрочки смертной тоже нет. С колен поднимется Евгений, - но удаляется поэт. И все же слух не может сразу расстаться с музыкой, рассказу дать замереть... судьба сама еще звенит, - и для ума внимательного нет границы - там, где поставил точку я: продленный призрак бытия синеет за чертой страницы, как завтрашние облака, - и не кончается строка.

Третий случай - воспроизведение процесса рождения стихов. Здесь представлен очень широкий диапазон - от наплыва созвучных сочетаний (Как всегда, на грани сознания и сна всякий словесный брак, блестя и звеня, вылез наружу: хрустальный хруст той ночи христианской под хризолитовой звездой <...> Ветер переменился, и пошло на зе: изобразили и бриз из Бразилии, изобразили и ризу грозы...) до появления вполне сложившихся строк. Стихи обычно появляются в середине абзаца. Заметный и резкий переход к стихам происходит тогда, когда повествование о герое внезапно сменяется побудительными или вопросительными высказываниями, обращением ко второму лицу и другими характерными для лирики структурами. Например: Он был исполнен блаженнейшего чувства: это был пульсирующий туман, вдруг начинавший говорить человеческим голосом. Лучше этих мгновений ничего не могло быть на свете. Люби лишь то, что редкостно и мнимо, что крадется окраинами сна <...> . Другой пример: "Уйдите, ради Христа", сказал Федор Константинович и с брезгливой поспешностью повесил трубку. На минуту зашел в ванную, выпил на кухне чашку холодного кофе и ринулся обратно в постель. Как звать тебя? Ты полу-Мнемозина, полу-мерцанье в имени твоем <...>

В других случаях переход к стихам плавный и незаметный. Это достигается, в частности, "переносами" (несовпадением границ предложений и стихотворных строк) при однотипности предложений ("повествовательных") в прозе и в стихах:

Ожидание ее прихода. Она всегда опаздывала - и всегда приходила другой дорогой, чем он. Вот и получилось, что даже Берлин может быть таинственным. Под липовым цветением мигает фонарь. Темно, душисто, тихо. Тень прохожего по тумбе пробе-

гает, как соболь пробегает через пень. За пустырем как персик небо тает: вода в огнях, Венеция сквозит, а улица кончается в Китае, а та звезда над Волгою висит. О поклянись, что веришь в небылицу, что будешь только вымыслу верна, что не запрешь души своей в темницу, не скажешь, руку протянув: стена.

Показаны и этапы создания одного стихотворения, разделенные промежутками времени. Выше приводились примеры смены третьего лица первым при переходе к описанию процесса поэтического творчества (Как мне трудно, и как хорошо... И в разговоре татой ночи сама душа нетататот... безу безумие безочит, тому тамузыка татот). После описания нескольких этапов этого процесса стихотворение дается как уже законченное:

Благодарю тебя, отчизна,
за злую даль благодарю!
Тобою полн, тобой не признан,
Я сам с собою говорю.
И в разговоре каждой ночи
сама душа не разберет,
мое ль безумие бормочет,
твоя ли музыка поет...

В тексте романа "Дар" проза легко переходит в стихи, потому что эта проза ритмична, насыщена гармоничными созвучиями и отличается прозрачностью ритмико-синтаксической структуры. В этом отношении заслуживает внимания рассказ о том, как Федор Константинович, готовясь написать книгу об отце, читает прозу Пушкина: Так он вслушивался в чистейший звук пушкинского камертона - и уже знал, чего именно этот звук от него требует. Спустя недели две после отъезда матери он ей написал про то, что замыслил, что замыслить ему помог прозрачный ритм "Арзрума", и она отвечала так, будто уже знала об этом. <...> В течение всей весны продолжая тренировочный режим, он питался Пушкиным, вдыхал Пушкина, - у пушкинского читателя увеличиваются легкие в объеме. Учась меткости слов и предельной чистоте их сочетания, он доводил прозрачность прозы до ямба и затем преодолевал его, - живым примером служило:

"Не приведи Бог видеть русский бунт
бессмысленный и беспощадный".

Закаляя мускулы музы, он, как с железной палкой, ходил на прогулку с целыми страницами "Пугачева", выученными наизусть.

5. Логико-синтаксическая и смысловая иерархия. Это не значит, что проза в романе "Дар" похожа на пушкинскую прозу. Она искусно сочетает в себе черты пушкинской прозы (исключая стилизованные под других писателей отрезки романа) с некоторыми чертами прозы XX века. Проза Набокова сохраняет пушкинскую прозрачность и легкость, невзирая на значительную длину предложений и их синтаксическую усложненность. Длинные предложения хорошо моделируют непрерывность внутренней речи (как у М.Пруста). В то же время множество придаточных предложений, вводные и вставные конструкции дают возможность автору распределять так, как это ему необходимо, разнородные фрагменты смысла, которые совмещены в едином потоке сознания героя.

Например, для романа характерно контрастное сочетание в тексте разных пластов сознания - поверхностного, заключающего в себе внешнюю канву мысли героя, и глубинного пласта, содержащего нечто самое важное, сокровенное, истинное, то, что автору особенно дорого. При этом парадоксальным образом выражение глубинного чувства, будучи нередко смысловой кульминацией отрывка, занимает синтаксически второстепенную позицию, отведенную для дополнительных сообщений (придаточные предложения, вставные предложения в скобках). Этот парадоксальный прием имеет, однако, очень важную функцию - он передает раздвоенный поток сознания, поверхностное и глубинное его течение. При этом сглаживается неравноправие частей сложного предложения с его логико-синтаксической иерархией, которая таким путем разрушается. Значимость синтаксических позиций становится подвижной - в соответствии с подвижностью пластов в двойном потоке сознания.

Такой прием, когда важное по смыслу сообщение занимает синтаксически второстепенную позицию, позволяет выразить глубинное чувство крайне сдержанным образом, как бы вскользь, между прочим. Такова, например, роль скобок в следующем отрывке:

Мне кажется, что при ходьбе я буду издавать нечто вроде стона, в тон столбам. Когда дойду до тех мест, где я вырос,

и увижу то-то и то-то - или же, вследствие пожара, перестройки, вырубки, нерадивости природы, не увижу ни того, ни этого (но все-таки кое-что, бесконечно и непоколебимо верное мне, разгляжу - хотя бы потому, что глаза у меня все-таки сделаны из того же, что тамошняя серость, светлость, сырость), то, после всех волнений, я испытаю какую-то удовлетворенность страдания - на перевале, быть может, к счастью, о котором мне знать рано (только и знаю, что оно будет с пером в руке).

Центральные по смыслу высказывания здесь занимают синтаксически периферийные места: они заключены в скобки и находятся в составе придаточных предложений. Но общий ритм отрывка выравнивает его части в смысловых правах. Надо заметить, что нарушение логико-синтаксической иерархии характерно для стихотворной речи, где главным фактором становится ритм, позиция в стихе, а не синтаксическая позиция. Строя прозу таким же образом, Набоков приближает ее к стихам.

6. Взаимодействие поэта и мира. Позиция поэта и тропы. К числу парадоксальных отношений в романе, рождающих контрастные сочетания, принадлежит взаимодействие поэта и воспринимаемого поэтом мира, соотношение признаков, которыми наделен мир, и признаков, присущих поэту, герою романа. Противостояние поэта и мира предельно ослаблено, сглажено. Оно ослаблено тем, что поэт крайне пассивен, а мир, напротив, активен - он обладает чувствами, волей, склонностью к творчеству и театральной игре.

Мир активен не только сам по себе, но прежде всего по отношению к поэту. Человек и мир меняются признаками. Не герой остается верен природе, окружавшей его в детстве, но эта природа остается верна герою: "все-таки кое-что бесконечно и непоколебимо верное мне, разгляжу". Герой не смотрит на вещи, а ощущает "невозможность жить на глазах у совершенно чужих вещей". Предметы испытывают по отношению к герою разнообразные чувства и по своей инициативе вступают с ним в контакт: толпа книг, пришедших поздравить; Он шел по улицам, которые давно успели втереться ему в знакомство, - мало того, рассчитывали на любовь; недоброжелательный шкап; погасшие дома уходили не глядя, кто пятясь, кто боком, в бурое небо берлинской ночи;

Улица была отзывчива и совершенно пуста; Танненбергскую улицу он узнал ближе, и она выдала ему все свои лучшие тайны; он <...> повернулся к терпеливо ожидавшей лампе; я шел по нашей преданно и даже льстиво шелестевшей аллее к темному дому.

Между поэтом и явлениями мира происходит постоянный обмен мыслями, собеседование: запах, отказавшийся в последнюю секунду сообщить воспоминание, о котором был готов, казалось, завопить, да так на углу и оставшийся - самой за себя заскочившею тайной; Поодаль нас ожидал открытый автомобиль, пунцовый снутри и снаружи: идея скорости уже дала наклон его рулю (меня поймут приморские деревья); Он прикрыл раму, но через минуту ночь сказала; "Нет", - и с какой-то широкоглазой назойливостью, презирая удары, подступила опять.

Мир раскрывает себя поэту. Он развертывает перед героем свою красоту и свою обыденную жизнь. Улицы, дома, деревья и разные предметы часто ведут себя как на сцене: Деревья в саду изображали собственные призраки, и получалось это бесконечно талантливо; Ливень перестал. Страшно просто, без всякого пафоса или штук зажглись все фонари; Липы проделали все свои сложные, сорные, душистые, неряшливые метаморфозы; понять, что скрывается за всем этим, за игрой, за блеском, за жирным, зеленым гримом листвы?

Вещам свойственны позы, жесты, игра, вообще поведение, рассчитанное на чье-то восприятие (конечно, восприятие поэта): раздражительное притворство кариатиды, приживалки - а не подпоры, - которую и меньшее бремя обратило бы тут же в штукатурный прах; Дальше, на болотце, запросто цвела ночная фиалка; дорожка, от которой остался только жест поворота; Оглянулась и замерла перед нами маленькая продолговатая комната; и мучительно прикидываясь сосудами уюта, горели синие гномы ламп на шести-семи столиках; к озеру опускались грубо-песчаные скаты в заплатах стоптанной травы и в различных по положении солнца наплывах пегой тени от буков и сосен, несдержанно сошедших вниз; Но самое озеро с ярко-зелеными куполами деревьев на той стороне и солнечной рябью посередине, держалось с достоинством.

Природа, городские пространства и предметы предстают в восприятии героя романа как результат чьего-то творчества, и

потому они часто наделяются признаками произведений искусства. Герой чувствует ритм улицы и размышляет о том, что "можно вывести средний ритм для улиц данного города". Еще несколько примеров: В омытом небе, сияя всеми подробностями чудовищно-сложной лепки, из-за вороного облака выпрастывалось облако упоительной белизны; Из-за этих бурь поверхность земли изменилась невероятно, представляя диковинные очертания каких-то замков, колоннад, лестниц; Или же ураган выдувал котловину, - словно тут, в этой пустыне, еще действовали сгоряча стихийные силы, лепившие мир; Все склоны были затканы анемонами, примулой; приемы сновидения; Газеты определили молодое еще лето, как исключительно жаркое, и действительно - это было длинное многоточие прекрасных дней, прерываемое изредка междометием грозы.

Активно проявляют себя и абстрактные сущности: Должно быть, я находился еще в блаженном состоянии, когда любая странность, как полубог, сходит к нам, чтобы неузнанной смешаться с воскресной толпой"; Неужели действительно он все понял в них, понял, что кроме пресловутой "живописности" есть в них еще тот особый поэтический смысл (когда за разум зашедший ум возвращается с музыкой), который один выводит стихи в люди?; на вокзалах вооружение времени особенно внушительно; Звон длился, длился, с небольшими перерывами для перевода дыхания.

Даже тогда, когда окружающий мир не взаимодействует с героем непосредственно, картины этого мира даются в таком ракурсе, который предполагает внимательный и острый глаз наблюдателя. Взгляду поэта, сосредоточенному на восприятии вещей, открываются такие их проявления и свойства, которые при более поверхностном отношении остаются незамеченными. Необычность образов - лишь результат остроты зрения, его незаурядности, способности увидеть больше.

Образы, строящиеся на активности природы, предметов, абстрактных сущностей, передают мир в его реальной живой подвижности: Аллея на ночь возвратилась из парка, и выход затянулся мглой; но судя по свету, день, собравшись в путь, присел с домочадцами и задумался; Сирень же долго не распускалась; когда же решилась, то в одну ночь <...> рыхлой рос-

кошью окружила сад; А еще выше, над моим запрокинутым лицом, верхи и стволы сосен сложно обменивались тенями; Солнце разнообразно озаряло противоположные скаты, и, когда от наплыва облака воздух смежался, как великое синее веко, и медленно прозревал опять, один берег всегда отставал от другого, в порядке постепенного потухания и просветления; Он встал, шагнул - и немедленно легкая лапа лиственной тени легла ему на левое плечо, но соскользнула при следующем шаге; и по мере усиления или обмирания света все тени в лесу дышали, то припадая грудью к земле, то приподымаясь на руках.

Сверхзоркость поэта рождает метафоры, запечатлевающие мгновенное состояние мира и одновременно - мгновенное состояние воспринимающего этот мир сознания (и то и другое передается читателю). Необычайная насыщенность мгновения способна вызывать ощущение "странности жизни", "странности ее волшебства" - чувство, которое часто охватывает героя романа.

В образах, основанных на оживлении мира, В.Набоков воплотил одну из характерных тенденций искусства XX века - стремление раздвинуть границы обычного восприятия, глубже проникнуть в суть вещей, приблизить видение поэта к собственной жизни мира, протекающей независимо от человека. Ср. взгляд поэта у Рильке ("За книгой"):

И если я от книги подыму
Глаза и за окно уставлюсь взглядом,
Как будет близко все, как станет рядом,
Сродни и впору сердцу моему!

Но надо глубже вжиться в полутьму
И глаз приноровить к ночным громадам.
(пер. Б.Пастернака).

Это стремление достигается вчувствованием, вживанием, вслушиванием, такой позицией, которая дает возможность поэту поддаваться живому воздействию вещей, наплыву окружающего мира. Ср. образ искусства как губки у Б.Пастернака (искусство "должно всасывать и насыщаться").

Передать такое восприятие можно лишь в образах, в частности, в метафорах, оживляющих мир. Мир, оживая, приближает к себе поэта, в большей степени заполняет внутреннее простран-

ство его сознания. Образ живого мира - это внутренняя действительность поэта. Стремление воплотить эту внутреннюю действительность ведет в поэзии XX века к развитию оживляющих мир метафор и усилению их индивидуальности. В образах романа "Дар" ослабление оппозиции "одушевленное" - "неодушевленное" входит как составная часть в общую цепь приемов, направленных к ослаблению различий между внешней и внутренней действительностью.

В характере тропов в романе воплощаются те же общие принципы, что и в других приемах. Это принципы, которые восходят к особенностям восприятия мира героем романа. В.Набоков обладает высочайшим искусством останавливать ускользающие мгновения. В романе изображаются иллюзорные картины, возникающие в первый момент восприятия. Образ строится на том, что иллюзия отождествляется с реальностью, как это и происходит в действительности, когда человек принимает одно за другое. Мгновенная иллюзия объективируется в образ: Некоторое время он стоял у окна: небо было простоквашей; но он ограничился сияющей улыбкой и чуть не упал на тигровые полоски, не поспевшие за отскочившим котом; дорога спускалась в ложбинку, собрав в этом месте все свои колеи в продолговатую выбоину, до краев налитую густым кофе со сливками. Легко заметить, что в подобных образах, отождествляющих иллюзию с реальностью, проявляется та же тенденция, что и в композиционных приемах, описанных выше, когда воображаемое или иллюзорное дается как деталь внешней действительности.

Таким образом, одни и те же общие установки поэта, связанные с характером восприятия мира, воплощаются в художественных приемах, относящихся к разным уровням структуры текста.

С необычностью и остротой восприятия связана также синэстезия, рождающая сочетания "несочетаемого". Звуки имеют зрительно воспринимаемые признаки - цвет, форму, очертания и др.: опять собирается свежая нежная тишина с мельчайшим отверстием для пения жаворонка; Голоса были схожи, оба смуглые и гладкие; "Неслыханное бесстыдство", - комментировал чей-то толстый голос сзади; раздавался противно-плоский стук выбиваемых ковров. Запахи имеют цвет и другие зрительно воспринимаемые при-

знаки: Ему был как раз невыносим этот мутный, сладковато-бурый запах; и когда дальше он проходил садами, наплывали привидения сиреней, темнота зелени, чудные голые запахи, стлавшиеся по газону; Какая луна, как черно пахнет листьями и землей из-за этих решоток. Зрительно воспринимаемые предметы имеют вкус: все могло быть этой мелочью: цвет дома, например, сразу отзывавшийся во рту неприятным овсяным вкусом, а то и халвой; нежный, бледный старик, на вкус напоминавший яблочную пастилу. Абстрактные сущности могут иметь цвет: Вы, поди, полунощник, и не мне, стать, учить вас черному очарованию каменных прогулок.

7. Заключение. Традиции и новаторство (главный контраст в романе "Дар"). Анализ показывает, что контрасты, связанные со столкновением и переплетением внутренней и внешней действительности, осуществляются преимущественно на уровне композиции, на уровне "сложного синтаксического целого" (на "сверхсинтаксическом" уровне), в области тропики и семантической сочетаемости. Но они не затрагивают синтаксиса, "синтаксического течения речи", ее ритмического и звукового строя. Это служит источником еще одного контраста в романе, придающего ему неповторимое своеобразие.

Своеобразие романа, "индивидуальное очарование" проявившегося в нем гения В.Набокова (выражение В.Набокова) состоит в сочетании классического начала, пушкинской традиции (стройности синтаксиса, смысловой прозрачности, "точности" поэтического слова и др. - см. выше) с новаторскими тенденциями искусства XX века: сочетанием несочетаемого, ломкой традиционных канонов и границ. Автор с большим мастерством сочетает классический тип искусства, где мысль, чувство и восприятие представлены не в их спонтанном течении, но в логически завершенном виде, не как процесс, а как результат, - и новаторский тип искусства, где ярко выражено стремление представить мысль, чувство и восприятие в их стихийном возникновении и течении, как процесс, как "поток сознания".

Сохраняя верность традиции, ученичеству у Пушкина, Набоков в то же время глубоко воспринял и воплотил эту новую познавательную и художественную установку искусства XX века. Но

Набоков это делает не путем имитации спонтанных черт внутренней речи (повышенная эллиптичность, рваный синтаксис, затемнение синтаксической и смысловой структуры, ежесекундная смена модальных планов и коммуникативной направленности и др.), а при помощи "изумительной системы чар и уловок", действующих в сфере композиции, "сверхсинтаксиса", семантической сочетаемости и тропики. Особенности "потока сознания" реализуются на таких уровнях художественной структуры, которые позволяют избежать ломки синтаксиса и ритма классической прозы (а в этой области Набоков - редкий мастер). Там, где нарушается строгая логичность синтаксиса, усиливается строгость ритма. Из ритмического контекста не выпадает ни одна фраза и ни одно слово.

По существу, Набоков создает лишь иллюзию спонтанного зарождения и протекания мысли. При описании внутреннего мира героя результат искусной художественной обработки представлен как стихийный процесс.

В романе "Дар" контрастно и парадоксально сочетаются логическая завершенность, предстающая как результат высокого художественного мастерства, изощренной художественной отделки текста, и искусно построенный образ естественного течения мыслей, чувств, впечатлений героя романа, образ поэтического творчества и т.д. В этом контрасте, проходящем через весь роман, в полной мере проявилось "чародейство" писателя. Как было показано выше, в романе взаимодействуют на равных началах картины внутренней и внешней реальности, лирика и повествование, стихи и проза, поэт и мир, уравниваются в потенциальной смысловой значимости разные синтаксические позиции. Так же умело и остроумно сопряжены в романе, с необходимостью дополняя друг друга, черты традиции и новаторства.

ЛИТЕРАТУРА

Левин 1981 - Левин Ю.И. Об особенностях повествовательной структуры и образного строя романа В.Набокова Дар. **Russian Literature, IX - 11 1981.**

Лихачев 1989 - Лихачев Д. О Джойсе. Иностранная литература, 1989, I.

Н.А.Кожевникова

СЛОВО В ПРОЗЕ А.ПЛАТОНОВА

Хотя язык Платонова явно отличен от языка его современников, он имеет и точки соприкосновения с ним. В нем своеобразно воплотились поиски нового языка, под знаком которых прошло начало и двадцатые годы XX в. В это время популярной была идея затрудненной формы, которая вызвала к жизни заумный язык, словотворчество. Наиболее влиятельной в это время была орнаментальная проза, многие писатели 20-х гг. переболели Андреем Белым. Своеобразие орнаментальной прозы обусловлено нагнетением разнотипных тропов и развитием лейтмотивов. Отголоски словоупотребления, характерного для прозы начала XX в. и, в частности, орнаментальной прозы, есть и в прозе А.Платонова.

Некоторые сочетания платоновского повествования отсылают к поэзии и прозе начала века. Это:

1) синэстетические сочетания: душная тишина хаты; теплая тишина тьмы; прохладная прозрачность; звон белого солнца ("Чевенгур"), в частности, необычные сочетания с цветовыми прилагательными: чистые, голубые, радостные они видел он ("Потомки солнца"), синяя тишина ("Сокровенный человек"), черная тишина ("Чевенгур"), серый покой тихой комнаты ("Город Градов"), синее лето ("Котлован"),

2) сочетание метафоры и метонимии признака: На дальнем горизонте, почти на небе, блестела серебряной фантазией резкая живая полоса, как снег на горе ("Епифанские шлюзы"), Дерево... берегло зеленую страсть листвы на больных ветках; Он шел среди серой грусти облачного дня ("Чевенгур"),

3) отвлечение эпитета; отвлеченные существительные на -ние, -ость, вытеснившие атрибутивные сочетания: у обоих была чернота волос и жалостность в теле; Захару Павловичу досталась пустота двух комнат; Над пустынной бесприютностью степи восходило вчерашнее утомленное солнце; солнце восходило над скудостью страны ("Чевенгур"),

4) качественные наречия, которые соотносятся не только с глаголом, но и с существительным: Вечерние тучи немощно, истощен-

но висели ("Чевенгур"), Мухи... усердно питаясь, сыто летали среди снега, нисколько не остужаясь от него ("Котлован"),
5) необычное употребление творительного падежа, при котором он обозначает реальный субъект действия. Творительный падеж обозначает часть целого: К ней (избушке) подходила девушка и маячила в синем сумраке красноватой юбкой ("Маркун"), ...глубоко в землю вонзались фундаментами тяжкие корпуса заводов ("Потомки солнца"), Кондаев гремел породистыми, длинно отросшими руками; Прокофий обернулся своим умным надежным лицом ("Чевенгур"),
6) сочетания, основанные на звуковой близости: отстраняя порочную книгу прочь; котел еще катился по степи; торопимый общим терпением; простые пространства; в пустом и постном Чевенгуре; крестьянские кресты; семя размножения, чтобы новые люди стали семейством; под нужды семи семейств; с именами собственными: Про Дванова все забыли, и он двинулся пешком на Лиски ("Чевенгур").

С орнаментальной прозой сближают прозу Платонова некоторые типы метафор: генитивные метафоры (парус революции, трюм одиночества, утюг труда, сюртук скуки), развернутые метафоры.

Использование некоторых устойчивых образов отсылает к литературной традиции: Небо сияло голубым дном, как чаша, выпитая жадными устами ("Ямская слобода"), ...его мысль исчезла от поворота сознания во сне, как птица с тронувшегося колеса; ... сердце сдало, замедлилось, хлопнуло и закрылось, но - уже пустое. Оно слишком широко открывалось и нечаянно выпустило свою единственную птицу ("Чевенгур"). К традиции отсылает и передача чувств и внутренних состояний и т.п. через образы огня, воды, цветения, в частности, глагольные метафоры такого характера, которые употребляются и в ранней, и в поздней прозе А.Платонова: В нем всегда горела энергия; сердце горело любовью; В нем цвела душа ("Потомки солнца"), во мне мгновенно сгорела душа ("В прекрасном и яростном мире").

С творчеством предшественников и современников связывает Платонова не только характер отдельных тропов, но и способы их возникновения и использования в тексте. Как и у других писателей XIX-XX вв., источник метафор и сравнений у Платонова - реалии изображаемого мира: Ночь ушла как блестящая кавалерия,

на землю вступила пехота трудного походного дня ("Чевенгур"). Развернутый троп в повести "Сокровенный человек": Как почтовый чиновник, он не принимал от природы писем в личные руки, а складывал их в темный ящик обросшего забвением сердца, который редко отворяют - опирается на конкретную ситуацию: Целую ночь он отдыхал от творчества, а утром пошел на почту сдавать письмо. - Брось в ящик! - сказал чиновник, - У тебя простое письмо. Реалии изображаемого мира - источник сквозных образов, связывающих разные планы изображения (озеро, сирота в романе "Чевенгур").

Традиционные образы и приемы словоупотребления, имеющие соответствия у предшественников и современников Платонова, оказываются у него в необычном окружении. Например, традиционное сравнение моря с зеркалом оказывается рядом с типично платоновским оборотом: для загляденья: ... море уже было не то. Спокойное зеркало его, созданное для загляденья неба, в тихом исступлении смешало отраженные видения ("Сокровенный человек"), ср. предавался загляденью на них ("Чевенгур"). В специфически платоновское окружение попадают и другие рассмотренные приемы, например, отвлечение эпитета: с высоты крыльца он видел лунную чистоту дадекого масштаба, печальность замершего света и покорный сон всего мира, на устройство которого пошло столько труда и мученья, что всеми забыто, чтобы не знать страха жить дальше ("Котлован").

Затрудненная форма у Платонова имеет иной характер и иное происхождение, нежели у его современников. Платонов почти не обращается к диалекту, к новообразованиям; из устаревших слов его устойчивое внимание привлекает слово забвенный (забытый), которое включается в разнообразные сочетания: вспоминал одни забвенные, бесполезные события; забвенная страна, забвенное дерьмо, забвенная трава.

В основе повествования Платонова лежит книжная речь, неоднородная и многосоставная. Она вбирает в себя множество отвлеченных существительных. Отвлеченные существительные входят в состав многочисленных генитивных конструкций, в частности, конструкций, при помощи которых рисуется внутренний мир человека: тоска тщетности, с терпением любопытства, с трепетом опасности, робость уважения, с удовольствием уничтожения, в

слабости изнеможения ("Котлован"). Отвлеченные существительные в разных конструкциях вытесняют слова других частей речи. Это и конструкции с отвлечением эпитета, о которых уже шла речь, и конструкции, в которых отвлеченные существительные вытесняют глагол: А над ними было высокое стояние ночных облаков... ("Чевенгур").

Именно внутри книжной речи, в которой нет места для оговорок, обмолвок, происходят разнообразные деформации, создающие эффект странности. Новый язык Платонова возникает в результате перестройки литературного языка и нормативного повествования, в результате смещения привычных языковых связей и на их фоне. Для Платонова характерна непредсказуемость соседнего слова, особенность, которую хорошо знают машинистки. Разные словосочетания Платонова в разной степени удалены от своих языковых прототипов.

Необычные сочетания - результат свертывания словосочетаний и предложений: имущественный сундучок ("Котлован"), сонное место; Когда Саше надоедало ходить на работу, он успокаивал себя ветром, который дул день и ночь ("Чевенгур"). Придаточному предложению соответствует оборот с отвлеченным существительным: Наконец поезд уехал, постреливая в воздух - для испуга жадных до транспорта мешочников ("Сокровенный человек"), Копенкин... прошиб стекло - для лучшего наблюдения Розы; приоткрыл рот для лучшего слуха ("Чевенгур").

Противоположный процесс - развертывание сочетаний, в результате чего возникают тавтологические сочетания: Козлов и сам умел думать мысли; Должно быть, он постоянно забывал помнить про самого себя и про свои заботы ("Котлован"), летний день стал смутным, тяжким и вредоносным для зрения глаз ("Мусорный ветер"), ... они превратились в других людей - они выросли от возраста и поумнели ("Река Потудань"). Обращает на себя внимание повторяемость некоторых моделей: Чепурный ничего не думал в уме ("Чевенгур"), Филат работал спешно во всяком деле ("Ямская слобода"), душа ее жила в жизни ("Такыр").

Некоторые слова и обороты в прозе Платонова на первый взгляд представляются избыточными. На самом деле эти слова меняют масштаб изображения, придавая подчеркнутую значительность бытовым фактам: Сквозь сумрачную вечернюю осень падал дождь,

будто редкие слезы, на деревенское кладбище родины ("Чевенгур"). Избыточные на первый взгляд союзы и предлоги потому что, чтобы, для, от, "объясняющие, мотивирующие и растягивающие"речь, как писал С.Г.Бочаров, "сверх своего ближайшего значения... строят картину мира, имеющего назначение, проникнутого целесообразностью и осмысленностью" (Бочаров 1971, 348).

Изменяются синтаксические отношения между словами: из носа и глаз точилась непроизвольная влага; он опечалился глазами; собаки взвыли голосами тревоги; Дуло от утреннего ветра ("Чевенгур"). Необычные сочетания возникают в результате контаминации: Дотронулся руками к костяному своему лицу; и ему было тоскливо и задумчиво ("Котлован").

Множество необычных сочетаний возникает в результате замены одного слова другим. Наиболее отчетливы связи исходного и нового тогда, когда слово заменено однокоренным словом: дефективная граната (дефектная), нелюдимая ночь (безлюдная) ("Чевенгур"), Чиклин сказал, что овраг - это более чем пополам готовый котлован (наполовину); вглядывался в чуждые и знакомые глупые лица (чужие); Краткое тело Жачева (короткое), Чиклин снял с себя всю верхнюю одежду, кроме того отобрал ватные пиджаки у Жачева и активиста и всем этим теплым веществом закутал Настю (вещами) ("Котлован"). Обычное и необычное сочетание такого типа употребляются одновременно: голосовать напротив - голосовала против ("Чевенгур").

Слово заменено синонимом, частичным синонимом, словом, семантически близким: Машинист и Пухов пили и жевали все напролом (подряд); Крыша вокзала гремела железами, отстегнутыми ветром (оторванными) ("Сокровенный человек"). В нем поднялась едкая теплота позора за взрослых (стыда); как внезапного врага (неожиданного); многих прочих (других); жить в прошлых храмах (бывших); босое место (голое) ("Чевенгур"), рябой по названию Петр (по имени) ("Усомнившийся Макар"), ... томимый своей последовательной тоской (постоянной) ("Котлован").

Замены такого рода распространяются не только на отдельные словосочетания, но и на целые гнезда слов. Вместо старческий используется слово старый: спросил старый голос прибывшего человека ("Чевенгур"), вместо старый - старческий: смирная старческая деревня; старческие, терпеливые плетни ("Котлован"),

устаревший: у него заболело сердце от вида устаревших, небольших домов ("Река Потудань"), вместо ветхость – старость: От зноя не только растения, но даже хаты и колья в плетнях быстро приходили в старость; ... поднималось солнце и в скорое время превращало всю землю и деревню в старость, в запекающуюся сухую злобу людей ("Чевенгур"), вместо ветошь – ветхость: Эта истершаяся терпеливая ветхость некогда касалась батрацкой, кровной плоти... ("Котлован"). Сочетания с подобными словами могут иметь метафорический характер: туманная старость природы; Теперь же воздух ветхости и прощальной памяти стоял над потухшей пекарней и постаревшими яблоневыми садами ("Котлован"), Прошел день, ночь, и новый день уже постарел ("Ямская слобода"). Некоторые необычные сочетания заполняют клетки, оставленные в языке пустыми. Сочетания старый голос, пожилой голос воспринимаются на фоне сочетаний старческий голос, молодой голос.

Тяготение к отвлеченному (Свительский 1970) обусловливает своеобразные отношения между родовыми и видовыми обозначениями. Видовое и родовое обозначения сосуществуют. Между ними, как и в языке, существуют отношения включения: в излишних растениях – лопухах и репьях ("Ямская слобода"), на них росла непышная растительность: худая, изящная береза и скорбящая певучая осина ("Епифанские шлюзы"), Редкие птицы взлетали над пустырями и сейчас же садились над своей пищей – осыпавшимися, пропавшими зернами ("Чевенгур"), дерево – деревянное растение ("Мусорный ветер"). Родовое и видовое обозначения используются и как синонимы: Молотобоец попробовал мальчишку за ухо, и тот вскочил с горшка, а медведь, не зная, что это такое, сам сел для пробы на низкую посуду; Обыкновенно он приезжал верхом на коне, так как экипаж продал в эпоху режима экономии, и теперь наблюдал со спины животного великое рытье ("Котлован"). Кроме того, родовое и видовое обозначения объединяются в рамках однородных членов: с разными девушками и людьми; Почти все девушки и все растущее поколение с утра уходили в избу=читальню; Стороною шли девушки и юношество в избу=читальню ("Котлован").

Нейтральное обозначение человека или людей заменяется синекдохой; используются собирательные существительные; Явив-

шись, он молча сел и начал листовать разумные бумаги. Сослуживцы дико смотрели на ковое молчаливое начальство... ("Город Градов"), Кулачество глядело с плота в одну сторону - на Качева...; Колхоз, не прекращая топчущейся, тяжкой пляски, тоже постепенно запел слабым голосом; Колхоз непоколебимо спал на Оргдворе ("Котлован"). Повторяясь, слова такого типа связывают речь автора и речь персонажа: - Так ты, Прош, спи, а я к пролетариату схожу, - с робостью сказал Чепурный. ... Тогда Чепурный ... пошел на тот край Чевенгура, против которого был курган, где спал пеший пролетариат ("Чевенгур").

Отвлеченные существительные, обозначающие в общем языке состояния, начинают обозначать совокупность вещей: Он собрал по деревне все нищие, отвергнутые предметы, всю мелочь безвестности и всякое беспамятство ("Котлован").

Одна из распространенных разновидностей замещения - вытеснение общеупотребительного слова книжным, канцелярским: На стенах вокзала висела мануфактура с агитационными словами ("Сокровенный человек"), вывеска с полусмытыми атмосферными осадками надписями; Ночь допевала свои последние часы над лесным Биттермановским массивом ("Чевенгур"), Чиклин тоже пошел за трудящимися; У лампы сидел активист за умственным трудом ("Котлован"). Такие замены характерны и для речи персонажей: "Не буди население, завтра питание возьмешь" ("Чевенгур"), - Здравствуй, товарищ актив! - сказали они все сразу. - Привет кадру! - ответил задумчиво активист... ("Котлован").

Из ряда возможных обозначений выбирается, так сказать, наиболее ученое. Для этих же целей слово заменяется описательным оборотом, который содержит слово того же корня: вместо готовность - готовое настроение: ... ближние же ко крыльцу глядели на руководящего человека со всем желанием в неморгающих глазах, чтобы он видел их готовое настроение ("Котлован"), вместо проницательно - с проницательным сознанием: Активист улыбнулся с проницательным сознанием ("Котлован"). И, напротив, канцеляризмы вытесняют описательные обороты: они увидели там отсутствие людей ("Усомнившийся Макар").

Таким образом, новые сочетания строятся так, что напоминают в большей или меньшей степени об исходных. Рассмотренные приемы взаимодействуют друг с другом и образуют разные типы кон-

текстов, которые отличаются друг от друга концентрацией необычных сочетаний. Количество необычных сочетаний в прозе Платонова постепенно нарастает. Их концентрация особенно велика в "Сокровенном человеке", "Котловане", "Чевенгуре", "Ювенильном море". В более поздних вещах она идет на убыль.

А.Платонов опирается не только на определенные словосочетания и модели, но и на общеязыковые закономерности, которые приобретают у него необычный вид. Уже в ранних произведениях определяется пристрастие писателя к антропоморфным метафорам. На ранних метафорах лежит явная печать традиции: Он лежал у окна и смотрел в небо на улыбающиеся звезды, на затаившуюся ждущую ночь ("Маркун"). И вечер, кроткий и ласковый, близко приникал к домам... ("Потомки солнца"). Позже эта печать стирается, и антропоморфные метафоры Платонова приобретают необычный характер: хилое, потеплевшее небо ("Сокровенный человек"), Звезды увлеченно светились, но каждая - в одиночестве ("Чевенгур").

Отвлеченные понятия овеществляются. Некоторые из них приобретают вещественные соответствия, имеющие параллели у других писателей: Резким рубящим лезвием влепилась догадка в мозг Перри... ("Епифанские шлюзы"). Отвлеченные существительные черпаются из необычного круга слов: это общественно-политическая терминология (революция, социализм, коммунизм): Черты его личности уже стерлись о революцию ("Чевенгур"). Необычны и вещественные существительные, прежде всего слово вещество, которое входит в разные сочетания: вещество существования, вещество пользы, вещество жизни; ср.: ...ни разу Захар Павлович не ощутил времени, как встречной твердой вещи; Он увидел, что время - это движение горя и такой же ощутительный предмет, как любое вещество, хотя бы и негодное в отделку; горе во мне живет, как вещество ("Чевенгур"). Характерные для Платонова слова ум, память, обозначения чувств сочетаются с глаголами конкретного действия: Шеев... усердно пробираясь сквозь собственную память ("Чевенгур"), Поп сложил горечь себе в сердце и охотно ответил ("Котлован").

Рассмотренные приемы распространяются и на еще один источник языка Платонова - публицистическую и канцелярско-деловую фразеологию. В прямом или деформированном виде она перено-

сится и в речь повествователя, и в речь персонажа. В литературе 20-х гг. определилось два отношения к этой фразеологии – ироническое и серьезное. И то и другое отражено в произведениях Платонова. Для персонажа использование канцелярских и публицистических формул – это движение от его исконного языка к новому, газетно-деловому. Газетная, деловая фразеология были насаждаемы как авторитетное слово, и приобщение к ним – осознается как приобщение к культуре. Освоение нового чужого языка – одна из тем не только Платонова, но и других писателей 20-х гг. Разнообразные искажения и контаминации, которые возникали при этом, – естественное следствие "борьбы с языком и борьбы за язык, как характеризовал этот процесс Л.Я.Боровой (Боровой 1966). Платонов фиксирует рождение мысли из чужих слов: ...в руках стихийного единоличника и козел есть рычаг капитализма ("Котлован"). Общественно-политическая терминология становится основой тропов: Чепурный, наблюдая заросшую степь, всегда говорил, что она тоже теперь есть интернационал злаков и цветов... ("Чевенгур"). В то же время газетные метафоры понимаются буквально, возрождается их вещественная основа: Чтобы текущие события не утекли напрасно; момент, а течет, представить нельзя; ...где бы он мог строить социализм ручным способом и смог бы довести его до видимости всем ("Чевенгур"), Значит, вы не столб со столбовой дороги в социализм?! ("Котлован").

Существующие в языке системные отношения в прозе Платонова перестраиваются. Сочетаемость некоторых слов расширяется. Слова с ограниченной сочетаемостью приобретают более широкую: Но Петр держал свое размышление вперед, не отлучаясь ни на что ("Усомнившийся Макар"), не отлучаясь взором от работавшего воробья ("Чевенгур"). Слова с ограниченной сочетаемостью вытесняют слова с более широкой сочетаемостью. Например, вместо слова чистый употребляется слово чистоплотный: чистоплотные лица святых ("Котлован"), чистоплотные руки ("Чевенгур"), лица у всех чистоплотные, несколько новых чистоплотных домов ("Усомнившийся Макар"), соответственно вместо грязный – слово нечистоплотный: нечистоплотный волос ("Ямская слобода").

Слова с ограниченной сочетаемостью употребляются и в обычных для них контекстах, и в необычных. Слово порожний исполь-

зуется, с одной стороны, в сочетаниях: молочные банки... они порожние, их выпили – он попал на порожнюю цистерну ("Усомнившийся Макар"), с другой стороны, в сочетаниях с существительными, с которыми обычно сочетается прилагательное пустой: порожняя комната, порожнее место, порожняя земля, порожняя степь, порожняя голова.

Сочетаемость синонимов в известной степени выравнивается. Синонимы употребляются одновременно, по отношению к одному и тому же предмету речи: Ни один мешочник в порожний длинный поезд так и не попал. ... – А он же порожняком, – все едино – лупить будет! – спорили худые мужики. – Командарму пустой поезд полагается по приказу! – объясняли красноармейцы из охраны ("Сокровенный человек"), солнце освещало всю порожнюю степь, где не было пока никакого противника – собака все время молчала перед пустой степью; безлюдный Чевенгур, тихий и пустой, страшный – в Чевенгуре ведь тоже приятно! – Город порожний ("Чевенгур"). Слова пустой и порожний характеризуют и внутреннюю жизнь человека: Сколько он ни читал и ни думал, всегда у него внутри оставалось какое-то порожнее место – та пустота, сквозь которую тревожным ветром проходит неописанный и нерассказанный мир ("Чевенгур"). Сочетаемость слова пустой в свою очередь расширяется, так что слово превращается в универсальную характеристику: пустая бомба, пустая свобода, пустые остановившиеся ноги, пустое время, пустой погребенный мир, пустое сердце, свободные и пустые сердцем и т.п.

Ряд общеупотребительных сочетаний со словом пустой переосмысливается – умная голова, только руки пустые; А я не думаю, товарищ Чумовой. Я человек пустой ("Усомнившийся Макар"), Большевик должен иметь пустое сердце, чтобы туда все могло поместиться ("Чевенгур"). В необычные сочетания включается прилагательное опорожненный: неясная луна выявилась на дальнем небе, опорожненном от вихрей и туч, на небе, которое было так пустынно, что допускало вечную свободу... ("Котлован"), опустошенный: В природе отходил в вечер опустошенный летний день ("Котлован"), пустопорожний: пустопорожнее место ("Котлован").

Языковые антонимы перераспределяются так, что возникают новые пары. Два соотнесенных отрывка из романа "Чевенгур" со-

держат две пары языковых антонимов: мелкий – крупный, маленький – огромный, но отношения между ними перестроены: мелкий – огромный, маленький – крупный: Прошка уходил все дальше, и все жалостней становилось его мелкое тело в окружении улегшейся огромной природы – Захар Павлович никак не мог забыть маленького худого тела Прошки, бредущего по линии в даль, загроможденную крупной, будто обвалившейся природой. Более сложная картина – в рассказе "Усомнившийся Макар", где языковое противопоставлени умный – глупый имеет несколько соответствий. У одного из героев умная голова, только руки пустые – у другого была, по заключению товарища Чумового, порожняя голова – имея порожнюю голову над умными руками – Макар действовал своими умными руками и безмолвной головой – стихийная твоя голова – любопытные руки над неощутимой головой, у Макара были только грамотные руки, а голова нет.

Смысловой объем слова в прозе А.Платонова неустойчив, подвижен и зависит от контекста. Одно и то же слово в разных сочетаниях имеет разные соответствия в литературном языке. Повторяющееся слово неизвестный означает и незнакомый, и непонятный: Шел он сквозь село ради встречи неизвестных машин и предметов ("Чевенгур"), из полуоткрытых бледных глаз выходили редкие слезы – он сновидения или неизвестной тоски ("Котлован"). Смысловое наполнение слова меняется в рамках небольшого отрезка текста. Слово смысл, повторяющееся в небольшом фрагменте романа "Чевенгур", в одном случае означает пользу, в другом – цель: Он уважал величественное, если оно было бессмысленно и красиво. Если же в величественном был смысл, например, – в большой машине, Копенкин считал его орудием угнетения масс и презирал с жестокостью души...; хорошо было, что та девушка, которую носили эти ноги, обращала свою жизнь в обаяние, а не в размножение, что она хотя и питалась жизнью, но жизнь для нее была лишь сырьем, а не смыслом, – и это сырье переработалоось во что-то другое, где безобразно-живое обратилось в бесчувственно-прекрасное ("Чевенгур"). Судя по характеру употребления его производного бессмысленно: И им обоим стало бессмысленно стыдно ("Котлован"), слово смысл может обозначать и причину.

Влияние контекста на смысл слова имеет разные проявления. Для Платонова характерны указания на объем понятия – расшиф-

ровка смысла, который вкладывается в соответствующее слово: Наблюдая живое пламя, Захар Павлович сам жил – в нем думала голова, чувствовало сердце, и все тело тихо удовлетворялось ("Чевенгур"), они еще не знали ценности жизни, и поэтому им была неизвестна трусость – жалость потерять свое тело ("Сокровенный человек"), дом должен быть населен людьми, а люди наполнены той излишнею теплотою жизни, которая названа однажды душой ("Котлован"). На смысловой объем слова указывает характер противопоставлений, в которые оно включается. В отрывке из "Сокровенного человека": ...нельзя жить зря и бестолково, как было раньше. Теперь наступила умственная жизнь, чтобы ничто ее не замусоривало – слово умственный при соотнесении с другими членами противопоставления приобретает значение сознательный.

В основе необычной сочетаемости в языке А.Платонова – разрушение иерархических отношений между словами-понятиями и установление новой иерархии. За необычной сочетаемостью стоит своеобразная философия писателя (Толстая-Сегал 1979). Ключевые слова прозы Платонова: жизнь, пространство, время, природа, ум, душа, сердце, сила, тоска, которые выделили разные исследователи (Л.Шубин, С.Бочаров, Ю.Карякин и др.) не только многократно повторяются, но и вступают в необычные отношения с другими словами и друг с другом. Необычная сочетаемость меняет природу некоторых представлений: Ворота депо были открыты в вечернее пространство лета; прочно успокоившееся пространство смертельной жары ("Чевенгур"). Разные семантические поля разомкнуты и обращены друг к другу. Это обнаруживается в своего рода художественных определениях, основанных на уподоблениях и отождествлениях: свою будущую жизнь он раньше представлял синим глубоким пространством – таким далеким, что почти несуществующим ("Чевенгур") или отождествлениях, осложненных противопоставлениями: Тебе говорят, что война это ум, а не драка ("Сокровенный человек"), И время прошло скоро, потому что время – это ум, а не чувство ("Чевенгур").

Некоторые противопоставления приобретают устойчивый характер. Например, варьирующееся противопоставление думать – действовать, работать: ... Если все мы сразу задумаемся, то кто действовать будет? – Без думы люди действуют бессмыслен-

но ("Котлован"), ...всю жизнь либо бил балдой, либо рыл лопатой, а думать не успевал; Грамотный умом колдует, а неграмотный на него рукой работает ("Чевенгур").

Несоответствие представлений Платонова и его персонажей общепринятым в разной степени проявляется в словах разных лексико-семантических групп. Особый интерес представляет соотношение слов мысль и чувство, разные типы сочетаний обнаруживают его противоречивость. С одной стороны, для Платонова характерно устойчивое противопоставление думать – чувствовать: Думать он мог с трудом и сильно тужил об этом – поневоле ему приходилось лишь чувствовать и безмолвно волноваться ("Котлован"), ср. Лишь слова обращают текущее чувство в мысль, поэтому размышляющий человек беседует ("Чевенгур"). С другой стороны, как отмечали исследователи, слова ум, чувство, сердце, душа, память осознаются как семантически близкие. Их сближение проявляется в разных типах сочетаний. Слово, которое вступает в обычное сочетание с одним из этих слов, с другим вступает в необычное сочетание. Иногда исходная модель присутствует непосредственно в тексте: Лишь в одной маленькой женщине по имени Заррин-Тадж ум бился наравне с сердцем, и она не спала ("Такыр"), ср. биение жизни ("Котлован"), биение души. В других случаях исходный оборот только угадывается: Чувства о Розе Люксембург так взволновали Копенкина, что он опечалился глазами ("Чевенгур"). Обычная связь мысль – голова, чувство – сердце разрушается и заменяется иной: Иные, склонившись, стучали себе в грудь и слушали свою мысль оттуда. Но сердце билось легко и грустно, как порожнее, и ничего не отвечало ("Котлован"), Мысль у пролетария действует в чувстве, а не под плешью ("Чевенгур"). Соответственно, слова, принадлежащие к разным лексико-семантическим группам, вступают в сочетания друг с другом, имеющие разную степень сложности: ощущающий ум, почувствовав мысль и одиночество, душевный смысл ("Котлован"), бессознательное сердце ("Чевенгур"), Чиклин, не видя ни птиц, ни неба, не чувствуя мысли, грузно разрушал землю ломом... ("Котлован"), Захар Павлович думал без ясной мысли, без сложности слов, – одним нагревом своих впечатлительных чувств, и этого было достаточно для мучений; Он всегда воображал что-нибудь чувством, и это вытесняло из него представления о самом себе... ("Чевенгур"), Нур-Мухаммед от-

ветил Назару, что сердце народа выболело в нужде, ум стал глуп и потому свое счастье ему чувствовать нечем ("Джан"), скорбеть влекущей мыслью ("Город Градов"), надежда мысли ("Котлован").

Слова разных лексико-семантических групп приобретают одинаковую сочетаемость, не характерную ни для одной из этих групп: Чепурный положил голову и слушал внимательным умом; И никто, даже Чепурный со своим слушающим чувством, не знал...; До революции Копенкин ничего внимательно не ощущал - леса, люди и гонимые ветром пространства не волновали его, и он не вмешивался в них ("Чевенгур").

Слова, обозначающие мыслительную деятельность человека, вытесняют слова, обозначающие чувство: он познал в себе доброту к трудящимся ("Котлован"). Параллелизм между умом и чувством устанавливается и в сочетаниях, где их характеризуют не повторяющиеся слова, а синонимы и квазисинонимы: Перри одичал сердцем, а мыслью окончательно замолчал ("Епифанские шлюзы"), Он знал, как обессилел его ум в молчании, в скрытности, в одержанности, как оробело его сердце в скромности и страхе ("По небу полуночи").

"Странный" язык А.Платонова возникает как преобразование общего языка, в центре внимания писателя общеупотребительное слово. Ломая устойчивые связи между словами, разрушая их автоматизм, Платонов создает новые связи, перестраивая существующую систему представлений. Язык Платонова менялся. В таких вещах, как "Ямская слобода", "Сокровенный человек", "Котлован", "Чевенгур" повествователь предстает философом-самоучкой, который ищет и вырабатывает язык для выражения сознания и внутреннего мира людей, которые не имеют слов для передачи своих чувств и мыслей. В поздних произведениях язык прозы А.Платонова значительно более классичен, но и в этом классическом языке сохраняются специфические слова и обороты.

Литература

Боровой Л.Я.Язык писателя. - М., 1966
Бочаров С.Г."Вещество существования".Выражение в прозе//Проблемы художественной формы социалистического реализма.-т.П.-М.,1971
Свительский В.А. Конкретное и отвлеченное в мышлении А.Платонова-художника//Творчество А.Платонова.- Воронеж, 1970
Толстая-Сегал Е. Натурфилософские темы в творчестве Платонова 20-х - 30-х гг.//Slavica Hierosolymitana.-vol.IV.-Jerusalem, 1979

Ю.С.Степанов

К построению общей модели русской речевой цепи и русского стиха

1. Общие предпосылки этой задачи

Под общей, или интегральной, или объединенной, моделью мы понимаем такую модель, которая объединяла бы в себе модель русской речевой цепи и модель русского стиха, т.е. моделировала бы главные свойства того и другого объекта.

Что свойства эти в самой действительности – в значительной части – одни и те же, разумеется, давно уже осознано. "Нет ничего в стихе, чего не было в языке", – писал Л.И.Тимофеев [1958, 74]. Это замечание вызвало только одну поправку Б.В.Томашевского: кроме самого явления стиха – "В языке нет самого явления стиха" [Томашевский 1959, 60, сн.]. Принимая эти положения, мы бы уточнили теперь только одно: вместо "язык" здесь следует говорить "речь". Нет ничего в стихе, чего не было бы в речи.

Общие отношения между русским стихом и русской речью получили в последнее время весьма детальную конкретизацию, благодаря, в частности, работам М.В.Панова. Если в строке четырехстопного ямба по крайней мере одна стопа ⏑ ′ заменяется пиррихием, т.е. ⏑ ⏑ , то это, казалось бы, – чисто механическая замена, вызванная языковыми причинами (слогоударным строением русских слов, входящих в стихотворную строку). М.В.Панов подчеркивает: "А.Белый показал, что дело не только в диктате языковой данности. Андрей Белый увидел, что разные поэты по-разному помещают пиррихии в стихе, у каждого свои пристрастия и свои закономерности в их использовании. Представление о том, что пиррихий – вынужденное отступление от ямбического метра, слепо диктуемое языком, оказалось неверным. Это творческое отсупление" [Панов 1989, 343].

Исследуя аналогичный материал, М.А.Краснопёрова одновременно обнаружила довольно четкие (статистические) закономерности в истории русского стиха и сформулировала отвечающую им абстрактную математическую модель. М.А.Краснопёрова основывается на стати-

стическом законе, открытом К.Ф.Тарановским (1971, 421-428) и детально обсужденном М.Л.Гаспаровым (1977, 11-12). Закон К.Ф. Тарановского, названный им законом регрессивной акцентной диссимиляции, гласит (для бесцезурного стиха): в двухсложных русских размерах сильные и слабые икты попеременно чередуются от последнего в строке к первому; сильные икты при этом постепенно ослабевают, а слабые усиливаются.

Основываясь на этих данных, М.А.Краснопёрова разбила весь материал, описанный К.Ф. Тарановским, т.е. четырехстопные ямбы 18-19 вв., на шесть хронологических групп (по годам: 1745-1764, 1766-1785, 1790-1795, 1800-1814, 1814-1820, 1820- примерно 1880). В пределах каждой группы статистические показатели профилей ударности оказались весьма близкими, а в целом - "профили ударности этих групп обнаруживают почти бесперебойное уменьшение частоты ударений на втором и шестом слоге и увеличение на четвертом" (Краснопёрова 1982, 217). "Таким образом, если з а к о н регрессивной акцентной диссимиляции проявляется в ритмике четырехстопного ямба лишь после 20-го года 19 в., то п р о ц е с с регрессивной акцентной диссимиляции, соответствующий этому закону, начинается уже около первой половины 18 в." (там же).

М.А.Краснопёрова строит такую схему названного процесса: распределения ударений, сложившиеся в какой-либо данный период, усваиваются в следующий период и непроизвольно начинают "навязываться" новым текстам: поэт почти полностью находится под влиянием языковой стихии; однако в процессе создания новых текстов действует фактор, возбуждающий коррекцию распределений акцентов, вследствие этого разрыв между унаследованными и новыми показателями увеличивается; вновь сложившиеся распределения наслаиваются на полученные ранее и в свою очередь новое распределение начинает "навязываться" новым текстам; снова действует тот же фактор, разрыв увеличивается еще более, и т.д.

Каков же этот фактор? М.А.Краснопёрова высказывает соображение, что он принадлежит языку (и, сказали бы мы, - речи): это - ударения слов, создающих пиррихии. Этот фактор принадлежит к числу вероятностных свойств русской речи.

По нашему мнению, "основной фактор", обнаруженный М.А.Краснопёровой, имеет сложную природу: в каждый данный период - из шести

названных - поэты стремятся оттолкнуться от стихового фона предшествующего периода, стремятся быть "в духе", или "в стиле", нового, "своего" времени. Это отталкивание создает "стилистическое уклонение" нового периода от старого (в терминах французской и Пражской лингвистических школ - так называемый écart stylistique)(а). "Стилистическое уклонение" образуется посредством введения в стих слов обычного русского языка, обладающих таким слогоударным строением, что они приводят к пиррихиям по указанному закону; употребление, и вообще наличие, таких слов есть явление русского языка и русской речи (б). Но, будучи закреплено в структуре стиха всего данного периода (т.е. каждой из шести групп), оно приводит к новой норме стиха, "стилистическое уклонение" перестает существовать, т.е. перестает осознаваться как именно стилистическое явление, оставаясь нормой стиха данного периода (в). Новое поколение поэтов, составляющее новый период (следующий из шести) начинает отталкиваться от создавшейся нормы как от "старого фона". Таким образом вероятностные закономерности русской речи (б) переплетаются с вероятностными закономерностями строения стиха (в) и с явлениями сознательной деятельности поэтов - факторами стиля (а).

Стремление разграничить явления поэтической речи, переплетенные с явлениями обыденной русской речи, но уже в другой плоскости, как "внешние" и "внутренние" факторы организации, характерно и для работы М.В.Панова. "Сравним ямб без пиррихиев: ⏑/⏑/⏑/⏑/ и амфибрахий: ⏑/⏑⏑/⏑⏑/⏑⏑/⏑ . Они отличаются внутренней организацией - у них разный "узор" ударностей-безударностей. И они же отличаются внешней организацией. В русской обыденной речи ударение падает в среднем на один слог из трех. Такова норма. Таково свойство того материала, с которым соотнесен поэтический текст. По отношению к нему ямб - контраст, он противостоит норме обыденной речи: одно ударение приходится - по метрическому заданию - на два слога. Амфибрахий повторяет норму, он ей не противник. Ямб с пиррихиями, обычный у А.Пушкина, Е.Баратынского, Н.Языкова, Д.Веневитинова, имеет такие вариации:

⏑⏑/⏑/⏑/
⏑/⏑⏑/⏑/
⏑/⏑/⏑⏑/

Как видно, одно ударение приходится здесь именно на три слога.

Контраста с материалом, с обыденной речью, нет. Во внешней организации такой ямб и амфибрахий подобны друг другу. Отличие только во внутренней организации, в распределении единиц, образующих ритмическую цепь. Наконец, ямб беспиррихийный: ⏑/⏑⏑/⏑/ и пиррихийный: ⏑/⏑/⏑⏑⏑/ имеют одну и ту же внутреннюю организацию (у них одна и та же мера - стопа ⏑ /), но разную внешнюю, одна разновидность контрастна с материалом, другая - нет" (Панов 1989, 351-2).

Из проведенного, весьма краткого, обзора предпосылок для решения названной в заголовке задачи, достаточно ясно, что в модели необходимо различать следующие параметры исследуемых объектов:

(1) непосредственно наблюдаемое строение русской речевой цепи в обыденной речи (в иной терминологии - ее "внешнюю организацию"), оно имеет вероятностную природу (одно из свойств: ударный слог в среднем приходится на три безударных);

(2) непосредственно наблюдаемое строение стиха (в иной терминологии - "внешнюю организацию" стиха);

(3) непосредственно ненаблюдаемое строение стиха (в иной терминологии: абстрактное; идеальное; "внутренняя организация", и т.д.);

(4) непосредственно ненаблюдаемое строение русской речевой цепи в обыденной речи (в иной терминологии: абстрактное; идеальное; "внутренняя организация", и т.д.), оно, так же, как и (1) имеет вероятностную природу; (почему это так, т.е. почему вероятность выступает в двух своих свойствах, кратко будет обсуждено ниже).

Параметры (1) и (2) могут сближаться или, в отдельных случаях, даже совпадать: пиррихийный ямб (2) весьма близок или даже совпадает с некоторыми отрезками русской обыденной речи (1). По параметру (2) могут также совпадать, в некоторых стихах, пиррихийный ямб и амфибрахий. Напротив, по параметру (3) ямб и амфибрахий не совпадают; если оставаться в рамках идей приведенного обзора, можно сказать - никогда не совпадают: у ямба и амфибрахия разная идеальная мера - метр. Приведенные параметры можно,

до некоторой степени, уподобить параметрам фонологической системы: наблюдаемые свойства соответствуют аллофонам, ненаблюдаемые – фонемам. Почему (I) и (4) следует расценивать как вероятностные, требует некоторого разъяснения. В самом деле, почему бы не рассматривать некоторый данный, непосредственно наблюдаемый отрезок речевой цепи (I) просто как данный, наблюдаемый факт, вне всякого отношения к статистике и вероятности. (Подобно тому, как одну стихотворную строку можно рассматривать именно таким образом.) Однако делать этого нельзя, по той причине, что никакой отрезок речевой цепи не является абсолютно, т.е. не вероятностно, выделенным. Если еще можно представить себе некое "абсолютное начало" речевого отрезка, например, первую фразу после телефонного звонка ("Алло, это номер такой-то?"), то конец такой фразы не дан вне вероятности: фраза может быть закончена на этом или же продолжена одним из практически не предсказуемых способов. Поскольку это так, то никакой отдельно взятый отрезок реально наблюдаемой речевой цепи не может быть уподоблен стиховой строке, стиху. Всякое ритмическое исследование речевой цепи, будь то на наблюдаемом или на абстрактном уровне неизбежно носит вероятностный характер. Здесь мы сталкиваемся с одним из парадоксов познания вообще: "пробиться" к подлинно индивидуальному явлению труднее, а зачастую и просто невозможно, чем к абстрактному закону. (Сравни трудности получения "абсолютно случайного" числа в математике.)

Исследование речевой цепи в ее ритмическом аспекте находится еще в самом начале (ср.: Гиндин 1970; Краснопёрова 1989).

В настоящей статье мы выделим только один параметр из перечисленных выше – (3) и именно его будем рассматривать в аспекте построения модели, конечно, соотнося его для этой цели с соответствующим параметром обыденной речевой цепи (4).

2. Элементы (шаги) построения модели по линии "ненаблюдаемого ритмического строения" стиха и речевой цепи

а) Абсолютное, или математическое, время и его аналог в модели

Названное понятие времени введено И.Ньютоном. "Абсолютное, истинное, математическое время само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему протекает

равномерно и иначе называется длительностью. Относительное, кажущееся или обыденное время есть или точная, или изменчивая, постигаемая чувствами, внешняя, совершаемая при посредстве какого-либо движения мера продолжительности, употребляемая в обычной жизни вместо истинного математического времени, как-то: час, день, месяц, год" (Ньютон 1915-1916, 30).

Понятие абсолютного времени очень важно для нашей задачи, потому что в конечном счете именно абсолютным временем определяется возможность сравнивать и соотносить разные ритмические явления речи и стиха, в частности разные метры. В качестве материального аналога абсолютного времени естественно выбрать последовательность из чередующихся ударного и безударного слогов, отвлекаясь от реального качества каждого отдельного слога (т.е. от того, "легкий" он или "тяжелый", более длинный или более краткий, чем другой,- все слоги считаются равными): ...⏑/⏑/⏑/... (1). Изображенная здесь посредством графических значков последовательность слогов является другим, можно сказать - вторичным (по отношению к звучащим слогам) материальным аналогом того же параметра.

б) Модификация указанного параметра применительно к ритмологии стиха: "контрольный ряд" А.П.Квятковского

Наиболее разработанный компонент модели в духе нашей задачи мы находим у А.П.Квятковского. Этот исследователь устанавливает сначала параметр "тактометрического периода", а внутри последнего выделяет "контрольный ряд". Эти понятия определяются так.

"Тактометрический период - объективная мера правильного ритмического процесса в стихе, в пределах которой гармонически сочетаются структура ритма и фразостроение, работа речевого аппарата и дыхание" (Квятковский 1966, 299, далее по этой же работе). Тактометрический период является мерой всего "пространства стиха", охватывает собой весь стих - от анакрузы до эпикрузы включительно. В классе трехдольников существует 12 видовых тактометрических периодов, в классе четырехдольников - 16, в классе пятидольников - 20 и в классе шестидольников - 24 периода. Теоретически ритм правильного метрического стиха может формироваться 72-мя видами тактометрического периода.

Тактометрический период слагается из кратного повторения первичной, малой меры - краты, по А.П.Квятковскому.

Сама крата слагается из долей (доля = слог).

По А.П.Квятковскому, двудольники (т.е. "теоретические", "чистые" ямбы и хореи)в русском стихе не существуют, в силу чрезмерной краткости, ограниченности своего объема. Имеются трехдольники (⏑⏑⏑), четырехдольники (⏑⏑⏑⏑), пятидольники (⏑⏑⏑⏑⏑) и шестидольники (⏑⏑⏑⏑⏑⏑). (В основе ямбов и хореев, по Квятковскому, лежит четырехдольная мера, а иногда и шестидольная.)

Рассмотрим эти положения на примере трехдольника. По Квятковскому, в зависимости от объема эпикрузы и анакрузы трехдольник имеет три вида:

Трехдольник 1-й: |́⏑⏑| (дактиль)

Трехдольник 2-й: ⏑|́⏑ (амфибрахий) (2)

Трехдольник 3-й: ⏑⏑|́ (анапест) [1]

Уже из этого примера видно, что если дана неограниченная последовательность слогов, в которой между ударными слогами помещаются два безударных, т.е.:

...⏑́⏑⏑́⏑⏑́⏑⏑́⏑⏑́⏑... (3)

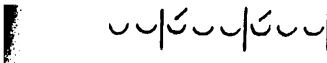
то в зависимости от места проведения раздела мы будем получать то дактиль, то амфибрахий, то анапест.

"Контрольный ряд, по А.П.Квятковскому, – пространственная модель тактометрического периода, в пределах которого образуются нормы реального стиха" [Квятковский 1966, 139]. Иными словами, контрольный ряд, в его внешнем, графическом выражении, – это и есть рисунок из скобок и знаков ударений, который мы постоянно используем здесь.

Трехкратный трехдольник 3-й (т.е. трехдольник 3-й с повторением краты три раза на стих) имеет следующий контрольный ряд:

---

[1] Ана́круза – затактовая часть стиха, предшествующая первому метрическому ударению (на который обычно, но не обязательно, приходится ударный слог в стопе, т.е. в реально наблюдаемом стиховом ряде). Эпи́круза начинается последним ударением стиха. Таким образом, в дактиле – нулевая анакруза и нулевая эпикруза, в амфибрахии – однодольная анакруза и двудольная эпикруза, в анапесте – однодольная эпикруза [Квятковский 1966, 31].

 (по Квятковскому).

А две следующие строфы представляют один и тот же контрольный ряд, т.е. одно и то же абсолютное, или истинное, или математическое, время стиха, но в двух разных относительных мерах, т.е. в двух разных наблюдаемых стиховых рядах. В первом случае, у А.Фета, все доли заполнены реальными слогами, а во втором случае, у С.Есенина, некоторые доли слогами не заполнены (это символизируется углом), они представляют беззвучную длительность. Но и звучащая (заполненная слогами) и беззвучная длительности создают ритм реального стиха, в силу этого различия - ритм разный:

Я те / бе ниче / го не ска / жу
И те / бя не встре/ вожу ни / чуть,
И о / том, что я / молча твер / жу,
Не ре / шусь ни за / что намек / нуть. (А.Фет)

Я по / кинул ро / димый ∧ / дом,
Голу / бую о / ставил ∧ / Русь.
В три звез / ды берез / няк над пру / дом
Теплит / матери / старой ∧ / грусть. (С.Есенин)

Нас, однако, как мы уже сказали, в этой статье будет интересовать главным образом абстрактная последовательность, т.е. сам контрольный ряд того или иного тактометрического периода, а не его реальные воплощения (с теми или иными беззвучными долями). Абстрактные последовательности, "последовательности Квятковского", как их можно назвать, допускают дальнейшие обобщения.

в) Циклические замыкания абстрактных ритмических последовательностей - "кольца"

Можно сказать, что модель замыкания, "модель кольца", дают детские словесные забавы. Вот одна из них. Раздельно, по слогам, произносится двусложное слово с ударением на втором слоге, скажем паль-то́ (это ямб). Затем слоги переставляются, ударный оказывается на первом месте: то́-паль (это хорей). Затем любое из этих слов, так же раздельно, по слогам, повторяется много раз.

Забава состоит в том, что при этом нельзя различить, какое из двух слов произносится – пальто́ или то́поль :

...паль-то́-паль-то́-паль-то́-паль-то́-паль... (4)

(Особенно забавным кажутся такие случаи, когда одно из двух слов неприличное.)

Таким образом, если неизвестно начало последовательности такого типа, или, иначе говоря, не известен раздел, то ямб и хорей неразличимы.

Поскольку, как мы уже отметили выше, членение в речевой цепи носит вероятностный характер, т.е. абсолютное начало ее не отмечено, то отсюда следует примечательный вывод. Если про каждое отдельно взятое слово русского языка можно сказать, какое оно с точки зрения ритмологии – ямбическое, хореическое (если слово двусложное), дактилическое, амфибрахийное, анапестическое (если – трехсложное), или имеет более сложную структуру (в случае четырехсложности, пятисложности), то про русскую речевую цепь в целом этого сказать нельзя. Если представить себе достаточно длинный отрезок русской речевой цепи, составленный только из двухсложных слов с регулярными ударениями или на первом или на втором слоге (т.е. из слов хореических или из слов ямбических), то какой является вся последовательность – хореической или ямбической ? Как видно из примера (4) – ни той и ни другой. Соответственно то же можно утверждать относительно достаточно длинных последовательностей (воображаемых, конечно), составленных целиком или из дактилических или из амфибрахийных или из анапестических слов [2].

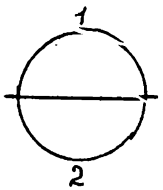
---

2) Есть, однако, косвенные основания считать, что русская речевая цепь – ямбическая. Этому предполагаемому нами свойству соответствовал бы тот эмпирически несомненный факт, что ямбы – наиболее естественный размер русского стиха. Сравним с этим утверждение Александра Блока: ямбы –ритмы жизни, хореи – ритмы смерти.

Этой теме мы намерены посвятить отдельную работу.

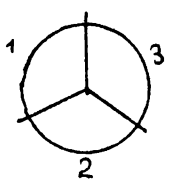
Преобразуем теперь линейные последовательности, приведенные выше в примерах (I), (2), (3), (4), - в кольца. Т.е. сомкнем их края. При этом ударная доля, естественно, символизируется - для двудольных размеров одной из двух дуг, для трехдольных - одной из трех дуг (отрезков кольца):

Фиг. 1

Модель двусложных ямбических слов: I - 2 (если ударный слог символизируется через 2) и хореических слов: 2 - I; модель примера (4), т.е. "теоретического", "чистого" ямба и/или хорея: I - 2 - I - 2 - I ...

Фиг. 2

Модель примера (2), т.е. дактиля: I - 2 - 3 ; амфибрахия: 2 - I - 3; анапеста: 3 - 2 - I (если ударный слог символизируется через I).

Нетрудно, далее, таким же образом моделировать пример (3), если представить кольцо, разделенное на I5 дуг. И т.д.

Кольцевые последовательности такого типа являются, возможно, одними из первичных языковых структур вообще. С ними можно сравнить кольцевые последовательности, обнаруженные в генетическом коде (в "языке" генетической информации).

Поскольку, как мы уже сказали вначале, предметом моделирования является здесь параметр абсолютного, или истинного, или математического времени, то преобразование линейных последовательностей в кольца естественно сопоставить с циклическими представлениями о времени, с "кольцом времени", отмеченными во многих архаических культурах. У греческого неоплатоника Прокла (4I2-485 гг.) мы находим такое высказывание, в котором излагается традиционный, древний взгляд: "Время не подобно прямой линии, безгранично продолжающейся в обоих направлениях. Оно ограничено и описывает окружность. Движение времени соединяет конец с началом и это происходит бесчисленное число раз. Благодаря этому время бесконечно".

г) Аналогии модели "ямб-хорей" с операцией счета

При моделировании языковых явлений вообще важны всякие возможные выходы к дальнейшему математическому моделированию. Здесь мы укажем лишь один из таких выходов – аналогии со счетом.

Элементарная операция счета – это сравнение двух множеств предметов через посредство попарного сравнения их элементов. Иными словами, элементарная операция счета, взятая в "чистом" виде, это сопоставление двух предметов, – например, указующего пальца и предмета, на который он указывает.

Очевидно, что элементарную операцию счета можно производить двумя способами. Для наглядности предположим, что этапы операции мы отмечаем каким-либо наглядным образом, например, произнося слово "Раз!".

При п е р в о м способе мы произнесем "Раз!" на первом этапе (первом такте) операции, – подняв палец, но еще не опустив его на считаемый предмет. При опускании пальца на предмет мы уже не будем ничего произносить, промолчим. Таким образом, схема этого способа счета такова: (1) "Раз!" – (2) молчание, пауза. Сильным моментом, "иктусом" счета будет первый такт и слабым – второй. Этот способ счета естественно назвать хореическим (или "обращенным вперед", проспективным).

При в т о р о м способе счета, наоборот, мы промолчим на первом такте, поднимая палец, и скажем "Раз!" на втором такте, опуская палец на считаемый предмет. Иктусом счета будет здесь второй такт. Этот способ естественно назвать ямбическим (или ретроспективным). (Далее и подробнее см.: [Степанов 1989]).

Два эти способа счета разнообразно применяются в человеческом быту. Например, считая отрезки забора со столбами, мы можем говорить "Раз!" при каждом первом столбе отрезка – хореический способ, или же пройдя отрезок, при его последнем столбе – ямбический способ. Такими же двумя способами соотносят чтение молитвы с бусинами четок – передвигают бусину либо начиная читать молитву, либо кончая читать ее.

Мы уже видели выше, что при достаточно длинной ямбическо-хореической последовательности (см. пример (4)) нельзя сказать, состоит ли она из ямбов или из хореев. Нечто подобное мы наблюдаем и в бытовых системах счета. В европейской системе текущий век считается двадцатым, а в южноамериканской, например, в Аргентине,

девятнадцатым. Причина этого заключается, по-видимому, в том, что начало летоисчисления отодвинуто уже далеко в прошлое и считающие теперь могут предполагать как то, что счет ведется от "нуля", так и то, что счет ведется от "единицы". (В действительности христианская эра странным образом исчисляется не с "отметки нуль", а сразу с "отметки единица": тридцатый год царствования римского императора Августа стал первым годом христианской эры). Поскольку таким образом мы уже перешли от систем стихосложения к системам счета, то путь для дальнейшей математизации моделей открыт и сейчас на этом мы можем закончить.

Литература

Гаспаров 1977 – Гаспаров М.Л. Легкий стих и тяжелый стих // Studia metrica et poetica.II. Tartu, 1977.

Гиндин 1970 – Гиндин С.И. Пути моделирования ритмической организации текста// Структурно-математические методы моделирования языка. Тез.докл. и сообщ. Всесоюз.науч.конф. Киев, 1970.

Квятковский 1966 – Квятковский А. Поэтический словарь. М., Сов. энцикл. 1966.

Краснопёрова 1982 – Краснопёрова М.А. К вопросу о законе регрессивной акцентной диссимиляции и его причинах// Russian Literature. XII (1982). North-Holland Publish. Comp.

Краснопёрова 1989 – Краснопёрова М.А. Модели лингвистической поэтики. Ритмика. Ленингр. Гос. Унив. Л., 1989.

Ньютон 1915–1916 – Ньютон И. Математические начала натуральной философии. Пер. А.Н.Крылова. Пг., 1915–1916.

Панов 1989 – Панов М.В. Ритм и метр в русской поэзии// Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987. М., 1989.

Степанов 1989 – Степанов Ю.С. Счет, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках// ВЯ. 1989. №4, №5.

Тарановский 1971 – Тарановский К.Ф. О ритмической структуре русских двусложных размеров // Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971.

Тимофеев 1958 – Тимофеев Л.И. Очерки теории и истории русского стиха XVII–XIX вв. М., 1958.

Томашевский 1959 – Томашевский Б.В. Стих и язык. М.–Л., 1959.

Ольга Седакова
Валерий Котов

"Болящий дух врачует песнопенье": о конструктивной роли вокализма в стихе

Звуковому строению стиха традиционное стиховедение никогда не придавало такого значения, как метрике, ритмике, строфике. Исключение - звуковая организация правого края стиха, - краегласие, рифма. Но рифма в изоляции от стихового ряда, которому принадлежит, оказывается совершенно внешним элементом стиховой конструкции - механической скрепой между графически и ритмически разбитыми строками. Такими скрепами можно соединять вполне хаотические звуковые последовательности (что мы и наблюдаем в графоманском "рифмоплетстве"). Но стихи иного рода соблюдают - в этом наше убеждение - и соблюдают, по видимости, бессознательно некоторые законы "звукоряда", законы, нигде эксплицитно не изложенные. В этой неэксплицированности их основное отличие от элементарных правил распределения силы - слабости (метрики).

Звуковая сторона стиха (для которой не найдено даже точного термина: "оркестровка", "звукопись", "эвфония" - каждое из этих названий по своим причинам неудовлетворительно) обращала на себя исследовательское внимание в случаях яркой изобразительности (типа: "Как бы резвяся и играя / Грохочет в небе голубом") или выразительности ("звуковой жест", по Ю.Н. Тынянову, типа: "И в суму его пустую / Суют грамоту другую" - артикуляция "у" передает "говорение по секрету"), вообще выдвинутости звучания, "благозвучного" (типа бальмонтовского) или, наоборот, "режущего ухо" футуристическое [I]. Новое внимание кобщему звуковому строю стихотворной речи связано с идеей звуковой квазисемантики работы В.К.Журавлева и с соссюровской идеей анаграммы относящейся более к буквенному, чем к звуковому строю .

Во всех, кроме последнего, случаях речь идет в сущности, не о конструктивном, а о декоративном значении звука: могут

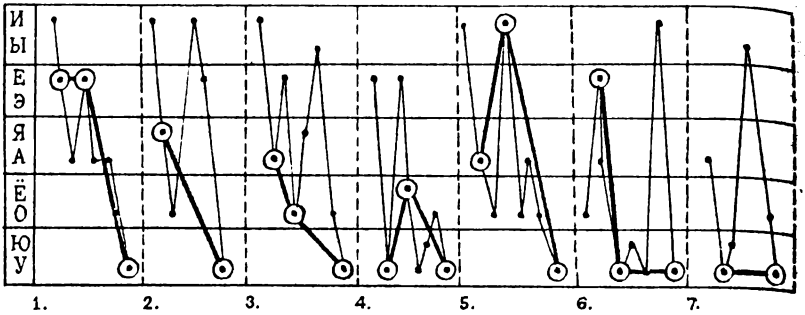
быть стихи со "звукописью", а могут - без. Функция звукового строя в стихе тем самым уподобляется функции фигур, тропов, то есть необязательных, факультативных элементов, а не грамматике, без которой не может быть построен самый аскетичный стиховой текст. Даже Ю.Н.Тынянов в "Проблеме стихотворного языка" противопоставляет ритм - конструктивный фактор, направленный "вправо" "прогрессивное действие", звуковому повтору этим и исчерпываются звуковые явления в "Проблеме", действующему регрессивно.

Наша идея состоит в подходе к звуку в стихе как к носителю определенной высоты - и к звуковому строю (не "повторам", а всем видам дистрибуции звуков) как определенной организации высот, "мелодии". Таким образом, стих -в преобразованном виде - содержит в себе обе основные характеристики музыки: ритм и высотную организацию. Вторая характеристика, на наш взгляд, так же конструктивна в стихотворном языке, как ритм в описании Ю.Н.Тынянова: т.е. формо- и смыслообразующий фактор, действующий сплошь, как грамматика, а не как тропы и фигуры.

Как стихотворный ритм иноприроден физическому, акустическому ритму музыки ("доли" стиха - не хронометрические единицы), так и высотная организация стиха не может быть приравнена к абсолютной высотной шкале и тем более - измерена интервалами. Это как бы "идеи" относительной друг к другу высоты звуков.

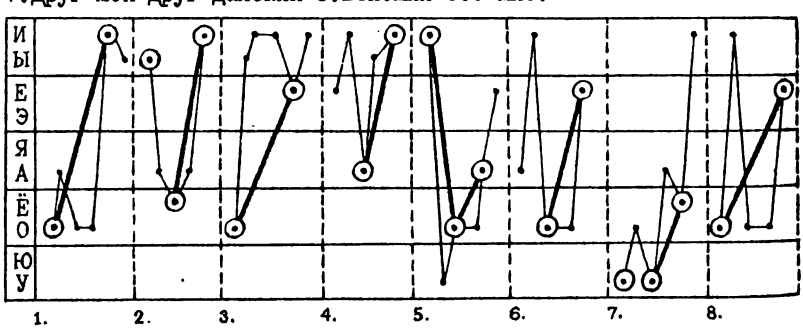
Носителями высоты в первую очередь, естественно, являются гласные; еще уже - ударные гласные[2]. Расположив русские гласные по высотной шкале, от "и" до "у", мы изображаем движение вокализма стиха. Стихотворный текст в отличие от опытов Андрея Белого, искавшего тот же путь анализа рассматривается дискретно. Непрерывная линия высотности целого стихотворения менее информативна, чем сопоставимые между собой отрезки строк-стихов.

О красоте высотного построения можно судить лишь в сопоставлении со словесным рядом. Вот пример такой красоты: I.Свирель запела на мосту. 2.И яблони в цвету. 3.И ангел поднял в высоту 4.Звезду зеленую одну 5.И стало дивно на мосту 6.Смотреть в такую глубину 7.В такую высоту. А.Блок, "Арфы и скрипки".

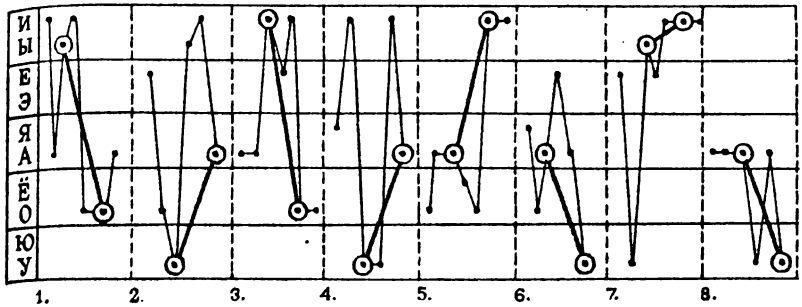
Первые четыре строки опевают нисходящее движение: нисходя каждый раз со все более низкого звука (и - я - а - у) и все более решительно. Чудесно колебание, всплеск вверх с самого низа в 4-й строке. Нисходящее движение, казалось бы, противоречит "содержательной" теме "поднятия в высоту", но это противоречие мнимое: высота дана в глубине, в отражении, наблюдаемом с моста.

Другой пример довольно простой красоты вокального построения: I.Облаком волнистым 2.Пыль встает вдали 3.Конный или пеший 4.Не видать в пыли 5.Вижу кто-то скачет 6.На лихом коне 7.Друг мой друг далекий 8.Вспомни обо мне.

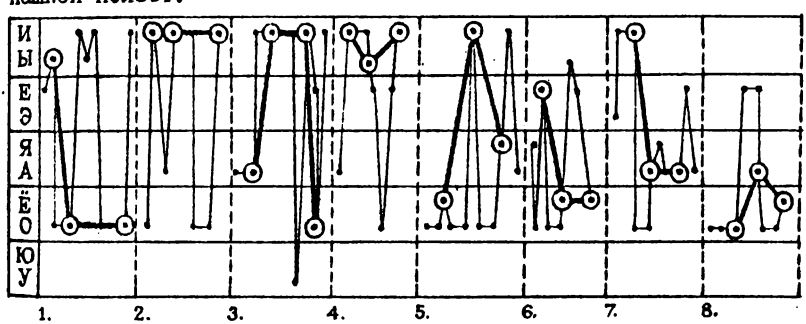

Все строки кроме пятой (вообще нужно заметить, что в восьмистишии пятая строка, место золотого сечения, часто выделена - см. ниже, Баратынский) - построены как восходящие. Три равных "интервала" ("о"-"е", строки 3,6,8) воспринимаются по-разному в сопоставлении с предшествующим движением (так, восьмая, подхватывая движение седьмой, "уходит в высоту").

Ранний Бродский тяготеет к "маятнику", чередованию восходящих и нисходящих строк: I.Ни страны ни погоста 2.Не хочу выбирать 3.На Васильевский остров 4.Я приду умирать 5.Твой фасад темно-синий 6.Я впотьмах не найду 7.Между выцветших линий 8.На асфальт упаду ...

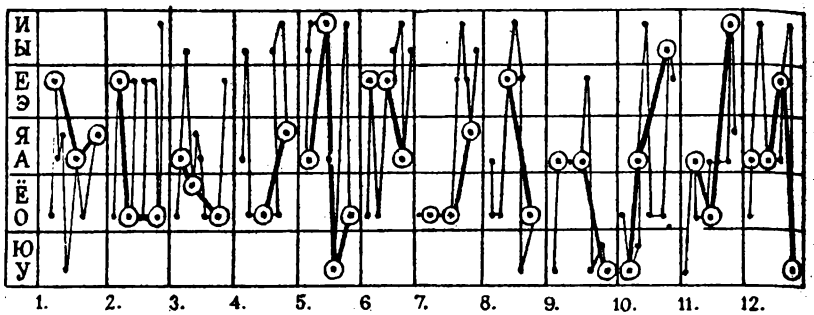

Хлебниковское "Весны пословицы и скороговорки" организовано исключением низов ("у", "ю") и приподнятостью всей линии стиха: I.Весны пословицы и скороговорки 2.По книгам зимним проползли 3.Глазами синими увидел зоркий 4.Записки стыдесной земли 5.Сквозь полет золотистого мячика 6.Прямо в сеть тополевых тенет 7.В эти дни золотая мать-мачеха 8.Золотой черепашкой ползет.

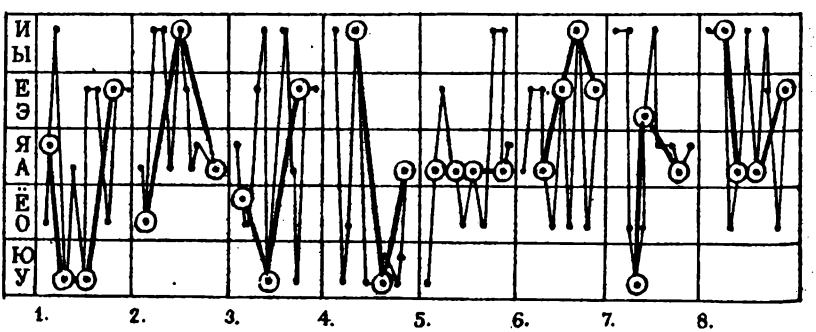
Все приведенные выше примеры относятся - условно - к "музыкальному" типу организации вокализма стиха. Но есть другой тип, "иконический": линия гласных дает наглядную картину "содержания"стихов. Образцы такого рода кажутся неправдоподобными, пока не увидишь их собственными глазами. Вот пример такого рода: I.О вещая душа моя 2.О сердце полное тревоги

3.О как ты бьешься на пороге 4.Как бы двойного бытия 5.Так ты жилица двух миров 6.Твой день болезненный и страстный 7.Твой сон пророчески неясный 8.Как откровение духов 9.Пускай страдальческую грудь 10.Волнуют страсти роковые 11.Душа готова как Мария 12.К ногам Христа навек прильнуть.

Первая строфа располагается в ограниченном диапазоне, не касаясь верха и низа: проэмий. 5-я строка впервые берет эти две предельных высоты ("два мира"), 6-я и 7-я ("день" и "сон") зеркальны. Высшая точка достигается в имени "Мария", за чем следует ниспадение к нижнему гласному - последнему гласному стиха. Так "готово" разрешиться противостояние "двух миров".

Поразительна вокальная картина стихов Баратынского, комментарий к которой оставляем читателю: 1.Болящий дух врачует песнопенье 2.Гармонии таинственная власть 3.Тяжелое искупит заблужденье 4.И укротит бунтующую страсть. 5.Душа певца согласно излитая 6.Разрешена от всех своих скорбей 7.И чистоту поэзия святая 8.И мир отдаст причастнице своей.

Из довольно многочисленных графиков, которые мы сделали для русской лирики XIX-XX веков, можно заметить существование индивидуальных манер в "мелодике" - более явных, чем это дает картина ритма. Можно заметить некоторую типологию мелодических принципов разных авторов (так, стихи торжественно-взволнованного, "экзистенциального" характера, как приведенное тютчевское, как "Пророк" Пушкина и под., работают с полным диапазоном, резко пульсируя между "и" и "у") . Можно предположить и определенную семантику отдельных "интервалов", независимую от контекста: так, движение "и"-"е" связано с самой облегченной, катартической эмоцией.

Интересно, что обнаруживаются совершенно глухие к "мелодике" стиха поэты - среди них, например, признанный виртуоз версификации В.Я.Брюсов (воспринимавший, видимо, исключительно согласные). В каком-то смысле линия высоты - детектор лжи для поэта.

Последовательность гласных не контролируется сознанием (автора, прежде всего, а за ним - и читателя), как метрика или рифма: это бессознательная работа гармонии. Формообразующее действие высотного ряда происходит на самом глубинном уровне - и потому может сказать больше, чем поверхностные черты стиля. Быть может, этот не поддающийся передаче и обучению, не имитируемый элемент стиха ближе всего располагается к тайне поэтического дара, к дару поэзии врачевать болящий дух.

Примечания

I. Одно из редких исключений - исследования звукового строя стиха в работах Н.А. Кожевниковой.

2. Несомненно, то, что мы учитываем в графиках лишь ударные гласные, - упрощение. Но тем самым мы избегаем проблемы выбора между слуховым и зрительным восприятием стиха, между фонетикой и графикой. В целом мы исходим из того, что звук в стихе воспринимается фонематично, и орфографическая запись ближе выражает его, чем фонетическая транскрипция. Реальное звуковое значение фонем (существенное для определенных поэтических манер- ср. записи И.Сельвинского и др.) и реальное интонирование нас в данном случае не интере уют. Парадоксаль-

ность разговора о "высоте" идеализированного звука нам понятна. Вообще многие вопросы записи остаются спорными (что делать, например, с Ѣ или с произношением Ё/Е в ХУШ - начале XIX века?). Йотирование [jo], [ja], [jy] мы передаем для простоты буквами Ё, Я, Ю. Выделение же их необходимо, поскольку йотация имеет большое значение для восприятия высоты звука. Нерешенной остается проблема выделения в отдельный ряд буквы "Э". Кроме гласных высота, конечно, связана и с согласными. Наша попытка "рисовать" высоты стиха - первая, упрощенная и требующая дальнейших уточнений. За что мы и приносим свои извинения.

Е.В.Красильникова

ШКОЛА, ПЕДАГОГ, ДЕТИ
/К изучению словаря поэзии Н.А.Заболоцкого/

Слова, связанные со словом и понятием школа, образуют в поэтическом словаре Н.А.Заболоцкого разветвленное "гнездо": школа, училище, учитель, педагог, наставница, ученик, школьница, учиться, учить, преподать, воспитать, пестовать, "штудировать внимательно по тетрадке свой урок", спрягать глаголы, класс, урок, школьный звонок, парты, наука, азбука, букварь, алгебры задачка, геометрия. Текстуально они прикреплены, в основном, к периоду ранних поэм и среднему периоду творчества, содержательно - к одной из главных тем поэта: человек и природа.

Ситуация школы вводится не метафорически, но сочетаемость слов, их отношения с другими словами в словаре могут быть поняты лишь в контексте той картины мира, которую создает поэт. В мире поэта деревья читают стихи Гезиода; "Зайцы и птицы садятся за парты" и березы-школьницы; "Старик объясняет философию собаке", здесь преподают "лодуху геометрию неба", учат бабочек труду", в результате общих усилий комары, "по азбуке читая комариной, исполнятся высокою доктриной", кони станут "химии друзья", коровы и ослы разовьют свой ум. Роль учителя природы берет на себя человек, который не только детище природы, но и "мысль" и "зыбкий ум ее", сам обретший новое сознание:

Мы люди - хозяева этого мира,
Его мудрецы и его педагоги.
(Читайте, деревья, стихи Гезиода)
Природа черная, как кузница,
Отныне людям ты союзница.
Тебя мы вылечим в больнице,
Посадим в школу за букварь,
Чтоб говорить умели птицы
И знали волки календарь.

За человеком следуют звери, вначале лишь наделенные особой "душевной силой", как "безумный волк":"Благодаря своей душевной силе /Я из растенья воспитал собачку"; "Из одной березы /Задумал сделать я верблюда". В свою очередь и береза учит его "управлению веток, как шевелить корнями после бури и как расти из самого себя". Но и человеческие младенцы могут многому научиться у деревьев: чинара, ясеня (он "будет учителем в небо полетов"), лиственницы, груши и липы ("наставницы маленьких девочек"), дерева моа, туи, бурого ореха, палисандра, черного дерева (Школа жуков).

Поэтическая философия Н.А.Заболоцкого строится на идее единства природной и человеческой истории (см.: Заболоцкий 1984; Павловский 1984).

История каждого человека начиналась до его рождения:

Не я родился в мир, когда из колыбели
Глаза мои впервые в мир глядели,
Я на земле моей впервые мыслить стал,
Когда почуял жизнь бесчувственный кристалл,
Когда впервые капля дождевая
Упала на него изнемогая.
(Завещание)

Сколько было ступеней восхождения?

Жуки с неподвижными крыльями -
Зародыши славных Сократов -
Катают хлебные шарики,
Чтобы сделаться умными.
Кузнечики - это часы насекомых -
Считают течение времени,
Сколько кому осталось свой ум развивать
И когда передать его детям.
Так, путешествуя из одного тела в другое,
вырастает таинственный разум.
Время кузнечика и пространство жука -
вот младенчество мира.

После смерти человек снова вступает на путь превращений: горсть глины, трава, дыхание цветов, листва дуба, жук, птица

(По крайней мере, он [человек] таится в своем зародыше меж двух широких крыл - "Осенние приметы"). "Я разве только я? Я - только краткий миг чужих существований" (Во многом знании немалая печаль). "Повсюду жизнь и я" (Завещание). Поэтому все живое связано родством и дружбой: Природа - "учительница, девственница, мать" (ср. еще строки в поэме "Деревья"); "Мы учим и пестуем младшего брата"; "Теперь вам сестры...", " теперь вам братья..." (Прощание с друзьями"); "Новые растения - "дети простых садоводов"; Бербанк -"бананов друг". Здесь нужно заметить, что слова сын, друг, дети являются традиционными компонентами перифраз (сын неги, друг степей), но у Заболоцкого они из десемантизированных элементов снова превращаются в полнозначные или, по крайней мере, несут отсветы определенных смыслов, не противоречат им: солдат - дитя рассудка, кукушка - дитя простое, птицы - малые дети вселенной.

Те, кто учится, кто должен пройти школу - дети, младенцы. И эти слова тоже вбирают в себя синкретический смысл: младшего в родстве, в мире, начинающего путь развития. Поэтому синкретично и название "Школа жуков", поскольку растения и насекомые - начальная ступенька живой природы, а человеческие младенцы сначала тоже лишь "груды сложного мяса". Отсюда понятная связь ассоциаций:

Приятно жить счастливому растенью
Оно на воздухе играет, как дитя.

Орел, товарищем ведом,
Приходит, голоден и хром,
Его, как мальчика, питают,
Ума растенье развивают.

Устойчивый образ начала развития - открыть глаза.

Откройте младенцам глаза,
Развяжите уши
И толкните неопытный разум
На первые подвиги.
(Школа жуков)

И "кукурузы глазок открылся на кончике стебля" и человек жаждет, чтобы его "разум прозрел, и в землю устремил пронзительное око". Школа – путь целеустремленного развития, в том числе и для рождающегося мира – младенца.

И новый мир, рожденный в муке,
Перед задумчивой толпой,
Твердил вдали то аз, то буки,
Качая детской головой.
/ ... /
И букву А огромным хором
впервые враз произнесем.

Посмотрим, как употребляется слово "младенец" в творчестве Н.А.Заболоцкого. В "Столбцах" младенец – слово предикатное, признаковое (так же как и имена птиц, см.:Красильникова 1990). Круг ассоциативной семантики: незрелость, скованность, призрачность существования (ср.: в "Фигурах сна": ласкают призрачных подруг), пребывание во сне или, как в стихотворении "Новый быт", – во внутренней духовной неподвижности при росте массы тела.

За море стелются отряды,
вон – я стою, на мне – шинель,
(с глазами белыми солдата
младенец нескольких недель).
(Пир)
А в темноте – кроватей ряд,
на них младенцы спят подряд;
большие белые тела
едва покрыло одеяло
(Фигуры сна)
Ребенок тихо отвечает:
Младенец я и не окреп
(Незрелость)

Неоднократно предикат младенец соседствует в контексте с определением белый – очень частым в "Столбцах" варианта 1929 года: белая ночь, белый воздух, не месяц – длинное бельмо, белая рубаха (Поприщин), так же как и со сравнением как мел.

Одну из мотиваций возникновения этой ассоциации можно видеть в следующем тексте:

И всюду сумасшедший бред,
и белый воздух липнет к крышам,
а ночь уже на ладан дышит,
качается как на весах.
Так недоносок или ангел,
открыв молочные глаза,
качается в спиртовой банке
и просится на небеса
(Белая ночь)

Возможны и природные ассоциации: Пусть молчаливой дремотой белые дышат поля (Оттепель).

Дважды белый появляется в приложении к лирическому герою при столкновении его со смертью - самоубийством:

И я стою от света белый,
Я в море черное гляжу
(Черкешенка)

И я на лестнице стою,
такой же белый, важный -
я продолжаю жизнь твою,
мой праведник отважный
(Бессмертие)

Оттого, что дважды в тексте происходит уподобление: и я..., этот мотив не может быть случайным. Он говорит о таком внутреннем напряжении в герое, которое и его подводит к вопросу жизни - смерти.

"Белый цвет есть цвет существ, потерявших телесность. Поэтому привидения представляются белыми... Везде, где конь играет культовую роль, он всегда белый" (Пропп 1986, 75). У Заболоцкого белый цвет в "Столбцах" связан, как кажется, с пограничными, неустойчивыми состояниями. Свойство "бесплотности" в определенной модификации этого понятия обнаруживают у ребенка и следующие контексты: "Духи, ангелы и дети на свирелях пели мне", ангелы - "подобье малых деток".

В "Столбцах" с их трагически перевернутым миром неоднократно появляется также тема "убийства младенцев":

проклинает детство, цыпленок, синий от мытья; картофелины мечутся в кастрюльке, головками младенческими шевеля;

когда б мы видели в сиянии лучей
блаженное младенчество растений, -
мы, верно б, опустились на колени
перед кипящею кастрюлькой овощей.

(Обед)

В мире, где все живое связано родством, это действительно, как пишет Н.Н.Заболоцкий (1984), проявление "каннибализма".

Лишь однажды в текстах этого периода появляется младенец, который "слово стройно произнес" - это "младенец - хлеб".

В последующий период происходит перевертывание членов оппозиций: смерть - жизнь, безумие - разум (об этом писала С.В.Кекова - 1986 ; там же см. о других свойствах детей в "Столбцах" - они мечутся, дерутся как волчата и т.п.). Изменилась и семантика слов дети, младенцы. И вне конструкции нового мира в поэмах до самых последних лет в произведениях Н.А.Заболоцкого мелькают таинственные малые существа и малютки.

Природа в стройном сарафане,
Главою в солнце упершись,
Весь день играет на органе,
Мы называем это: жизнь.
Мы называем это: дождь,
По лужам шлепанье малюток

(Поэма дождя)

Около снежных закуток
В первый весенний сосуд
Толпы бессонных малюток
Влагу в ладонях несут.

Кто вы, малютки вселенной?
Вам ли обнять суждено
То, что для жизни мгновенной
Нашему сердцу дано.

(Заболоцкий 1972, 388)

Дождь, движение воды, пробуждение природы - это тоже начальные формы жизни. У Заболоцкого дождь живой (см. "Завещание, "Дождь" - "зародыш, выкормленный тучей", "Под дождем").

Еще малютки:

А на вершинах Зодиака,
Где слышен музыки орган,
Двенадцать люстр плывут из мрака,
Составив круглый караван.
А мы под ними, как малютки,
Сидим, считая день за днем

Эти строки из стихотворения "Отдыхающие крестьяне" через строфу следуют за строками: А мы приклеены к земле / Сидим, как птенчики в дупле.

/.../
боевые слоны подсознания
вылезают и топчутся,
словно исполинские малютки
(Битва слонов)

Как возникло оксюморонное по форме сравнение? Мерцает одна неожиданная связь: в "Торжестве земледелия" о младенце в утробе говорится: "чтобы пуповины провод, крепко вставленный в пупок, словно вытянутый хобот, не мешал развитью ног". Но логика всех употреблений слова малютка свидетельствует, что и здесь оно появилось в той семантической области, где его можно было ждать - на границе сознания, в темной области пред-, околосознания. (Связь с поэзией прямо объяснена поэтом, смысл ее - "соединить безумие с умом").

Мы видим, что одни и те же семантические линии проходят через весь ряд - дети, младенцы, малютки: скованность - освобождение, неподвижность - начало движения, сон - пробуждение, существование "на краю природы, на границе "живого с мертвым, умного с тупым". К природному существованию возвращаются люди после "вочеловеченного" состояния, начиная свой путь снова с малых мира сего.

Процитируем два разновременных текста: "теперь вам братья - корни, муравьи, травинки, вздохи, столбики из пыли... Теперь вам сестры - цветики гвоздик... Здесь с маленьким фонариком в руке жук-человек приветствует знакомых" (Прощание с друзьями).

Предки равнодушною толпой
Сидят в траве и кажутся травой
(Торжество земледелия)

Прошлые и будущие существования смыкаются, зародыши (малютки, младенцы) и предки - одно; нет разрыва в цепи жизни, цепи метаморфоз. "И все существованья, все народы нетленное хранили бытие" - это формула бессмертия.

Школа у Н.А.Заболоцкого - это "общее дело", которое объединяет все живое в движении к этой цели. Недостаточно родиться в мир. Ключевые слова в споре солдата с предками в "Торжестве земледелия": рождать - создавать. Предки отдают предпочтение

Тем, которые рожают,
Тем, которые поют,
Никому не угрожают,
Ничего не создают.

Солдат - дитя рассудка вопрошает:

Не пойдем ли мы обратно,
если будем лишь рожать?

Этот спор сложен и неоднозначен, отношение к предкам - сквозная и развивающаяся тема поэта, но сама оппозиция характерна. Контексты слов рождать, рождаться необычны: "Справляя жизнь, рождаясь от людей, мы забываем о деревьях". Женщины в "Школе жуков" рождают миру толстых, красных младенцев - "горы живого сложного мяса". Речь идет о телесном рождении, но в каждом существе должно пробуждаться и духовное стремление выйти "из потемок". Нужны "усилие воли" цветка, "душевная сила" волка. Поэт "прекрасный образ человека в душе природы заронил", и вот - конь "грезит", корова "на все готова, дабы к сознанию идти", жук трудится, "чтобы сделаться умным". Все овладевают умением "расти из самого себя". Кончается вражда и разбой. Именно у Заболоцкого возможна антонимия: "Не меч ты поднимешь сегодня, природа, но школьный звонок над щитом Кухулина". Мир - большая семья. Момент гармонии в мире запечатлен в стихотворении "Семейство художника", где соединились люди (семья с младенцем), птицы и звери в радостном музициро-

вения. Мы уже отмечали, что слова родства входят у Заболоцкого в особые тесные связи с лексикой преображения, обучения: ученики - дети, природа - учительница и мать, растения - дети садоводов. Причина заключена и в том, что сближены понятия: "рождение" нового существа - воспитание. (Только у Заболоцкого возможна синонимия: воспитать - обратить в, ср.: "Я из растенья воспитал собачку" и "Подумай, можно ли растенье в животное мечтою обратить"), создание нового растения - создание родственного себе существа. Поэты мечтатели, вдохновенные безумцы, герои, жертвующие своим мозгом животным, движут мир. Они дают новое рождение младенцам. "Ты - река, породившая нас", говорят молодые волки безумному волку. Слова рождать (см. выше) и породить семантически разведены. В этой картине мира парадигматические и синтагматические отношения слов оказываются сдвинутыми.

Сдвиги в употреблении многих слов строятся по линиям семантических соответствий. (Один важный смысловой ряд мы здесь не затрагиваем). Можно сделать общее наблюдение: у Н.А.Заболоцкого многие существа проходят через разные ипостаси, а их имена через разные контексты. Прежде всего это: одухотворенная сущность - заурядная обыденность, конь - лошадь (Лицо коня), великая актриса - недобрая старуха, рождать - породить и т.д. (см. также: Красильникова 1990). Для выражения этих отношений иногда используются разные лексемы и слова разной стилистической окраски: конь - лошадь, лицо (лик) - морда. Ср.: лицо волшебное коня и конских морд собор (Обводный канал), Волк вместо разбитой морды приделал себе человеческое лицо (Битва Слонов), /пастух/ "поражен животных ликом, стоял недвижим, очарован последним возгласом печали" (Заболоцкий, 1972, 380). Вариативны в контексты слова младенец, если отвести особый круг употреблений этого слова в "Столбцах", то среди других - также можно выделить сугубо прозаические: "Два младенца грудь сосут"... (Торжество земледелия) и возвышенные (это относится и к производным: младенческий, младенчество).

В средний и поздний период поэт пишет о детстве и младенчестве как о золотом запасе, как о ценности, одухотворяющей всю жизнь человека.

Весь класс молчал, как бы завороженный,
Лариса чувствовала: огонек, заженный
Ее словами, будет вечно жить
В сердцах детей.
(Урал)

Мерцают ободки младенческих зениц...

А девочка глядит. И в этом чистом взоре
Отображен весь мир до самого конца.
Он, этот дивный мир, поистине впервые
Очаровал ее, как чудо из чудес,
И вглубь души ее, как спутники живые,
Вошли и этот дом, и этот сад, и лес.
И много минет дней. И боль сердечной смуты,
И счастье к ней придет. Но и жена и мать,
Она блаженный смысл короткой той минуты
Вплоть до седых волос все будет вспоминать.
(Детство)

Сказания народа,
Их мудрость темная, но милая вдвойне,
Как эта древняя могучая природа,
С младенчества запали в душу мне...
(Голубиная книга)

Тот, кто жизнью живет настоящей,
Кто к поэзии с детства привык,
Вечно верует в животворящий,
Полный разуме русский язык.
(Читая стихи)

И девочка ликует и смеется,
Охваченная счастьем бытия...
Ей все на свете бак безмерно ново,
Так живо все, что для иных мертво.
(Некрасивая девочка)

В последнем стихотворении нельзя не выделить и выражение "младенческая грация души". Ликует от счастья бытия, ощущает мир как чудо, как вечную новизну, знает блаженный смысл мгновенья, чувствует сродненность с природой и сказаниями народа, верует в животворящую силу родного языка. Из этих черт складывается определенное мироощущение – это мироощущение ПОЭТА. "Все принял он в себя и каждое созданье в своей душе, любя, отобразил" (Лодейников в саду). Напомним еще строки стихотворения "Вечер на Оке".

В очарованьи русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику дана.
Когда вечерний луч таинственно блеснет,
Обыденности плотная завеса
С ее красот мгновенно упадет...
И ты, ликуя, множество диковин
В его живых чертах распознаешь.

Сохранение детского видения – поэтического видения, проникающего за плотную завесу обыденности, необходимо, чтобы не "исчезнули при свете просвещенья поэзии ребяческие сны" (Е.Боратынский).

Литература

Воспоминания 1970 – Воспоминания о Заболоцком. М.,1977.

Заболоцкий 1984 – Заболоцкий Н.Н. Взаимоотношения человека и природы в поэзии Н.А.Заболоцкого // Вопросы литературы, 1984, № 2.

Заболоцкий 1987 – Заболоцкий Н.Н. Мысль и слово молодого Заболоцкого. Вступительная статья к сб. Н.А.Заболоцкий: "Вешних дней лаборатория". М., 1987.

Кекова 1987 – Кекова С.В. Поэтический язык раннего Заболоцкого (опыт реконструкции). Дис. ...канд. филол.наук. Саратов, 1987.

Красильникова 1990 – Красильникова Е.В. Птицы. Образные связи в поэзии Н.А.Заболоцкого//Поэтика и стилистика.М.,1990.

Павловский 1984 – Павловский А.И. Советская философская поэзия. Л., 1984.

Пропп 1986 – Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 1986.

Тексты цитируются по изданиям: Н.А.Заболоцкий. Избранные произведения в 2-х томах. М., 1972; Н.А.Заболоцкий. Вешних дней лаборатория. М., 1987.

М.В.Панов – социолингвист

Социологический подход к изучению языка издавна был присущ отечественной лингвистике. Достаточно вспомнить И.А.Бодуэна де Куртенэ с его идеей "горизонтального" (т.е. территориального) и "вертикального" (социального) членения языка, с его вниманием к социально ограниченным языковым образованиям. Продолжением и развитием идей И.А.Бодуэна де Куртенэ явились работы Е.Д.Поливанова, который, как известно, замышлял создание особой дисциплины – социологической лингвистики – и в развитие этой дисциплины опубликовал целую серию статей о социально обусловленных изменениях в русском языке послеоктябрьского периода, о социально-групповых диалектах, методологии анализа языковых фактов под социальным углом зрения и др. (см. об этом Крысин 1981).

По сути социолингвистическими являются и некоторые работы Л.П.Якубинского, А.М.Селищева, Б.А.Ларина, Г.О.Винокура, В.В.Виноградова, В.М.Жирмунского, Р.О.Шор, М.Н.Петерсона, М.М.Бахтина (обзор этих работ см. Баранникова 1970, Гухман 1972, Орлов 1969).

Этот ряд блестящих имен прошлого должен быть продолжен именем нашего современника – Михаила Викторовича Панова.

В его работах мы находим не только развитие и дальнейшую разработку идей предшественников, прежде всего И.А.Бодуэна де Куртенэ и Е.Д.Поливанова, но и новаторство в осмыслении языковых фактов в связи с социальными процессами и отношениями. Это новаторство проявилось в двух направлениях – в истолковании изменений, которые претерпел за последние десятилетия русский язык, и в разработке методики изучения современной речи, ее "социальной паспортизации". Первое направление, как это вполне очевидно, касается эволюции, развития языка, второе – его функционирования в обществе.

Что же нового внес М.В.Панов в диахроническую и синхроническую интерпретацию языковых явлений? Чтобы ответить на этот вопрос, остановимся кратко на характеристике разработанной М.В.Пановым т е о р и и а н т и н о м и й языково-

го развития и предложенной им концепции м а с с о в о г о о б с л е д о в а н и я говорящих.

I

Мысль о связи развития языка с развитием общества давно стала в лингвистике общим местом, своего рода аксиомой: ясно, что, существуя в обществе, обслуживая его коммуникативные нужды, язык не может быть свободен от социальных влияний. В большинстве работ прошлого эта мысль так или иначе и л л ю с т р и р о в а л а с ь материалом, характеризовавшим развитие конкретных языков. Иначе говоря, "общее место", аксиома воплощалась в некоторый набор фактов. Однако никакой социально ориентированной т е о р и и языковой эволюции при этом не возникало: описание конкретных изменений, даже "привязанное" к определенным социальным сдвигам, сохраняло фактографичность, атомарность.

М.В.Панов предложил рассматривать эволюцию языка в русле основного закона диалектики - закона единства и борьбы противоположностей. В такой формулировке предложение выглядит тривиальным. Однако ученый убедительно показывает, что в языке указанный закон получает качественно своеобразное воплощение - в виде так называемых а н т и н о м и й .

Важнейшие из антиномий следующие: антиномия говорящего и слушающего, системы и нормы, кода и текста, регулярности и экспрессивности. На каждом конкретном этапе развития языка антиномии разрешаются в пользу то одного, то другого из противоборствующих начал, что ведет к возникновению новых противоречий, и т.д. - окончательное разрешение антиномий невозможно (это означало бы, что язык остановился в своем развитии).

Так, конфликт говорящего и слушающего разрешается то в пользу первого, то в пользу второго: то в языке получает развитие "редуцированные" способы выражения - процесс, отражающий интересы говорящего, то, при других социальных условиях, начинают преобладать расчлененные формы и конструкции (что отвечает интересам слушающего). Например, в русском языке послеоктябрьского периода была сильна тенденция к сокращению наименований, к стяжению их в одно слово-аббревиатуру (этот

процесс затронул и чисто бытовые формы речи: ср. отражение его в литературе 20-х годов, например, в "Дневнике Кости Рябцева" Н.Огнева, "Республике ШКИД" А.Белых и Л.Пантелеева и др.[I] В современном языке наряду с аббревиатурами широко распространены расчлененные наименования типа инженер по технике безопасности, заместитель директора по кадрам, шагающий экскаватор и т.п., не сокращаемые до слоговых или инициальных аббревиатур.

Антиномия системы и нормы разрешается то в пользу системы - и тогда в узус допускаются формы, соответствующие системным возможностям языка, но противоречащие нормативной традиции, - то в пользу нормы, и тогда формы, разрешаемые системой, норма "отфильтровывает", оставляя в употреблении одни и запрещая другие. Например, в современном просторечии двувидовые глаголы подвергаются процессу имперфективации: от глаголов использовать, атаковать, мобилизовать, организовать и под. образуются формы использовывать, атаковывать, мобилизовывать, организовывать. Некоторые из этих форм (например, атаковывать, организовывать) допускаются в литературное употребление, однако в целом традиционная норма активно противится подобным инновациям (о нормативной оценке таких глагольных образований см., в частности, Обнорский 1935). Не исключена возможность, что в будущем, на следующих этапах развития русского языка имперфектные формы двувидовых глаголов (само образование которых не противоречит возможностям русской морфологической системы и свидетельствует о действии в языке тенденции к установлению одно-однозначных соответствий между формой языковой единицы и ее содержанием) войдут в литературное употребление, сделаются нормативными (подробнее об этом см. Мучник 1961, Русский язык... 1968, III, § 68).

Характерная для современной морфологии экспансия флексии -а (-я) в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода, распространение ее на все более широкий круг этих существительных - пример разрешения конфликта между системой и нормой в пользу системы. Однако в разных сферах русского национального языка этот процесс реализуется с неодинаковой степенью полноты: для профессиональной речи формы на -а (-я) естественны и органичны (ср. взвода

в языке военных, пеленга́ - у моряков, суп́а и торта́ - у поваров и кондитеров и т.п.), не менее частотны они в просторечии, где возможны даже очередя́, площадя́ вместо очереди, площади, (т.е. экспансии флексии - а́ (-я́) подвержены и существительные женского рода), а литературный язык, во-первых, тщательно фильтрует эти формы, пропуская в употребление одни и отсеивая другие, и, во-вторых, значительную часть уже допущенных в оборот форм ограничивает по сфере употребления (ср. словарные пометы типа "разг.", "прост.", "проф.", которыми снабжаются многие формы на -а́ (-я́).

Антиномией кода и текста М.В.Панов обозначил противоречие между набором языковых единиц (фонем, морфем, слов) и текстом, который строится из этих единиц. Чем меньше набор единиц, тем длиннее должен быть текст, и наоборот. В развитии языка действуют две противоборствующие тенденции: к сокращению - и, значит, упрощению - кода (набора единиц, знаков) и к сокращению, т.е. упрощению, текста. Разрешается это противоречие то в пользу кода, то в пользу текста.

Известный пример сокращения набора знаков в современной русской лексике - постепенное вытеснение из речевого оборота слов шурин, деверь, золовка и появление на их месте описательных наименований брат жены, брат мужа, сестра мужа. В последнее время такому вытеснению стали подвергаться и некоторые другие термины непрямого родства: вместо тесть все чаще говорят отец жены, вместо свекровь - мать мужа, вместо свекор - отец мужа; заметим, однако, что слову теща, которое в русской культурно-речевой традиции осложнено множеством коннотативных связей, подобное вытеснение, по-видимому, не грозит.

Пример увеличения кода: заимствование иноязычных слов для обозначения понятий, которые по-русски могут быть названы только описательно: блюминг - вид прокатного стана, свитер - вязаная фуфайка, надеваемая через голову, круиз - морское путешествие и т.п. (см. об этом Крысин 1968, 26-30). Можно было бы в подобных случаях обойтись и без заимствований, не увеличивая число знаков словарного кода. В таком случае пришлось бы пойти на удлинение текста - из-за употребления описательных оборотов, обозначающих указанные понятия. Ха-

рактерно, что в русском языке 20-х годов преобладали описательные, "разъясняющие" наименования, что было вполне понятно и оправданно в условиях демократизации литературного языка, приобщения к нему широких масс людей, которые раньше не владели литературной нормой (увеличение словаря путем новых иноязычных заимствований означало бы для них еще одну трудность в освоении литературного языка). Русский язык наших дней (т.е. второй половины XX века) идет по пути достаточно интенсивного заимствования и освоения новых иноязычных слов. Особенно заметен этот процесс в специальных терминологиях, в профессиональной речи.

Действие антиномий кода и текста также небезразлично к тому, в какой языковой подсистеме, в какой речевой среде она проявляется. Как правило, эта антиномия разрешается в пользу кода (он увеличивается) в социально замкнутых коллективах говорящих: ср. парадигматически детализированный и разветвленный словарь в профессиональных жаргонах, установление одно-однозначных соответствий между означаемым и одноэлементным означающим в специальных терминологиях и искусственных языках. Напротив, в социально не замкнутых, "текучих" коллективах, где языковые привычки говорящих постоянно испытывают воздействие речевых особенностей других групп, вливающихся в состав носителей данной языковой подсистемы, код сокращается, зато текст испытывает тенденцию к удлинению. Это естественно: в речи людей, составляющих подобные текучие коллективы, сохраняются лишь знаки, общие для всех членов коллектива. С помощью этого набора знаков (слов, аффиксов и т.п.) передается любое содержательное сообщение, причем объединение различных знаков, необходимое для выражения тех или иных смыслов (которым нет "однознакового" соответствия в коде), ведет к увеличению текста.

Антиномия регулярности и экспрессивности питается соответственно информационной и эмотивной функциями языка. Информационная функция наиболее последовательно выражается с помощью однотипных, стандартных, регулярно образуемых языковых средств (передача информации эффективна без наличия "шума", а в качестве такового может выступать неоднозначность или метафоричность языковой единицы, нестандартность ее структу-

ры и т.п.). Эмотивная функция, напротив, в своем выражении опирается на экспрессивную окрашенность языковых единиц, их идиоматичность, т.е. на такие свойства, которые "противопоказаны" стандарту.

Пример противоборствующих тенденций к регулярности и к экспрессивности - создание, с одной стороны, упорядоченных систем специальных терминологий в соответствующих подъязыках, со строго стандартными дефинициями и "прозрачными" отношениями между терминами внутри тематических групп, и, с другой, метафоризация общеупотребительных слов с целью создания экспрессивных профессионально-жаргонных аналогов к официальным терминам.

И эта антиномия, как легко видеть, не асоциальна: при одних условиях развития и функционирования языка, в одних коллективах говорящих легче побеждает тенденция к регулярности, при иных социальных условиях и в иных социальных группах - тенденция к экспрессивности. Так, в развитых литературных языках, особенно в книжной разновидности каждого из них, рельефно проявляется тенденция к регулярности: это способствует стабильности литературной нормы, а в групповых (профессиональных и социальных) жаргонах сильна тенденция к экспрессивности.

Как видно на примере рассмотренных антиномий, разрешение каждой из них в пользу то одного, то другого из противоборствующих начал зависит от конкретных условий функционирования языка в данном обществе; иными словами, хотя сами антиномии внутренне присущи языку и характеризуют собственное его развитие, их действие с о ц и а л ь н о о б у с л о в л е н о.

В качестве такого обусловливающего начала выступают с о ц и а л ь н ы е ф а к т о р ы. Социальные факторы неодинаковы по своему влиянию на язык, имеют разную лингвистическую значимость. Одни из них, г л о б а л ь н ы е, действуют на все уровни языковой структуры, другие, ч а с т н ы е, в той или иной мере обусловливают развитие лишь некоторых уровней.

"Что же надо считать внешними, собственно социальными факторами развития языка? Изменение круга носителей языка, распространение просвещения, территориальные перемещения на-

родных масс, создание новой государственности, по-новому влияющей на некоторые сферы языка, развитие науки и т.д. и т.п. - все это прямо или косвенно меняет условия бытования языка. Число этих факторов, влияющих на язык, огромно" [Русский язык... 1968, I, 34-35].

Примером глобального социального фактора является изменение состава носителей языка. Оно ведет к изменениям в фонетике, в лексико-семантической системе, в синтаксисе и, в меньшей степени, в морфологии языка. Так, изменение состава носителей русского литературного языка после революции повлияло на произношение (в сторону его буквализации), на словарь (заимствование слов из диалектов и просторечия повлекли за собой перестройку парадигматических отношений между элементами словаря), на синтаксис (в литературный оборот были вовлечены конструкции, до тех пор распространенные лишь в просторечии и диалектах), на морфологию (например, увеличилась частотность форм на -а́ (-я́) в им. падеже множ. числа существительных мужского рода, особенно характерных для профессиональной речи и просторечия).

Пример частного социального фактора - изменение традиций усвоения литературного языка. Раньше преобладала устная традиция - в семейном общении. В новых социальных условиях (после революции) стала распространяться и даже преобладать форма приобщения к литературному языку через книгу. Этот фактор повлиял главным образом на нормы произношения: наряду с традиционными произносительными образцами стали распространяться новые, более близкие к орфографическому облику слова: например, произношение [шн] в словах типа коричневый, сливочное (масло), гречневая (каша) и подобных было вытеснено произношением сочетания [чн]; в словах скучный, скучно, прачечная, булочная и нек. др. процесс такого вытеснения наблюдается в наши дни.

Каков м е х а н и з м воздействия социальных факторов на развитие языка? Этот вопрос интересует Панова-диахрониста в связи с эволюцией русского языка в XX веке, в частности - в связи с изменениями его фонетической системы.

Идущая от Е.Д.Поливанова идея не о непосредственном, а лишь об ускоряющем или замедляющем влиянии социальных факто-

ров на языковые процессы нуждается в конкретизации. Первый шаг на пути конкретизации – мысль о том, что влияние социального на язык не может быть деструктивным, разрушающим [Панов 1962, Русский язык... 1968, I, 35][2]. А каков "созидающий" эффект социального воздействия на язык? В работе [Панов 1988] дан глубокий и в то же время наглядный анализ влияния различных факторов на изменения в фонетике. Не все из этих факторов кажутся социальными, но это лишь на первый взгляд: как было убедительно показано в [Русский язык... 1968], даже внутренние стимулы развития языка не асоциальны – они в той или иной степени подвержены влиянию социальной действительности.

Теория языковых антиномий и связанные с нею размышления о характере социальных воздействий на язык получили отражение как в только что упомянутой монографии 1968 года (и связанных с нею публикациях: см., например, [Русский язык... 1962, Панов 1962, 1963, 1966]), так и в более поздних по времени работах Михаила Викторовича (см., в частности, [Панов 1988, 1990]).

Не будет, однако, неправды в утверждении, что по основным своим лингвистическим склонностям и интересам М.В.Панов – синхронист: он любит рассматривать факты языка не в их эволюции, а в их отношениях друг с другом. И даже в работе [Русский язык... 1968], посвященной развитию языка, сказалась его "синхроническая" натура: он предложил эволюцию русского языка анализировать по определенным с и н х р о н н ы м с р е з а м, что дает возможность сравнивать разные этапы развития языка.

Основные же идеи Панова-синхрониста, касающиеся социальной обусловленности языка, нашли выражение в его концепции м а с с о в о г о о б с л е д о в а н и я русской речи.

II

Одни из идей, образующих эту концепцию, касаются социально обусловленных подсистем современного русского языка, другие воплотились в предложенных и разработанных М.В.Пановым приемах обследования говорящих и их речевой практики.

Так, М.В.Панов первым высказал мысль о существовании особого разговорного языка (РЯ) - первоначально на материале наблюдений над разговорным синтаксисом (см. Русский язык... 1962, 77, 97) - как коммуникативной системы, которой пользуются в условиях непринужденного общения носители литературного языка. Представление о РЯ как об особой и при этом самодостаточной подсистеме, имеющей определенные условия своей реализации[3], опровергало распространенный взгляд на разговорную речь как на стилистическую разновидность ("обиходно-разговорный стиль"[4]) литературного языка. Выраженная в заостренной и даже категорической форме, мысль о самодостаточности РЯ казалась многим русистам маловероятной. Однако по мере конкретизации этой мысли в инициированной М.В.Пановым серии работ по русской разговорной речи (см.: РРР-1973, РРР-Тексты-1978, Земская и др. 1981, РРР-1983, Разновидности 1989) она утратила свою первоначальную декларативность, превратилась в обоснованную языковыми фактами теорию.

Убедительность этой теории не в последнюю очередь определяется тем обстоятельством, что исследователи русской разговорной речи ведут м а с с о в н ы е записи, анализируют речь многих десятков информантов. Делается это для того, во-первых, чтобы получить надежные, объективные данные, избежать случайных и односторонних выводов, и, во-вторых, чтобы выявить социально обусловленные различия в реализации разговорного языка[5]. Такие различия особенно заметны в произношении. При этом они "многоплановы", т.е. зависят от разных характеристик носителей литературного языка, разных социальных условий его существования. Вот как пишет об этом М.В.Панов"

"Нормы литературного произношения в современном русском языке в значительной степени вариативны. Желательны эти варианты или нет, они должны быть изучены.

Существуют территориальные разновидности литературного произношения: московская, ленинградская, южнорусская, средневолжская и т.д. Особо надо отметить разновидности литературного русского произношения, возникающие в условиях двуязычия: на Украине, в Грузии, Литве, Татарии и т.д., а также в некоторых странах за пределами Советского Союза.

В каждой такой локальной разновидности литературного

языка существуют различия в произношении между поколениями и между социальными группами.

Существуют вместе с тем и внетерриториальные разновидности литературной речи: это сценическая и радиоречь. В действительности они внетерриториальны только в идеале; реально различаются нормы в разных театрах и внутри театров – у разных поколений.

Наконец, каждая из этих разновидностей должна быть изучена в ее стилистических вариантах.

Существенны лишь типические черты каждой из этих разновидностей произношения; следовательно, необходимо массовое фонетическое обследование" [Панов 1966, 173][6].

Необходимость массового обследования говорящих первоначально и была обоснована применительно к изучению литературного произношения[7]. С этой целью М.В.Панов составил "Вопросник по современному русскому литературному произношению" (М., 1959 и 1960). Этот вопросник замечателен несколькими присущими ему свойствами.

Во-первых, он опровергает бытующее среди лингвистов высокомерное мнение об анкетном методе изучения произношения как о "бумажной фонетике": с помощью искусно составленных контрольных вопросов здесь удается ослабить влияние на информанта внешнего облика слова, его орфографии, отвести, забраковать (и, стало быть, в дальнейшем не учитывать) ответы тех, кто "не слышит себя", а также тех, у кого проявляются диалектные произносительные навыки; наконец, разная форма вопросов об одном и том же фонетическом явлении позволяет увеличить надежность ответов информантов, заполняющих вопросник. И все же вопросник есть вопросник: при использовании его как инструмента фонетического обследования говорящих сохраняется опасность получить искаженную, смещенную картину произносительных навыков носителей языка. Чтобы избежать этой опасности, нужны данные объективные, характеризующие не самооценку информанта, а его спонтанную (или приближенную к спонтанной) речь.

И М.В.Панов дополняет анкетную ("вопросничную") методику другим приемом изучения произносительной нормы – чтением специально составленного текста. Такой текст, максимально непри-

нужденный и естественный по стилю, М.В. составил и обосновал его с точки зрения включенных в текст фонетических явлений и с точки зрения методики записи его чтения [Панов 1966]. Сейчас этот хорошо известный среди фонетистов рассказ о леснике Антоныче не только широко используется в экспериментальных социофонетических исследованиях, но и модифицируется, дополняется в зависимости от конкретных задач исследования (см., например, работы: [Григорьева 1980, Кильцова 1987, Бебриш 1990], где применена разработанная М.В.Пановым методика экспериментального социофонетического анализа русского литературного произношения в его вариантах).

Во-вторых, вопросник позволил получить м а с с о в ы й материал: с его помощью было обследовано несколько тысяч носителей современного русского литературного языка. Тем самым в значительной степени был ослаблен фактор случайности, неизбежный при простом (пусть даже и повторяющемся) слуховом наблюдении за спонтанной речью.

В-третьих, социологическая анкета, предваряющая вопросник и содержащая лингвистически значимые характеристики говорящих (возраст, пол, уровень образования, знание иностранных языков, профессию, территориальную принадлежность и нек. др.), обеспечивает возможность проследить и выразить количественно целый ряд зависимостей между фонетическими навыками информантов и их социальными параметрами.

В-четвертых, вопросник хорош как инструмент повторных массовых обследований. Например, для выяснения динамики социофонетических процессов, тех изменений, которые претерпевает произносительная норма во времени, можно распространить вопросник среди информантов, имеющих те же (или близкие) социальные характеристики, что и в первом обследовании. Заметим, что при обычных слуховых наблюдениях это условие трудновыполнимо.

Вслед за "Вопросником по произношению" и по его образцу под руководством М.В.Панова были составлены вопросники по морфологии, словообразованию, лексике. Значительная часть социолингвистического материала, полученного с помощью этих вопросников, была обработана, прокомментирована и опубликована в работах [Русский язык... 1968, Русский язык... 1974, [Социаль-

нолингвистические исследования 1976].

Социофонетические и, шире, социолингвистические обследования говорящих важны для теории языка, в частности для теории литературной нормы: они позволяют представить норму в виде сосуществующих систем, обусловленных социальной неоднородностью носителей литературного языка. Но такие обследования дают необходимую основу и практическим рекомендациям относительно тех или иных нормативных образцов. Так, "социофонетика помогает орфоэпии": она устанавливает "реальную, а не мнимую распространенность норм" [Панов 1979, 211]. Рекомендуя тот или иной способ произношения как более предпочтительный, лингвисты могут опираться на данные социофонетических обследований. Другое полезное свойство социофонетического подхода к изучению произношения: "социофонетика помогает понять фонетические законы", так как данные социофонетических обследований нередко свидетельствуют об укреплении одних фонетических закономерностей и ослаблении других - например, о возрастании различительной способности твердых и мягких согласных перед [э] [Панов 1979, 213,214].

Одной из характерных черт Панова-социолингвиста является его приверженность языковой реальности, произносительному факту. Эта черта только внешне кажется противоречащей известной любви Михаила Викторовича к геометризму теоретических построений. В действительности тщательное изучение фактического состояния произносительной нормы на том или ином синхронном срезе языка укрепляет фонетическую теорию, способствует ее геометризму.

Такова, например, роль ф о н е т и ч е с к и х п о р т р е т о в - описаний индивидуальных произносительных навыков и привычек тех или иных людей (деятелей культуры, актеров, поэтов, лингвистов и др.). Эти навыки и привычки не просто находятся в пределах литературной нормы (данного времени) - они являются ее образцами; они характеризуют экспрессивно-стилистическое использование фонетических средств говорящим [Панов 1990, 14]. Хотя по форме фонетический портрет индивидуализирован (см. в указанной работе фонетические портреты А.А.Реформатского, В.Н.Яхонтова, А.А.Вознесенского, Е.Д.Турчаниновой, В.Н.Рыковой, Д.Н.Ушакова, А.С.Пушкина, Л.Н.Толсто-

го, Петра Первого, М.В.Ломоносова и других - книга построена именно так: от современности к началу XVIII века), одновременно он отражает особенности определенной социально-языковой среды, представителем которой является "портретируемый". Да это видно и из обоснований автором выбора "моделей" для создания портретов: они принадлежат к тому или иному поколению, социальному слою, в их речи прослеживается определенная культурная (театральная, поэтическая, бытовая...) традиция, нередко локально или профессионально ограниченная: ср. противопоставление московской и петербургской (ленинградской) произносительных традиций, роль Малого театра как непререкаемого речевого авторитета в конце XIX - начале XX вв. и т.п. (см. Панов 1990, 59,159,253,418].

Поэтому сама идея фонетического портрета и ее воплощение в ряде блестящих портретных описаний, данных в указанной книге М.В.Панова, важны и плодотворны для социолингвистики. Расширяя перечень составляющих портрет характерных признаков путем привлечения морфологических, синтаксических, лексических черт, особенностей стилистического использования единиц различных уровней языка, можно создавать уже не фонетические, а лингвистические портреты, точнее - социолингвистические, поскольку описание языковых особенностей того или иного человека почти всегда означает и характеристику его как представителя определенной социальной среды.

x x x

Заканчивая этот краткий и неполный очерк социолингвистических взглядов М.В.Панова, хотелось бы подчеркнуть, что его идеи недостаточно оценены в современной социолингвистике. Они признаны и развиваются прежде всего в науке о русском языке, в исследованиях по современной русской фонетике, по разговорной речи. Но несомненно, что они имеют и более широкое теоретическое значение, так как указывают перспективные и плодотворные пути изучения языка (не только русского) под социальным углом зрения.

Примечания

I. Ср.: " – Ну, довам, – сказал я на прощанье. – Это как же понимать? – Доволен вами, это вместо "спасибо". Спасибо – это ведь спаси бог и, значит, – религиозное" (Н.Огнев Дневник Кости Рябцева).

2. Правда, из этого общего правила бывают исключения: "Лишь в редких случаях социальное воздействие приводит к скрещиванию разных языков, создающему новое целое, причем одна из образующих систем формирует субстрат, а другая – суперстрат в этом новом целом. Исходные языковые системы при этом, естественно, перестают существовать для данного языкового коллектива – и в этом смысле они разрушаются" [Русский язык...I968, I,35].

3. "Для того, чтобы в речи объявился, "обнаружился" РЯ, нужны определенные условия. Основное – неофициальные отношения между говорящими... На РЯ говорят в тех случаях, когда нужно показать, что отношения между говорящими дружеские, приятельские, добрососедские, отношения хороших знакомых или незнакомых, но расположенных друг к другу людей. Таким образом, РЯ говорит о самом говорящем и о его собеседнике (или собеседниках), об их отношениях" [Панов I990, I9].

4. М.В.Панов не отрицает существование особого разговорного стиля, который находится в пределах кодифицированного литературного языка и выражается в подборе специфической лексики, иногда – специфических синтаксических конструкций; фонетических признаков у разговорного стиля нет. Приравнивать разговорный язык и разговорный стиль кодифицированного литературного языка нет никаких оснований [Панов I979, 220].

5. М.В.Панов разграничивает термины "разговорный язык" и "разговорная речь": "Разговорной речью называем такую, в которой реализуется разговорный язык. Иногда разговорный язык условно называют разговорной речью, но оговаривают эту условность" [Панов I979,220]. В современных работах по русской разговорной речи принято именно такое условное употребление термина "разговорная речь".

6. Конечно, самостоятельность каждой такой локальной разновидности не стоит преувеличивать: это, скорее, та или

иная (диалектная, обусловленная иноязычным окружением и т.п.) о к р а с к а литературной речи (см. об этом: [Ерофеева 1979, Крысин 1989]), и, безусловно, М.В.Панов прав, когда на основании сопоставления различных локальных черт литературного произношения приходит к выводу: "сложение целостных локальных подсистем русского литературного языка маловероятно" [Панов 1990, 55].

7. Примечательна перекличка идей и методов социофонетических исследований М.В.Панова с идеями и методами американского социолингвиста У.Лабова, разрабатывавшимися примерно в те же годы (первая социофонетическая статья У.Лабова была опубликована в 1964 году: см.[Лабов 1964]. И у Панова, и у Лабова - ясное понимание вариативности как естественного свойства языка (даже нормированного); четкая ориентация на речевую реальность, в которой проявляется зависимость произносительных навыков от возрастных, социальных, территориальных и других характеристик говорящих; последовательно выраженное стремление количественно измерить наблюдаемые произносительные различия; наконец, для обоих характерна изобретательность в методике социофонетического обследования носителей языка. (Разумеется, есть и значительное несходство этих двух ученых во взглядах на язык, в понимании задач лингвистики, но здесь речь не об этом).

Литература

Баранникова 1970 - Баранникова Л.И. Проблемы социальной лингвистики в развитии советского языкознания // Язык и общество. Вып.2. Саратов, 1970.

Бебриш 1990 - Бебриш Н.Н. Социолингвистическое исследование локальных особенностей литературного произношения (ударный вокализм в речи интеллигенции г. Красноярска). АКД. Свердловск, 1990.

Григорьева 1980 - Григорьева Т.М. Социолингвистическая обусловленность произносительной нормы в условиях диалектного окружения (на материале ассимилятивного смягчения согласных в современном русском языке). АКД. М., 1980.

Гухман 1972 - Гухман М.М. У истоков советской социальной

лингвистики // Иностранные языки в школе, 1972, № 4.
Ерофеева 1979 – Ерофеева Т.И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи. Пермь, 1979.
Кильцова 1987 – Кильцова Т.П. Социолингвистическое исследование локальных особенностей русского литературного произношения (предударный вокализм в речи жителей г. Красноярска). АКД. Томск, 1987.
Земская и др. 1981 – Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
Крысин 1981 – Крысин Л.П. Е.Д.Поливанов – социолог языка // Русский язык в школе, 1981, № 2.
Крысин 1968 – Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
Крысин 1989 – Крысин Л.П. Социолингвистическик аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
Лабов 1964 – Labov W. Phonological correlates of social stratification. – American Anthropologist, vol.66, no.6.1964.

Мучник 1961 – Мучник И.П. Двувидовые глаголы в русском языке // Вопросы культуры речи, вып.3. М., 1961.
Обнорский 1935 – Обнорский С.П. Глагол использовать – использовывать в современном русском языке // Язык и мышление. Т.3-4. М., 1935.
Орлов 1969 – Орлов Л.М. Из истории советской социальной лингвистики 20-30-х годов // Уч. зап. Волгоградского пединститута. Вып.2. Волгоград, 1969.
Панов 1962 – Панов М.В. О развитии русского языка в советском обществе // Вопросы языкознания, 1962, № 3.
Панов 1963 – Панов М.В. О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX века // Вопросы языкознания, 1963, № 1.
Панов 1966 – Панов М.В. О тексте для фонетической записи // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966.
Панов 1972 – Панов М.В. О литературном языке // Русский язык в национальной школе, 1972, № 1.
Панов 1979 – Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

Институт русского языка им. В.В. Виноградова
www.ruslang.ru

Панов 1988 – Панов М.В. О причинах фонетических изменений // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М., 1988.

Панов 1990 – Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990.

Разновидности 1989 – Разновидности городской устной речи / Под ред. Земской Е.А. и Шмелева Д.Н. М., 1989.

РРР-1973 – Русская разговорная речь / Под ред. Земской Е.А. М., 1973.

РРР-Тексты-1978 – Русская разговорная речь. Тексты / Под ред. Земской Е.А. и Капанадзе Л.А. М., 1978.

РРР-1983 – Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Под ред. Земской Е.А. и Китайгородской М.В. М., 1983.

Русский язык... 1962 – Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962.

Русский язык... 1968 – Русский язык и советское общество. Кн. I–IV. / Под ред. Панова М.В. М., 1968.

Русский язык... 1974 – Русский язык по данным массового обследования. Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. Крысина Л.П. М., 1974.

Социально-лингвистические исследования / Под ред. Крысина Л.П., Шмелева Д.Н. М., 1976.

Е.А.Земская, М.В.Китайгородская,
Н.Н.Розанова

Особенности мужской и женской речи

Обращаясь к социальным аспектам изучения языка, М.В.Панов писал, что основная задача, стоящая перед социолингвистикой, состоит в том, чтобы показать, "какие стороны языка обнаруживаются в его социальной жизни, в распределении его вариантов среди разных слоев населения" (Панов 1979, 207). Изучая социофонетические закономерности, М.В.Панов отмечал: "Каждая произносительная черта современного русского языка существует в особом "силовом поле"; это поле образовано социальными факторами. Они либо укрепляют, поддерживают эту черту, либо ослабляют ее, уменьшают ее распространенность, сопротивляются ее стабилизации.

Если это так, то сами социальные факторы надо рассматривать как факторы лингвистические. Изучение этих факторов как лингвистических только еще начинается, но уже получены содержательные результаты" (Панов 1979, 216).

В 60-е-70-е годы в Отделе современного русского языка была проведена целая серия исследований, посвященных социолингвистическим проблемам [1]. В них рассматривались различные социальные факторы и их влияние на функционирование языка. Эти труды в значительной мере были основаны на данных Вопросников по произношению, словообразованию, морфологии и лексике (Вопросники 1963-1964), разработанных под руководством М.В.Панова. Вопросники начинались социолингвистической анкетой, содержащей среди прочих параметров и разграничение мужчина/женщина, которое, однако, при конкретной обработке материала не учитывалось. Таким образом, важнейшее деление людского рода на две части (мужчины - женщины) до недавнего времени не привлекало к себе специального внимания лингвистов.

Социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика изучали различия в языке и его употреблении, связанные с различиями между разными группами людей, не обращая внимания при этом на различия по полу. Изучались группировки иного рода,

отражающие дифференциацию социальную, возрастную, профессиональную, локальную (место рождения и жизни), этническую и др. Лишь в сравнительно недавнее время ученые стали обращать специальное внимание на особенности мужской и женской речи. Наиболее активно, насколько нам известно, подобного рода исследования ведутся в США, Англии, Скандинавии, несколько позднее эта проблематика стала разрабатываться в ФРГ, см., например, (Коутс 1986; Икинс, Икинс 1978).

Выявление типических особенностей мужской и женской речи затруднено тем обстоятельством, что между мужской и женской речью в русском языке нет резких, непроходимых границ. Отмечаемые нами далее особенности мужской и женской речи являются не непреложными законами, но тенденциями употребления. Это свойственно женщинам, это типично для женщин, а это типично для мужчин - говорим мы, не утверждая, что так и только так говорят мужчины или женщины. Нередки случаи, когда те или иные явления, обнаруженные в речи мужчин и женщин, связаны с особенностями их психического склада, характера, профессии, роля в социуме, но не с различием по полу. В своих наблюдениях и выводах мы стремились дифференцировать подобные факты и не все, записанное в речи мужчин или женщин, считать принадлежностью мужской или женской речи соответственно. Итак, мы устанавливаем типические черты мужской и женской речи, обнаруживающие тенденции употребления языка мужчинами и женщинами.

Следует добавить, что как мужская, так и женская речь внутренне дифференцированны, так как на различия по полу накладывают отпечаток и другие виды различий - по возрасту, образованию, профессии, месту рождения и жительства. Однако произвести точную корреляцию между различиями по полу и другими особенностями информантов в данной работе не представлялось возможным.

Наши наблюдения носят эмпирический и в значительной мере предварительный характер. Мы постарались в первую очередь зафиксировать наиболее часто встречающиеся и потому кажущиеся очевидными явления. Бесспорно, описываемые черты требуют дальнейшей статистической обработки, должны быть проверены путем проведения социологических экспериментов. Однако ха-

рактерно, что многие из представленных здесь явлений выражены в виде расхожих мнений, высказываний, поговорок и отражают некоторое представление наивных носителей языка о мужской и женской речи. Думаем, что эти факты также должны быть описаны и объяснены в дальнейших исследованиях.

Наша работа основана главным образом на материалах устной непринужденной речи образованных мужчин и женщин (т.е. носителей литературного языка). Лишь в отдельных случаях мы обращались к другим видам городской устной речи - к речи носителей просторечия и к данным официальной публичной речи.

Речевое общение мужчин и женщин, прежде всего в гомогенных коллективах, как представляется, имеет ряд специфических особенностей. Это касается целевой характеристики коммуникации. Имеющиеся наблюдения дают возможность предположить, что в речевом общении женщин, по сравнению с мужчинами, более значительна доля фатических коммуникативных актов, т.е. тех, основная цель которых - само общение, контакт (Винокур, в печати). По-видимому, преобладание фатики поддерживает устойчивый миф о том, что женщины говорят больше, чем мужчины (Торн и др. 1983). Данное представление составляет определенную и важную часть оценочных мнений, характеризующих женщину в том или ином социуме. Это подтверждается пословицами, поговорками, устойчивыми выражениями: У бабы язык, что помело. Приехала баба из города, привезла вестей с три короба. **Many women, many words; many geese, many turds (England). Ou femme y a, silence n'y a (France).**

Эти представления о женской речи относятся к так называемой "народной лингвистике" [2] (ср. термин народная этимология) и часто бывают не подкреплены фактами, добытыми путем исследования конкретного материала. Тем не менее они играют немаловажную роль в обществе, ибо могут: 1) накладывать определенный отпечаток на восприятие женской речи, особенно лицами иного пола 2) влиять на речевое поведение самих женщин, особенно девочек при овладении ими правилами речевого поведения.

Речевое поведение мужчин и женщин характеризуется разным осознанием приоритетных и паритетных речевых отношений в конкретном коммуникативном акте. Наблюдения показывают, что женщины легче переключаются, "меняют" роли в акте коммуникации,

проявляя большую психологическую подвижность и гибкость.

Одним из естественных следствий этого является типическое для женской речи включение в ход разговора, беседы, диалога на какую-либо тему, не связанную с конситуацией, иной тематики, которую порождает конситуация (обстановка речи, действия, которые производят говорящие и т.п.). Можно думать, что такое переключение тематики, не связанной с конситуацией, на конситуативную, не является особенностью женщин как людей определенного пола, но связано скорее с их социальными, семейными и т.п. ролями: женщина - хозяйка дома, мать, жена. Естественно, что мы имеем в виду при этом неофициальные сферы общения. Добавим, что постоянное выполнение названных ролей накладывает определенный отпечаток на типическое речевое поведение женщин вообще, влияет на стратегию и тактику их речевого поведения. Вот несколько примеров (две женщины разговаривают о событиях в Китае): А. (извиняясь) Простите / у меня боюсь там (на кухне) убегает что-то// Б. Ну идите / идите!; (Мужчина и женщина говорят по телефону). А. Я обдумывал этот вопрос очень долго / можно сказать / всю сознательную жизнь// Б. (извиняясь) Простите / я чайник выключу//

Интересно отметить, что пример такого речевого поведения, как типично женский, дает Герцен в "Былом и думах" (рассказ о Чеботареве, "анекдотам и шалостям которого не было конца"): " - Верите ли вы в магнетизм? - спросила его при мне одна дама, довольно умная и образованная. - Да что вы разумеете под магнетизмом? - Дама ему сказала какой-то общий вздор. - Вам не копейки не стоит знать, - отвечал он, - верю я магнетизму или нет, а хотите я вам расскажу, что я видал по этой части. - Пожалуйста. - Только слушайте внимательно. После этого он передал очень живо, умно и интересно опыты какого-то харьковского доктора, его знакомого.

Середь разговора человек принес на подносе закуску. Дама сказала ему, когда он выходил: - Ты забыл подать горчицы. Чеботарев остановился. - Продолжайте, продолжайте, - сказала дама, несколько уже испуганная, - я слушаю. - Соль-то принес ли он? - Это вы уже и рассердились, - прибавила дама, краснея. - Нисколько, будьте уверены; я знаю, что вы внимательно слушали, да и то знаю, что женщина, как бы ни была умна и о чем

бы ни ломала речь, не может никогда стать выше кухни, - за что же я лично на вас смел бы сердиться".

Типичные для речевого поведения женщин отвлечения на ситуативные моменты, высокая ассоциативность речи порождают своеобразие тематического развития текста. В речи женщин нередко констатация факта или какое-либо утверждение дополняется, доказывается или иллюстрируется конкретными примерами из личного опыта. Женской речи более, чем мужской, свойственно ассоциативное соскальзывание с темы разговора: А. (женщина - гуманитарий, далее - жен.гум.). А в четверг нужно уже идти за ордерами// Иметь при себе паспорт / справку об оплате... да / я поняла / если бы мы сразу прописали Диму / то наша очередь /... Б. (муж.техн.) (прерывает) Ну ладно / ты не отвлекайся// В. (жен. гум.) Ты что / не понимаешь что все женщины так рассказывают//

Подобная речевая манера может быть свойственна и мужчине. Но это менее типично для мужской речи, поэтому такая черта воспринимается как яркая индивидуальная особенность.

Погруженность в ход своих мыслей, сконцентрированность на теме разговора - специфическая особенность речевого поведения многих мужчин. Мы имеем в виду следующее: когда мужчины беседуют на какую-то интересующую их тему (политика, спорт, наука и т.п.), они не обращают внимания и не слышат того, что говорят рядом или даже непосредственно им, и не замечают того, что творится вокруг. Подчеркнем, что это свойственно не всем мужчинам и что многие мужчины, напротив, не могут выключиться из окружающей ситуации. Однако как типическая особенность "психологическая глухота" присуща именно мужчинам.

Вечер в доме: муж, жена и гости. Все собеседники высоко образованные люди; муж - 60 лет, жена - 52 года, гости - мужчина (м.) - 45 лет, женщина - 36 лет.

Муж. За Венгрию можно не беспокоиться// А вот в Китае! Это плохой пример для всех / особенно для нас// Жена. Ужин готов// Муж. (не обращая внимания) Интересная передача была о Польше / получасовая// Результаты выборов// Солидарность имеет 35 процентов голосов// Жена. Идите ужинать// (Муж идет, продолжая разговаривать с гостем и не откликаясь на реплику жены). Жена (со смехом гостье) Как тетерева на току / ничего не слышат// Им сейчас можно что угодно сказать / сделать...

Наблюдения над живой устной речью, а также многочисленные примеры из художественной литературы, отражающие наше обыденное сознание, позволяют говорить о своеобразии картины мира у мужчин и женщин. Одни и те же события, ситуации, люди по-разному воспринимаются и оцениваются ими. О специфике ориентации в жизненном пространстве мужчин и женщин свидетельствуют, например, такие средства экспрессивизации речи, как метафора и сравнение. В качестве ассоциативных полей в мужской и женской речи активны разные участки семантического пространства. Так, наряду с общими для мужчин и женщин "гуманитарными" ассоциативными зонами (природа, животные, окружающий обыденный мир и т.п.), типичными для мужчин являются ассоциативные поля: техника, спорт, профессиональная, военная сферы. Вот примеры:

Мужская речь: Жен. (техн.студ.): Ну вот / как на экзамен уходить / и голова заработала// Муж. (техн. - шутл.): Прогрелся двигатель//; А. (жен.гум.) (об одном из выступающих) Что-то он к делу никак не перейдет// Б. (муж.техн.) Ну / он пока шашку точит// (изобразительный жест); А. (муж.гум. - к ребенку, который не может долго усидеть за столом и вскакивает с места по любому отвлекающему его поводу) Ну что ты как пограничная застава!

Женская речь: А. (жен. балерина) Он са-а-м выглядел буквально как / лорд / по крайней мере// Да / во фраке / красивый / и всё// А. (жен.техн. о затянувшемся разговоре - шутл.) Я присосалась к вам как пиявка// Ну еще немного попиявлю и уйду//; А. (жен.гум. - обращается к медленно идущим навстречу знакомым) Ну что вы так тащитесь / как дустом посыпанные//; А. (жен.гум.) Мне вчера худо совсем было// Знаешь как белым медведям на юге//

По нашим наблюдениям, к типично женским можно отнести сравнительные конструкции с местоименными словами, основная функция которых - выражение нерасчлененной интенсивной отрицательной оценки: Устала как не знаю кто//; Надоело все как это самое//; Я себя ругаю как не знаю что//

Не раз высказывалось мнение, что женская речь более эмоциональна, чем мужская. Действительно, женщины больше, чем мужчины, в повседневном общении (даже в одинаковых "темати-

чески" ситуациях - разговоры о домашних делах, рассказы о путешествиях, обмен впечатлениями, о книгах, фильмах и т.д.) больше говорят о своих чувствах, переживаниях. Женскую речь, по сравнению с мужской, отличает более высокая концентрация эмоционально оценочных слов и конструкций в текстах. В мужской речи чаще присутствует стилистически нейтральная оценочная лексика.

В качестве иллюстрации приведем фрагменты из двух тематически близких текстов (рассказ о театральных постановках), принадлежащих мужчине и женщине: Разговор в гостинице; О музыке и театре. (Русская разговорная речь 1978). Выбраны фрагменты текстов, содержащие оценочные высказывания.

А. (научный работник - математик, 40 л.) Мне понравилось// Ну / серьезный сделан спектакль!; (об актере) Но он мне не понравился!; Я ведь с ним когда-то разговаривал с ним на эту тему! Трудно! У него своя трактовка// В общем-то... фильм конечно получился / как снятое молоко//; Там же вся идеологическая нагрузка / ... она снята// Внешне да приятно//; А когда там... детский спектакль / мне нравится// Потому что там приблизительно так// Тишина// (чмокает) Чего-то (чё-то) происходит на эт... на сцене / потом так (резкий выдох, изображает реакцию публики)// Полный зал / представляете! Вот как у одного дыхание / шестьсот человек / жутко / вы знаете... причем глаза у всех блестят// Это вещь редкая//; А театр противный// Внутри// На вокзал знаете / похож// Холодный// ... Стоит в поле / этот... коробчатый... такой... дом / ведь... бетон// Говорят что красиво / а на самом деле нет!

А. (скрипачка, 30 л.): Вот я "Бег" смотрела в Ермоловском театре / ты знаешь / я умерла от восторга//; То есть это такая вообще великолепная вещь//; Там такие актерские работы / ... Великолепная роль//; Галлис великолепный// Вицин / характерная роль Артур Артурыча/ ну великолепный совершенно//; И Андреев интеллигент / вот этот такой знаешь// Вот тю-тю маленький / тоже хорош//; А вот женщины хуже / ... ну просто как статистка //; Какой он красавец! Он по-моему страшилище!; Какой-то нафталин сплошной!; Мне ужасно вся эта окраска нравится//; Ой / какая она прелестная...; Нет / ну я совершенно одохла//

Набор положительных и отрицательных речевых оценок различен у мужчин и женщин. При этом женскую речь характеризует тенденция к интенсификации оценки (прежде всего положительной). Например: А. (жен. 75 л.) (фрагменты из текста Рассказы о путешествиях – Русская разговорная речь 1978). Вот уж этот Неаполь / это действительно рай земной// Ой / как мне Неаполь! Какой красивый город! Итальянцы замечательный / очень симпатичный народ / прекрасный//; Неаполь это чудный город! Такой спокойный / такой красивый / такая там природа замечательная / эти рощи апельсинов//; И вот и все... на всех балконах развешано белье / и все это нравится / и все это оригинально// Замечательно (право?) прямо//

Мужчины менее сдержаны в выражении отрицательной оценки, нередко используют при этом стилистически сниженную экспрессивную лексику. Приведем для сравнения две типические реакции мужчины и женщины на одно и то же сообщение. Говорящие близкие друзья, с высшим образованием, средних лет: С. Он ставит какую-то такую композицию / антология по Хармсу// М. Ни фига себе! Ж. Вот я тоже удивилась//

Можно отметить, что случаи "инвертированной оценки", т.е. использование для выражения положительной оценки (похвалы, восхищения) отрицательно-оценочной, бранной лексики более свойственны мужской речи: А. (муж. техн. – смотрит телевизионную спортивную передачу – о лыжных соревнованиях) Собака / как чешет! (т.е. великолепно, быстро идет на лыжах);
А. (муж. гум. – о ребенке, который очень ловко лазает по спортивным снарядам) Смотри / подлец / что вытворяет!;
А. (муж. техн. – осматривает автомашину редкой марки) До чего ж хороша / зараза!

Теперь перейдем к описанию фонетических особенностей мужской и женской речи в современном русском языке.

На сегментном уровне обращают на себя внимание следующие различия.

I. В области вокализма можно отметить ряд особенностей в тембральной окраске гласных, связанных с тем, что для многих мужчин характерен меньший раствор рта при производстве звуков, чем для женщин. Это приводит к образованию более "узких" гласных, менее богатых по тембру [3]. Практически любые гласные

фонемы <а>, <о>, <у>, <и>, <э> в любой безударной позиции в слове могут реализоваться гласными типа [ъ] (после твердых согласных) или [ь] (после мягких согласных): первую картину свою – [п'ɔ̀рwьи кърт'и́ну сwъю̀] ; писать рецензии – [п'сь̀т' р'ьцэ̀н'з'ь]; сочувствуем – [са^{ъ}ч'у́сь̀т•м].

2. Растяжка I предударного [а]. В женской речи в позиции I предударного слога после твердых согласных на месте <а>, <о> часто возможно произношение широкого открытого [а̀:], длительность которого равна ударному или превышает его: [мъга̀:з'и́н], [ръска̀:за́лъ], [прьда̀:у́т]. Ср. следующие примеры из женской речи: (о босоножках) Я̀ не зна́ю / может еди́нственно что / может уж к[а:]кие-то сверхмо́дные еще м... просто принесут//; (обращается к попугаю) Ну д[а:]ва́й / погов[а:]-рим//; (из разговора двух девушек в автобусе о том, как плохо убирают улицы) У́жас к[а̀:]кой! Теперь п[а̀:] го́роду / только в к[а̀:]лошах ходить//

Эта особенность интересна тем, что раньше она характеризовала старомосковское произношение и до сих пор встречается в речи старых москвичей (растяжка предударного [а] была свойственна речи Д.Н.Ушакова, Б.Л.Пастернака) [4].

В современном мужском произношении в этой же позиции встречается часто гласный, более узкий, приближающийся по тембру к [ъ]. Ср.: [ръзга^{ъ}во́ри], это [п'ътра^{ъ}гра́цкъь] сторона, [па^{ъ}го́дъ].

Эти особенности определяют различия в ритмике слова. Наряду с общелитературной моделью тътта́ в современном литературном произношении встречаются две другие: тъта̀:та́ и тъта^{ъ}та́. Если первая особенно частотна в женской речи, то вторая более широко распространена в мужском произношении.

Распространенность растяжки предударного [а̀] в современном произношении женщин – это случай перераспределения старых произносительных вариантов по другим социальным признакам.

3. Для женского произношения характерна бо́льшая ди̯фтонгичность ударных [о] и [э]. Неоднородность этих гласных особенно заметна, если на них приходится фразовый акцент: Нас в сана-т[^{у}о̯]рий отправляют//; А на[л'^{и}э̯]то куда собираетесь? Это была комната вост[^{у}о̯]ргов / воспоминаний//

В мужской речи в этих же фразовых условиях можно обнаружить

более однородные гласные.

Большая дифтонгизация ударного [о] как специфическая черта женского произношения в русском языке отмечалась еще Н.С.Трубецким. Обращая внимание на "социальный" характер данного различия между мужской и женской речью, он писал: "Эта особенность не обусловлена какими-либо физиологическими причинами: она является чисто условной; это видно, между прочим, из того, что у некоторых женщин она проявляется лишь в подчеркнуто кокетливой речи, то есть тогда, когда возникает необходимость специально оттенить свою женственность" (Трубецкой 1960).

Отметим, что популярный комик-пародист Вадим Тонков, изображая пожилую даму, использует именно эту особенность в качестве характерологического средства. Ср., например, следующий речевой фрагмент из его выступления: Они подражают женщинам во всем// Они красят бр[уо̯]ви / в[уо̯]лосы// (ТВ-программа "Утренняя почта" от 8 марта 1988 года).

Показательны в этом плане ослышки, записанные от женщин и базирующиеся на неправильном восприятии фонем <э>, <о> как бифонемных сочетаний:

сказано	услышано
деда	диета
верх	веер
я теперь верю	первее
идет	идиот

II. В области консонантизма отмечаются следующие особенности.

1. В женской речи наблюдается аффрикатизация зубных [т'], [д'] (цеканье-дзеканье), менее характерная для мужской речи (Воронина 1984).

2. Меньшая степень напряженности согласных в мужском произношении обусловила ряд звуковых изменений в потоке речи, более частотных у мужчин:

- ослабление смычки у согласных [п]очему, [д]авайте, [ш']елсвек. Ср.: (о содержании животных в доме) э-э как раз э...э...мать наших внуков / и ее мать / [к]оторая принимает [пр'н'ма́ьт] у [ч']астие в воспитании [ъ°сп'ьта́н'ь] / они / как-то / не особенно их любят / и побаиваются просто//;

– озвончение согласных (ассимиляция по звонкости под действием соседних гласных и сонантов) – [пъта^{ъ}му́шть]. Эта особенность наиболее ярко обнаруживается в заударной части слова в слабой фразовой позиции: Ну а почему и нет допустим? Почему не вы[д'ьт'] рюмку коньяка допустим [дъпъ]?

Однако при эмфатическом произношении в ударных или предударных слогах напряженность и длительность согласных в речи мужчин возрастает: Ух [ж:]арко!; Вот [д:]ура! Особенно часто наблюдается при эмфазе растяжка согласного [р]: Ду[р:]ак ты! Эмфатическое удлинение р получило отражение и в письменной речи. Показательны такие примеры из публицистики: "Нашу экономическую реформу, по-моему, рановато стали называть "р-радикальной", "кар-рдинальной" и прочими рычащими эпитетами. Потому что оснований рычать пока что маловато" (Александр Никитин. Тревожно за перестройку. Лит. газета, 25 мая 1988 г.). "Вспомнились послевоенные россказни. Стр-рашные истории! О том, как в Одессе или Ростове "черные кошки" пытались "взять банк" (Александр Левиков. Банкиры в "ЛГ". Лит. газета, 25 мая, 1988 г.).

Обращает на себя внимание также большая консонантная насыщенность мужской речи, обусловленная тем, что для многих мужчин характерна более сильная деформация гласных в потоке речи, их количественная и качественная редукция, выпадение гласных. Ср. следующий фрагмент из мужской речи: (о театральной постановке) А. Вы мхатовский вариант видели в театре? – [въ мха^{ъ}тъ́ск'и вър'а́нт в'ид'л'ъ фт'а́тр'ъ] Б. Угу// А. Ну почему кошмар? Кто там играет? – [ну пъш'му́ ка^{ъ}шма́р / кто́ тъм ъгрът].

При сопоставлении сегментных характеристик мо чо предположить, что особенности женского произношения наиболее ярко проявляются в сфере вокализма, а мужского – в сфере консонантизма.

Рассмотренное противопоставление тесно связано с просодическими различиями в мужской и женской речи. Остановимся на некоторых из них.

I. При акцентном выделении слов во фразе обнаруживаются различия в фонетическом оформлении акцентно выделенных слов. Так, в женской речи широко распространена растяжка ударного

гласного. Причем этот способ акцентного выделения обнаруживается в разных жанрах устной речи: (из научного доклада) Я думаю что перед нами вообще / очень увлека-а-тельная / очень интере-е-сная проблема//; (из телевизионной передачи) Это был такой доморо-о-щенный оркестр//; (из разговорной речи) Я ей поме-е-рила только / я же ей по-ме-ри-ла / а она говорит ба-а-бушка / не снима-а-й//

В мужской речи в акцентно выделенных словах наряду с удлинением ударного гласного шире представлена растяжка согласного, обычно женской речи не свойственная. Ср. такие примеры: (из научного доклада) На русском языке / говорит русский языковой индив-вид//; (из спортивного телерепортажа) Эта дистанция опять показала свой к-коварный нр-рав//; (из разговорной речи, о нарисованной в детстве картине) Притом масляными красками / и / п-пальцем рисовал//; (из телеинтервью) Ну а таких з-зл-лостных наруш-шителей / можете назвать? (из разговорной речи) Нар-роду битк-ком!

Существенно отметить, что эта предпочтительность в выборе фонетических средств наблюдается и в устных научных текстах, где различия между мужской и женской речью наиболее сглажены. Конечно невозможно утверждать, что в речи мужчин вообще недопустима растяжка гласных. При выражении некоторых значений она вполне естественна и даже необходима, например, при перечислении (Русская разговорная речь 1973). Ср. следующий отрывок из рассказа мужчины-ленинградца: (о том, какие животные жили у них в доме) Была и... одно время там бе-е-лка / две ко-о-шки / черепа-а-ха / пету-у-х жил тут же в комнате / ... Однако в некоторых других случаях встречаемость растяжки гласного в словах акцентно выделенных вносит в мужскую речь оттенок назидательности и может вызвать отрицательную реакцию слушателей.

2. Широкое использование растяжки ударных гласных создает условия для более яркого выражения мелодики на этих гласных [5]. Растяжка гласного в сочетании с разными типами мелодических движений может передавать разные значения.

Типично женским средством усиления эмоционального впечатления является широкое использование растяжки ударного гласного в словах-экспрессивах: Ну о-очень / о-очень симпа-

тичные туфельки!; Ужа-а-сный фильм! Хуть просто!; Кошма-а-рная история! и т.п.

Женщины часто используют интонационные средства для выражения различных значений, тогда как мужчины в сходных речевых ситуациях обычно прибегают к средствам лексики и грамматики. Особенно это заметно при выражении разных типов оценки. Так, при выражении положительной экспрессии женщины нередко употребляют конструкции со словами такой, до того и т.п., имеющим специфическое просодическое оформление ⌐ ⌐: комбинация положительных акцентов на местоименном слове ⌐ ⌐ в сочетании с растяжкой предударного гласного (если имеется предударный слог) + восходящий тон на следующем слове: Он та-а-кой симпатичный! Она та-а-кая противная! Он был до то-о-го вкусный! Я ей та-а-кие дивные платочки купила / носовые//; (из просторечия) Та-а-кая молоденькая / та-а-кая хорошенькая / прям ух! Это та-а-кая озорница / та-а-кая болтушка / просто ужас! Но та-а-кие розы / десять дней стояли//

Нередко эта модель осложняется дополнительными просодическими характеристиками. Так, при выражении положительной экспрессивной оценки вся фраза может реализоваться в более высоком регистре, с придыханием, с "улыбкой в голосе". Ср.: (о соленой скумбрии) (Но она та-а-кая мягкая / (та-а-кая сочная)[с улыбкой]

При выражении отрицательной оценки фраза произносится в более низком регистре: (Это та-а-кой торгаш)↓ / гит пять тыщ в год имею!

"Женскость" рассматриваемой конструкции подтверждает и тот факт, что в телевизионном кинофильме "Здравствуйте, я ваша тетя!" артист А.Каллигин, пародируя жеманную женскую речевую манеру, использует именно эту интонационную модель. Например, тетушка Чарли восклицает: Я та-а-кая капризная!

В женской речи в оценочных конструкциях с односложным местоименным словом так на этом слове реализуется положительный акцент, но растяжка гласного может переноситься на последующее слово. Например: Я так уста-а-ла! Там так краси-в-во! (из ТВ-интервью) Я была так потрясена этими слова-а-ми / я была так горда этим открове-е-нием!

В речи мужской также встречаются оценочные конструкции с местоименными словами. Однако просодически они чаще оформлены иначе. Используются положительные акценты или композиция положительных акцентов, но без гласной растяжки. Ср.: А в Переславле / кстати говоря ведь и-и... такая... зона отдыха там / та...там такое озеро / изумительное / Неро//; Но такая красотища там / что ты! Там можно... там есть... гостиница такая вшивенькая//

Для мужской речи более характерна конкретизация экспрессивной оценки с помощью лексических средств. Ср., например, фрагмент из рассказа супругов о просмотренном фильме: Жена. Это та-а-кой фильм! Муж. Да / отличная картина! Ср. также фрагмент телефонного разговора мужчины 44 лет с отцом: Пап / у меня есть шикарный здоровый жирный лещ / привезти вам?; (из рассказа пожилого мужчины о хорошей жизни удельных лесничих) Они жили знаете как крепостные помещики//; (о концерте камерного оркестра) Ну концерт шикарно прошел// Действительно все солисты// Работа колоссальнейшая//

3. Палитра интонационных красок, используемых женщинами, очень богата. Помимо упоминавшихся уже гласных растяжек и мелодических модуляций, женщины для выражения различных эмоционально-экспрессивных значений используют смену регистров [8]. Показателен следующий пример. Рассказывая приятельнице о том, как полная женщина грубо толкнула в автобусе молоденькую девушку, рассказчица для достижения большего эмоционального эффекта использует прием регистрового контраста: (Девочка такая маленькая / стоит плачет//)↑ (А этой хоть бы что / в ней килограмм сто весу//)↓ В данном случае сопоставлением верхнего и нижнего регистров в речи рассказчица стремится подчеркнуть различия во внешнем облике двух женщин.

Сопоставление регистров может быть связано с сопоставлением оценочных характеристик явления или предмета. При этом высокий регистр обычно выражает положительную оценку, а низкий – отрицательную. Ср.: (собирают грибы; А. наклоняется, чтобы сорвать гриб) (Ой какой хорошенький грибочек!)↑ (рассмотрев поближе и убедившись, что это поганка) (Фу / какая гадость!)↓

Повтор реплики собеседника на более низком регистре может выражать отрицание высказанного собеседником предположения:

А. Я вас задержала? Б. (Нет / ну что вы господи!)↑ (Меня задержали)↓ //

4. Женщины в своей речи широко используют такие просодические средства как придыхание, лабиализация, назализация и др. Эти средства обычно передают различные оттенки эмоционального состояния говорящей, ее отношения к рассказываемому. Например: Ведь это же были {спектáкли} пдх! (восхищение); {Ну не надо так говорить// Это не справедливо}° (обида); Раскричалась / разругалась / {"во-от / зачем вы туда пошли / не надо было}~ (передача чужой речи с отрицательной ее оценкой).

Итак, для передачи различных эмоциональных значений женщины шире, чем мужчины, используют разнообразные средства фразовой просодии. Мужчины чаще прибегают в этих случаях к лексико-грамматическим средствам [9]. Иными словами, женской эмоциональной речи свойственна просодическая эксплицитность, тогда как для мужчин более характерна эксплицитность лексическая.

Чуткость женщин к интонационному рисунку речи хорошо известна и отмечалась многими.

Напомним небольшой отрывок из воспоминаний К.Чуковского, свидетельствующий об умении А.Ахматовой не только чутко улавливать интонационные оттенки речи, но и тонко ими пользоваться: "Приехал к ней из Стокгольма почтительный швед, писавший о ней какую-то ученую книгу. Через два-три дня ее спросили, пришлись ли ей по душе те суждения, какие он высказывал о ее даровании. Анна Андреевна мгновенно ответила:

– Я никогда не видела такой ослепительно белой рубашки, как та, что была на нем. Мы тут воевали, устраивали революцию, голодали, снова воевали, а шведы все эти годы сти-и-рали и гла-а-дили эту рубашку.

Последние слова она произнесла очень протяжно. Они показались мне исчерпывающей характеристикой ее отношения к мыслям ее иностранного гостя".

Значимость выделенных фонетических различий подтверждается наблюдениями над тем, какие средства отбираются при пародировании речи мужчин и женщин. Пародийные характерологические средства представляют собой наиболее яркие, типичные

признаки мужской/женской речи, закрепленные в обыденном речевом сознании носителей современного русского языка. Приведем несколько наблюдений.

I. В телефильме "Здравствуйте, я ваша тетя!" артист Александр Калягин, изображая тетушку-миллионершу, использует (кроме упоминавшейся выше оценочной конструкции с местоименным словом такая) следующие фонетические особенности женской речи: более высокий речевой регистр, растяжка предударного а (Спа-с-сибо госпа-а-да! Я хочу стать вашей лучшей па-а-другой!), придыхание, просодическая назализация (например, в сцене "соблазнения" судьи).

2. Показательна с точки зрения сопоставления мужских и женских произносительных особенностей песня В.Высоцкого "У телевизора". Эту песню В.Высоцкий исполняет как речитатив, поддерживаемый музыкальным сопровождением, что даст возможность автору-исполнителю сосредоточить главное внимание на создании пародийных речевых портретов героев песни.

Женская партия ведется в более высоком регистре с использованием ярких, контрастных колебаний тона на ударных гласных (голосовых модуляций); гласные в словах сильно растягиваются: Ой, Вань, умру от акроба-а-тика. Смотри, как ве-е-ртится, наха-а-л!; Я пра-а-ву, Вань; А это кто в короткой ма-а-ечки-и? Я, Вань, та-а-кую жу ха-а-чу.

В мужской партии, исполняемой на более низком регистре, длительно и напряженно произносятся согласные: [г:]де [д':]еньги, [з':]ин?; Какой ни есть, а он [р:]одня. Если в женской партии в последнем такте музыкальной фразы распеваются только гласные, то в мужской растягивается и согласный: Ты, Зина, лучше помолчала бы – накрылась премия в квартал-л!

Обе партии различаются также и фонационными характеристиками. Женская партия ведется "мягким" голосом (расслабленная фонация), можно отметить также общую сдвинутость артикуляции вперед (палатализованная артикуляция), что вообще характерно для женской манерной речи. При исполнении мужской партии голос певца приобретает бо́льшую "жесткость" (напряженная фонация), артикуляция сдвигается назад (веляризованная артикуляция).

Примечания

[1] См., например, серию монографий "Русский язык и советское общество" (1968); "Русский язык по данным массового обследования" (М., 1974).

[2] Термин **Folklinguistics** используется в книге (Коутс 1986).

[3] В экспериментально-фонетическом исследовании О.Н.Силиной, посвященном сравнению произношения гласного [а] в разных позициях в слове москвичами и ленинградцами, отмечается, что при рассмотрении качественных спектральных характеристик [а] обнаружились различия в произношении этого гласного мужчинами-москвичами и женщинами-москвичками: "у мужчин-москвичей [а] является более задним и закрытым (для [а] ударного слога), у москвичек же, наоборот, более открытым и передним (Силина 1984).

[4] Аканье вводилось в речевой обиход носителей литературного языка главным образом женщинами (Алексеев 1984). И теперь эта особенность наиболее сохраняется именно в женской речи.

[5] "Ударные гласные удлиняются главным образом с целью лучшего выражения мелодики движения тона или акцентировки, ударения, они служат подсобным средством для передачи значения, и в этом смысле можно считать их "функциональными" (Русская разговорная речь 1973, с. 144).

[6] Ср. у В.Набокова "Она говорила, что безумно тоскует по русской деревне, и это длинное-длинное "безумно" с таким зудящим, ноющим средним слогом было почти единственной ее интонацией, которую сын запомнил" (В.Набоков. Защита Лужина. - ж. "Москва" № 12, 1986, с. 94).

[7] В работе используется просодическая транскрипция, предложенная С.В.Кодзасовым (Кодзасов 1989).

[8] Как отмечает Р.М.Бренд (на материале американского варианта английского языка), многие мужчины владеют лишь тремя голосовыми регистрами, тогда как большинство женщин владеет по крайней мере четырьмя (Бренд 1975).

[9] Авторы американских работ по просодии мужской/женской речи отмечают неумение мужчин выражать разнообразные эмоции

(главным образом, положительные) голосовыми средствами: "Многие мужчины не способны управлять своим голосовым аппаратом в такой степени, чтобы варьировать оттенки или типы чувств. Они не могут понять самих себя, не могут реально воспроизвести то, что они хотели бы передать, т.к. они рычат, выражая нежность, бормочут, говоря комплименты, или басят, произнося восхваления" (Икинс, Икинс 1986, с. 107-108).

Литература

1. Алексеев 1984 - А.А.Алексеев. Язык светских дам и развитие языковой нормы в XVIII в. - В кн.: Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в. Л., 1984.

2. Бренд 1975 - **R.M.Brend. Male-Famel Intonation Patterns in American English.- In: Language and Sex: Difference and Dominance (Barrie Thorne and Nancy Henley, eds.). Rowley. Mass., Newbury House, 1975, P.86.**

3. Винокур, в печати - Винокур Т.Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных целей говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании, т. II. М., "Наука" (в печати).

4. Вопросники 1963-1964. - Вопросники по современному русскому словообразованию. М., 1963; Вопросник по современной русской морфологии. М., 1963; Вопросник по современному русскому литературному произношению (для деятелей театра). М., 1964; Вопросник по лексике современного русского языка. М., 1964. Вопросник по современному русскому литературному произношению. М., 1964.

5. С.Б.Воронина. Экспериментально-фонетическое исследование явления аффрикатизации палатализованных [т'], [д'] в современном русском литературном произношении. АКД. М., 1984.

6. Икинс, Икинс 1978 - **B.W.Eakins, R.G.Eakins. Sex Differences in Human Kommunication. Boston, 1978.**

7. Кодзасов 1989 - С.В.Кодзасов. Проект просодической транскрипции для русского языка. - Бюллетень фонетического фонда русского языка. Февраль, 1989.

8. Коутс 1986 - **J.Coates. Women, Men and Language. A Sociolinguistic Account of Sex Differences in Language. Longman. London and New York. 1986, p. 178.**

9. Панов 1979 – М.В.Панов. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

10. Русская разговорная речь 1973 – Русская разговорная речь. М., 1973.

11. Русская разговорная речь 1978 – Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978.

12. Сабашников 1988 – Сабашников М.В. Воспоминания. М., 1988.

13. Силина 1984 – О.Н.Силина. Роль социолингвистических факторов в формировании современной произносительной нормы. – В кн.: Лингвистика и модели речевого поведения. Л., 1984, с. 177.

14. Торн и др. 1983 – **Language, Gender and Society. Ed. by B.Thorn, Ch.Kramarae, N.Henley. Cambridge, 1983, p.342**

15. Трубецкой 1960 – Н.С.Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960.

Е.А.Земская

Речевой портрет ребенка

(к вопросу о системности некодифицированных сфер устной речи)

"Термин "система" (по отношению к языку) сейчас стал затертым и изношенным. Говоря, что язык - система большинство языковедов понимает под этим весьма тривиальную вещь: упорядоченность единиц в системе. Понятие системы в языке гораздо глубже. Единицы языка подчиняются требованию: А может существовать в языке только в том случае, если есть соотнесенное с ней Б (в то же время Б реально лишь при наличии А)".

(М.В.Панов)

О детской речи написано немало. И вместе с тем эта тема дает наблюдателю столько интересного, что до сих пор остается неисчерпаемой. Наши заметки основываются на наблюдениях над речью одного ребенка - мальчика, родившегося в Москве в мае 1986 в семье москвичей - филологов с высшим образованием. Из большого корпуса записей для этой статьи были избраны материалы преимущественно последнего года, т.е. когда нашему информанту было от трех до четырех лет.

В краткой статье невозможно охарактеризовать все особенности детской речи, для этого требуется монографическое исследование, см. например (Гвоздев 1961). Мы используем здесь лишь некоторые наблюдения, сосредоточивая внимание преимущественно на явлениях морфологии, лексической семантики, словоупотребления и лишь отчасти других уровнях языка.

Итак, мы рисуем речевой портрет ребенка 3-4 лет.

Идея создания речевых портретов была выдвинута М.В.Пановым более двадцати лет назад и блестяще реализована им в книге "История русского литературного произношения XVШ - XX вв", законченной в 1970 г. и опубликованной в 1990 г. (Панов 1990). В этой книге помещено около двадцати речевых портретов (от Петра I и Ломоносова до поэта Вознесенского).

Идея создания речевых портретов получила признание в языкознании [1]. Осмелимся и мы пойти по этому пути. Поскольку данные детской речи имеют большое значение для целого ряда научных дисциплин (общее языкознание, психология, педагогика и др.), надеемся, что это скромное исследование может быть в какой-то мере полезным.

Наш маленький информант (Миша) живет среди филологов, которые всегда говорят с ним, пользуясь обычным разговорным языком, не употребляя специальных "детских" форм типа тпруа (гулять), бяка (плохой), бобо (больно). Некоторые члены семьи специально не поправляют ребенка, когда он употребляет не вполне правильную форму, желая иметь возможность наблюдать, когда он сам услышит, что говорит не так, как взрослые. Вместе с тем никакого подлаживания под его речь сознательно не производилось.

В записях используются те же знаки интонационного членения, которые мы применяем при изображении на письме фактов устного разговорного языка: /- интонация незаконченности, // - интонация законченности; вопросительная интонация помечается ?, восклицание ! В диалогах реплики взрослых отмечены буквой В, мальчика - буквой М. В скобках указывается возраст - первая цифра обозначает число лет, вторая месяцев. Факты, почерпнутые из речи нашего информанта, составлялись с нашими наблюдениями над речью других детей, а также с материалами фундаментального исследования А.Н.Гвоздева (Гвоздев 1961).

В возрасте от 3-4 лет происходит интенсивное усвоение грамматики русского языка. К сожалению, наше исследование вынужденно отличается фрагментарностью - из-за недостатка места: мы уделяем внимание прежде всего явлениям, отличающим детскую речь от норм литературного языка; касаемся не всех грамматических категорий, но лишь некоторых.

Имя существительное

Формы склонения. Из форм, не соответствующих литературным нормам, отмечаются такие: род.п.ед. числа - у папи, у мами (с мягкой основой; существуют до 4 лет); из Москве (3); Мы ее из Москве привезли //; Это карандаш московский / мы его из Москве привезли // (3), Там нет газовой плите //

(3.2); тв.п.ед.ч.: Ты разговаривала с этим дядем; предл.п. ед.ч.: На потолку; У меня на шкафе // (3.7), род.п.мн.ч. с флексией - ов: У них пять человеков уехало (3.3); А у сапогов такое есть ? (3.7); Там много этажов // (3.7).

Составные номинации склоняет как единое слово. Один из членов семьи - Кот по фамилии Матроскин. Миша особенно часто использует это сочетание: Помнишь как мы с Кот Матроскиным... (3.10); Я сегодня пойду в гости к Кот Матроскину ! мама ! /(3.11). При этом в сочетании Кощей Бессмертный склоняет оба члена: брат Кощея Бессмертного.

Склоняет существительные, несклоняемые в литературном языке: Она играет на пианине // (много раз).

Формы числа имен существительных усваиваются до 2 лет, так что в изучаемый период затруднений для ребенка не представляют. Представляют затруднение лишь существительные *pluralia tantum*. Так, правильно усвоив семантику слова сумерки, употреблял его как существительное ж.р. сумерка (3.2). При числительном два употребляет формы род.п. мн.ч.: Здесь летало два маленьких майских жуков, согласуя их с прилагательными во мн.ч.

Формы рода в применении к одушевленным существительным используются вполне осмысленно. Встречаются даже рассуждения по этому поводу: В. Она мне родственник ! М. Не родственник / а родственница ! Родственник он / а родственница / она //; (Одна женщина к другой, шутливо) Ты будешь чай пить / моя подруга ? М. Не подруга ! В. Почему ? М. Потому что это Кот Матроскин // (играет, что бабушка - Кот, персонаж детской книги) // А не кошка //.

Некоторые неодушевленные существительные ср.р. функционируют как слова ж.р.: та пианина (всегда); время (не всегда). Например: (за окном громыхает; рассудительно, вспоминая сильную грозу на даче) Это начинается та время / когда на даче погасился свет // (3.9).

Категория одушевленности к 4 годам не усвоена. Нередко употребляет применительно к существительным неодушевленным вин.п., равный род.п.: А давай его съедим / пирога // (3. II,5).

Характерную особенность детской речи составляет очень широкое употребление уменьшительных существительных.[2] Взрос-

лые, говоря с детьми, постоянно употребляют уменьшительные существительные. И это очень сильно влияет на детскую речь: Там горят маленькие светики //

Уменьшительные формы часто употребляются независимо от размера предмета. Характерны примеры, когда при уменьшительной форме имеется размерное прилагательное, покрывающее большую величину предмета: (иград, угощает). Печеньице очень большое / и булочка очень большая / так что ты откуси только кусочек //; (идут мимо школы, в которой проходили выборы) В. Там наверное к выборам готовятся // М. Тетя разбирает наши бумажки // Наши голосики // (от голоса́) Как мы выбирали // и бросит их в корзиночку //; - Я вырасту / Я куплю себе машинку / жигуленок // (3.II); М. А где Птенец ? В. Уехал в Ленинград // М. А почему кроватка его стоит ? (о взрослой раскладушке; (3.II); Мне нравится город Венеция / где ездят на лодочках // (3.II,5). Однако употребляет формы субъективной оценки сознательно, а не механически. Характерен такой диалог: В. Пойдем хлебца купим ! М. (повторяет весело) Пойдем хлебца купим ! (через некоторое время) А коты и тигры хлеб любят ? (он - тигр, а бабушка - кот). В (растерянно) Любят // М. Потому я и говорю хлебца / а не хлеба (3.II,5).

Отвлеченные существительные используются преимущественно для обозначения чего-то конкретного (результат действия, носитель признака): Вот кусок резанбя моего (показывает кусок бумаги) (3,8); Мы с Ниной Павловной гуляли/ было сухо // Мы гуляли по-сухому // А теперь дождь // Но еще осталась сухота́ // (сухие места) (3.I0); Эта коробочка блестит // Это щелкает вот эта блестина́ //.

Однако отмечаются существительные и со значением отвлеченного действия и признака: (рассуждает) Знаешь как бывает // зажигается свет / и от зажигания света включается магнитофон // (3,8); Вот яркий свет / И где эта яркость / там Открытое шоссе // (3. II,5).

Морфонологические чередования как семантически не нагруженная категория пробивают себе дорогу с трудом. В речи нашего информанта чередование беглый гласный / ноль звука появилось не сразу. В 2 г.: Чаёк будешь ? М. Чаек буду // Ещё чаёку дать //; Чаёку еще будет пить //.

Однако у этого слова как высоко частотного в семье форма чайку отмечена была уже через две недели: я хочу чайку // (2.0,5).

В других словах формы без беглого гласного держались дольше: И погас / И больше нет костёра // (2,2). В. Ты где был ? М. В лесоке //; род.п. пирожока (2.2,5) ручееком (2,3); леф (лев) - лефа (2,2); А орёлы в наших краях не страшные ? (3,3); (играет, что ты тигренок) Я этого песа съем (3,I0); В. Ты ешь носиком ? М. Нет / я ем ротом / и ложкой // (3,I0).

Отметим, что в префиксальных глаголах как правило, беглый гласный отсутствует: я тебе подгнал поезд (3,2); Ты не подберлась (3,2), ср. подобралась.

Имена прилагательные и наречия активно употребляются и до трехлетнего возраста.

Отметим здесь лишь некоторые факты, связанные с образованием степеней сравнения. Формы сравн. степени отмечаются приблизительно с 2.I0. Образуются они по аналогии с формами, употребленными взрослым: В. Ты ляг здесь / здесь мягче // М. (с заминкой) А там твёрче ? (2,I0); подлиннее - покоротее (3,4); от высокий - высоке: Эта гостиница высоке / чем наш дом // (3,I0).

Нередко желая изобразить степень качества, прибегает к лексическим средствам, прибавляя слова чуть-чуть, большой, маленький и т.п.: На даче у нас магнитофон // такой чуть-чуть большой / средний // (через несколько минут) На даче у нас большой маленький магнитофон / а в Москве большой // (3.3,5).

Местоимения.

Местоимение Я и форма I л. глагола отмечены впервые в I.I0: Миненька ! Ты где ? - Домик строю // До этого применял к себе форму 3 лица без имени или прибавляя имя собственное: Миня (позднее Миша). Прежде чем перейти к употреблению форм I л., иногда в ответ на обращенную к нему реплику с глаголом в форме 2 л. также использовал эту форму. Таким образом выстраивается последовательность: Миня стойк, сидик - Миня стоить, сидить - Миша стоит; В. Ты любишь это ? М. Любишь //; - Я люблю.

Склонение местоимений - прилагательных усваивается медленнее, чем склонение существительных и "обыкновенных" прилагательных. Так наблюдается подравнивание флексий указательного этот к флексиям соответствующего существительного: А теперь ты этъм крем(ъм) мажешься ? (2.9,5); Ты меня здесь накрой / эт(ъм) одеял(ъм); И в моим тоже так потолке / и в коридорном / и в ванной // Прилагательные мой, твой, наш в изучаемый период усвоены хорошо. Трудности представляет семантика местоимения свой и себя. Они не употребляются, обычно говорит мой и меня в тех случаях, когда требовалось бы свой себе. Вот интересный случай колебания в употреблении местоимений мой / свой : В. (играя,стучит в дверь к мальчику) Тук-тук-тук ! Кто здесь живет ? М. (в растерянности) Ты ведь мой ... Свой // В. Ну и что ? М. Ты мой / свой // А мой не стучат // Стучат чужие ! (3,5). Ср. также: Что ты там делаешь? М. (играет) Ногти стрижу // В. Кому ? М. Мне // (вместо: себе) (3.4).

Склонение числительных усваивается труднее.

Форма тв.ед. от два постоянно звучит: двумями (по аналогии с формами существительных: руками, ногами). При склонении три сохраняется исходная форма: я хочу сказать всем трим человекам //; В. Ты папе не мешай // Ты с мамой и бабушкой поговори // М. А я не только с двумями человеками // (назидательно) Я и с одном человеком хочу поговорить // (уподобление: человеком - одном).

Глагол

Проблемы усвоения и употребления форм и семантики глагола сложны и многоаспектны. Затронем лишь некоторые вопросы. Выше уже отмечалось, что местоимение я и форма первого лица глагола устанавливаются позднее, чем формы 3 л. После 2 лет встречаются лишь единичные случаи употребления первого лица: Я читаю (2). Чаще говорит о себе в 3 лице. Таким образом, форма 3 л. выступает первоначально как немаркированная, применимая к любому лицу. Категория лица формируется с того времени, когда возникает противопоставление I лицо (я) - 3 лицо (мама, папа, баба, тетя и т.д.); местоимения он, она в это время не зафиксированы. Флексии глагола усваиваются правильно, представляют затруд-

нения чередования на границе основы и флексии, а также чередования в основах. Первоначально формы I л. от глаголов, имеющихся в литературном языке чередование д/ж в основе, образуются без чередования и с твердым согласным: видеть - виду, сидеть - сиду (2,2); позднее используется мягкий согласный: видю, сидю. Однако уже после 3 лет, когда хорошо усвоены формы типа вижу, сижу, именно они влияют на образование форм мн.ч.: Здесь дети сижут... (поправляясь) сидят //; Помнишь / как рыбаки сидят на травке // (3.II). Ср. также: щекоту (2,5), я чисту (2,5). От глагола есть (принимать пищу) I л. первоначально было: еду (2,I0); Вероятно влияла высоко частотная форма I л.мн.числа едим.

Аналогическое выравнивание по одной из форм спряжения происходит и в других группах глаголов. Чаще всего влияют глаголы продуктивного класса (читать - читаю): искать - ищу, плакать - плачу; но ср.: грохотать - грохотит. Иное направление: хму - зажмал, нажмать, зажматы. Подобные формы отмечаются и в 4 года.

Чередование =овать / =ую отсутствует: Я рисоваю //; Я сова лапу (3. II,5). Отметим, что усвоение сложной книжной лексики дается ребенку легче, чем усвоение чередований: Он дирижирует (3.7); Я выступаю / а ты голосоваешь // (3.4); Давай полюбоваемся (3.II); В. Ты фантазируешь ? М. Не / я не фантазироваю // Я говорю серьезно //.

В глаголах давать, вставать и производных от них используются словоформы с сохранением суфф. -ва- (типа даваю, вставаю, ср.лит.даю, встаю): Я вставаю // (2,2); А в каком магазине весла продаваит ? (3,II,5); Слышишь / какая мелодия раздается // (3,7); Она такой звук издавает...; Мы во стоко вставаем // (3,II).

Выражение желания. Приблизительно в 2 г. для выражения просьбы, желания активно использует инфантив: Еще чайку дать! (2); Ручку дать !; Поставить ! Вот эту синку (свинку) поставить ! В 2 г. 3 дня была употреблена единичная форма императива: Помоги !

Постепенно овладевает формой императива, часто употребляет ее с частицей Ну: Ну дай ! Ну положи ! Ну иди ! (2,3).

Наряду с императивом использует лексическую "помощь" - глагол хотеть в форме то 3 л., то I л.: Хочет пать (спать), хочет пить, хотел сам, хочу сам.

Формы императива часто применяет по отношению к самому себе, повторяя наказы взрослых: М. (ест кашу) Не торопись !; (идет по дороге, что-то несет) Не потеряй !

Интересна форма императива убра-и (2,4), произведенная от основы инфинтива убрать, в знач. убери; использует продуктивную флексию императива -и. Порождает форму убраи медленно, с затруднением.

После 3 лет начинает часто пользоваться конструкцией с бы для выражения желания: В. Иди обедать ! - Мне бы узор сложить //; Я бы хотел эту (булочку) //; Я бы еще пирога съел //; Я бы покатался //; Мне бы карандаш !

Формы несов-в образуются преимущественно с помощью суфф. ыва - : я сам буду опущивать (2.I0); Испорчивают винтики (3,7); Я обсыпливаюсь (3,II) Ср.обсыпаюсь);

А как надо сюда напущивать воздуха ? (ср. напускать). Использует чередование о/а, а/а: М. Я не хочу ! В. А ты захоти ! М. Я не буду захачивать ! (3,5); Мне неприятно прикасываться //; В. Это чек / когда в магазине платят // М. А в следующий раз идут в магазин / заплачивают / и чек берут...

Причастия. Как отмечают и другие исследователи (Гвоздев I96I, 450), раньше других появляются страдательные причастия прошедшего времени в полной форме. Как кажется, наиболее ранний случай - 2,2: Там (в окне) бабушка отражается // А тут бабушка не отраженная // (т.е. живая); Поцелуй меня / и погладь // А то как я буду спать непогладенный ? (3); В. Кажется я загубил кашу // М. Дети не едят загубенную кашу // (3,2). Я ем ротом / и ложкой // Я не какой-нибудь там с отломанными руками человек // (3,I0).

Несколько позднее фиксируются и краткие формы: Почему свет погасен ? , Лампочка не погасена //; Знаешь почему здесь лампочка не погасена ? (3.) Эти половинки зажматы (3,II,5).

В причастных формах, как и в личных формах, чередования д/ж, с/ш и некоторые другие отсутствуют. Чередования типа б/бл, в/вл появляются после 3,6 : Словленные рыбы;

Она крепко прикреплена (3,8). Однако это чередование еще не стало регулярным: Почти в четыре года записано: В. Подойди сюда ! Я тебе штанишки поправлю ! М. (смотрит) Да я с поправленными ! (3.II,5).

В изучаемый период отмечен лишь один случай употребления действительного причастия: Я хочу тебе показать (матрешку) // Там есть треснущая (3,7).

Можно думать, что хотя формы действительных причастий не зафиксированы, продуктивный суфф. -ущ - присутствует подспудно в языковой компетенции ребенка. Иначе трудно было бы объяснить, почему вместо лит. треснутый, образовано треснущий. Добавим, что форма треснутый неоднократно повторялось взрослыми, так как речь не раз заходила о треснутой матрешке.

Особо выделим употребление причастной формы ср.р. пахнущее с отвлеченным значением 'запах': (матери / Скажи / что тебе не нравится его ... (подыскивает слово, но не знает слова запах)... пахнущее // (3,8).

Префиксальные глаголы как активная категория начинают усваиваться рано. Приведем лишь несколько иллюстраций, преимущественно неузуальных глаголов, показывающих разнообразие их применения: Эта штучка заблудилась / а я ее разблудил ('нашел' ; 3,4); Я залюбил чеснок // (3,9); Я прямо в него вгрызываюсь // (3,I0). Смотри как я вспрыгиваю (в знач. подпрыгиваю, т.е. вверх; 3.II); Я яблоко обгрызываю (3.II,5); Дай воды / я разыкался // (3.II,5); (удовлетворенно) Я сижу / кольцо (пирожное) пожевываю // (3,II); (взрослому, который целует его и мешает играть) Отцелуйся от меня ! (ср. отцепись, отодвинься, отойди и т.п.) Отказ от суплетивизма: не употребляет форму поймать. Говорит: Я тигренок / папа словил меня в зоопарке // Славливай ! (ср. Поймай !). Это не словленные рыбы (ср. пойманные) (3,9). Зафиксированы случаи контаминации : Поклажи сюда (от положи+ клади); мильгать (мелькать + мигать).

Словоупотребление и лексическая семантика

Для того, чтобы показать, на каком лексическом материале происходит усвоение грамматики, как соотносится описанное выше с усвоением лексики и семантики, рассмотрим еще

некоторые вопросы.

Усвоение семантики слов часто идет поэтапно. Сразу усваиваются не все компоненты смысловой структуры слова, но лишь некоторые. Например, внешняя форма: называет нож для резки сыра - лопатка, узор на ковре - самолетики и т.п. Аналогичное явление свойственно и словам отвлеченной семантики: Знаешь что я хочу посмотреть / как тетя там белье меряет на весах // (т.е. взвешивает; усвоил сему измерение).

Нередко первоначально постигает лишь оценочный компонент семантики: (с обидой) Ты ко мне относишься плохо / не трудолюбиво // (4).

Овладение абстрактными семантическими категориями. Свойственная детям любознательность обнаруживается в частом задавании вопросов. Первоначально возникают вопросы, относящиеся к пространственным категориям - местонахождению лица или предмета: А тетя Клава где ? А овраг где ? А дядя Павлик где ? А где мама ? (2.2). В том же возрасте используются и вопросы с как типа Как ямку сделать ? (2.2).

Часты вопросы, касающиеся наименований окружающих явлений и предметов: А как это называется ? Многочисленны вопросы по поводу значения отдельных слов: А что такое то ? Когда его говорят ? (3,2); А молиться / это чего ? (прослушав строки Окуджавы: "Мне надо на кого-нибудь молиться"); А попугай / это чего ?; А сумерки / это чего ?

Таким образом, постижение мира идет и от слов (что значит слово ?) и от окружающей действительности (что это ? Как называется ?). Вопросы, направленные на постижение причинных и целевых отношений возникают позднее: Почему провод опасный ?; А косметика для чего ? (3.II).

Усваивает семантику слов путем сопоставления близких понятий: А стирать и купать это одно и тоже ?; А кошка и кот это одно и то же ? Некоторые вопросы основаны на стремлении осмыслить непонятные выражения. Ребенок по утрам делает зарядку. Ему иногда говорят: "Встав с постели не ленись, на зарядку становись !" В 3.II спрашивает: А что такое зарядка ? Это коврик ? (Зарядку делают на коврике). В. Нет / это упражнения / которые мы делаем // М. А что значит тогда / "на зарядку становись" ? на коврик ?

Любит поправлять, когда, по его мнению, наверно ис-

пользовано слово. Узнал слово плюхаться, которое взрослые шутливо употребляли по отношению к ныряльщикам на реке. Когда же кто-то сказал "Смотри как мальчик нырнул !", был не доволен и даже рассердился, повторяя: Плюхнулся ! Плюхнулся ! Нет такого слова нырнул ! (3,2).

Еще примеры: В. Это надо сдать в багаж // М. (поправляет) Только не в багаж / а в багажник // Багаж / это чемоданы всякие / а багажник / это в машине //; В. (играя) Чья это ножка ? М. Это лапа // Я тигренок // У зверей лапы // Не нога / не рука / а лапа // Это мои тигрячьи лапы // (3,10).

Интересен случай эмоциональной реакции на слово: (Бабушка матери) Я и так вчера с ним полдня нянчилась // М. (через некоторое время) Почему ты сказала не веселиться с ребенком ? Не проводить с ним время / а нянчиться ? Почувствовал в нянчиться нечто обидное и употребляет как противопоставление те слова, которые накануне произносила сама бабушка: "Мы будем с тобой веселиться","славно проведем время".

А вот другой случай: М. (ест кашу с курагой; назидательно). Ягоды надо есть с чем-то // В. Что ? М. Ягоды надо есть с чем-то / с кашей // В. А это не ягода / это фрукт // М.(плача) Это ягода ! Сам ты фрукт ! (3.II,5).

Наиболее сложными для постижения оказываются временные понятия типа завтра, вчера, сегодня. Употребляет их часто (вслед за взрослыми), но не может постичь их смысл: В. Завтра пойдем выбирать // М. А мы ведь уже выбирали // В. Но не выбрали // Завтра опять пойдём // М. А завтра уже было // (через минуту) Когда будет завтра ? (задумчиво) Завтра часто бывает (и добавляет почему-то) только не в выходной // (3,10); (Вечером спрашивает) А сегодня утром будет солнце ? Часты вопросы типа: Когда будет завтра? Когда будет вчера ? Вот типический диалог: А когда будет завтра ? В. Вечером ляжешь спать / поспишь и будет завтра// М. (думает) А сегодня ? В. Сегодня вот сейчас // М. А после сегодня ? (Слышал не один раз слово послезавтра) (3.II,5).

Количественные характеристики временных отрезков употребляет произвольно, без осмысления: Я тебя долго буду

ждать / три минуты ! М. (рассуждает, играя) Все время он неправильно считает / в каждые дни он неправильно считает // (3,10); А откуда ты знаешь ? М. Я спрашивал / в другой раз / в другую неделю // (3,8).

Путем контаминации давно и много лет назад создал формулу давно лет назад: В. Это когда было ? м. Давно лет назад // (3,9 много раз).

Слова лето, зима, осень, весна усвоил, применяя конкретные признаки: зима - когда снег; осень - когда листья желтеют и т.п.

Категория количества усвоена в основном противопоставлении много / мало. Знает счет от I до I0, прочие числительные использует произвольно, без особого смысла: (играет в шофера) Знаешь /сколько у меня бензину ? Много ! В. Сколько ? М. Тридцать один штук // (употребляет слово штук в м.р., так как штук более частотна, чем штука форма (5, 6, 7, 8 ... штук); Знаешь / мне надо сто тысячи километров проехать на велосипеде ? Представляешь !

Сентенции, общие умозаключения крайне привлекают нашего информанта: (задумчиво) Это у меня нос // И у мами / и у папы / и у дяди Павлика // И у Марь Сергевны // у всех людей есть нос // (2,5); В. Это каша маме // М. (назидательно) Мамы кашу не едят // В. А что они едят ? М. Мамы кофе любят // (3.II,5); Кот Матроскин всегда веселый // У Кот Матроскина никогда не было болезней/ вобще // Там написано //Некоторые формы речевого этикета, формы вежливости вполне усвоил и любит учить их использованию. (М. дают карандаш) М. Спасибо // В. На здоровье // М. Не на здоровье а пожалуйста // На здоровье говорят про еду //; (В. К приятелю по телефону) Как твоя Катька ? М. Не Катька / а Катя //; В. Это такая тетка ! М. Не тетка / а тетя !

Вместе с тем усвоил и некоторые формы грубости, которые тоже охотно употребляет. К их числу относятся: Ты сам / сама ..; А ты кто такой / такая ? (произносит нарочито грубым голосом).

Языковая игра. Полное овладение языком предполагает способность говорящего играть с языком, шутить, создавать самому оригинальные единицы. Приведем лишь некоторые при-

меры: к числу ранних игр относятся шутливые рифмовки типа коленка - моленка; Покажи мне закладку Пушкин ! (напевает) Пушкин - Пушкин - барабушкин //

Чаще всего игра реализуется как действие аналогии: В. Миша хохотауси / а бабушка что делает ? М. А Бабушка писауси // (3); М. Мое полное имя Михаил Маркович // В. (шутливо) А капуста как полное имя ? М. Она же не человек ! (смеясь) Михаил Капустович ! (3.). Все члены семьи какие-либо звери, персонажи детских книг и сказок: Миша - тигренок, тигр; одна из бабушек - индюшка. Мать иногда обращается к мальчику - ваше тигрячество. М. (к бабушке) Ешь пожалуйста / ваше индюшество !

x x x

Мы не касались здесь особенностей фонетики. Отметим лишь устранение зияния: Дядя на вулице (2); Она в тувалете // (3,9); В. Ты думаешь мне куда нужно ? М. В тувалет // (3,II).

Выводы:

I. Ребенок усваивает грамматическую систему разговорного языка, в которой нет деепричастий, действительных причастий, страдательных причастий наст.времени, причастных оборотов. Употребляются страдательные причастия прош. вр., преимущественно в краткой форме (в функции сказуемого), но присутствуют и полные формы.

К четырем годам основные грамматические категории русского языка активно усвоены, кроме: категории одушевленности употребления вы́вежливости, склонения местоимений - прилагательных и числительных, семантики себя и свой.

Резко отличает детскую речь от литературной нормы функционирование морфонологических чередований. Они находятся в процессе усвоения, употребляются непоследовательно.[3]

Первоначально (2 - 2,2) формообразование идет как аглютинативный процесс - к основе прибавляется наиболее продуктивная флексия, служащая выразителем данной грамматической категории: ако́ (окно) - мн.ч. ако́и; убра́й (императив; от убра+и). Морфемный шов чист и прозрачен. Лишь постепен-

но язык приобретает черты фузионности.

Наши наблюдения в основных положениях согласуются с наблюдениями других исследователей (Гвоздев 1961, Цейтлин 1989), что доказывает их не случайный характер.

2. Обращает внимание одно интересное обстоятельство: близость между многими особенностями детской речи и городским просторечием; описание морфологии просторечия см. в работе (Земская, Китайгородская 1984). Эта близость не может быть объяснена влиянием просторечно говорящих, так как обнаруживается в речи ребенка, живущего в окружении литературно говорящих взрослых.

Как можно объяснить это явление ? И для детской речи, и для просторечия характерно отсутствие власти узуса, норм строгой литературной речи. Ребенок не скован ими, потому что он их еще не знает, так же, как и просторечно говорящий. Таким образом, и детская речь и просторечие относятся к области некодифицированных, не регламентируемых сфер.

И детская речь, и просторечие обнаруживаются в устной форме, причем детская речь исключительно, а просторечие главным образом, ибо просторечно говорящие и пишут (письма, записки, объявления, заявления) на просторечии.

Важно подчеркнуть, что свобода от власти узуса, от норм литературного языка (или - невладения этими нормами) приводит и детей, и просторечно говорящих к одним и тем же результатам [4], основную роль в которых играет аналогия:

I. не используются морфонологические чередования, не несущие смысловой нагрузки;

2. категория среднего рода у слов, имеющих в им.п.ед.ч. безударную флексию, близкую по звучанию -а, т.е. обычным словам ж.р., заменяется формой ж.р. (пианина, время);

3. активна флексия род.п.мн.ч. -ов (этажов, сапогов);

4. активна флексия предл.п.ед.ч. -у (на потолку);

5. устраняется суплетивизм (ловить - словить вместо лит. ловить - поймать; ложить - положить);

6. отсутствует употребление вы вежливости и форм мн.ч. глагола по отношению к одному лицу;

7. существительные, не склоняемые в литературном языке, склоняются: играет на пианине; а эту бру куда замем (возь-

мени) ? (2.3).

8. формы несов. в.от приставочных глаголов образуются с помощью наиболее продуктивного суффикса -ива- (-ива-);

9. единые номинации, состоящие из сочетания форм существительных, склоняются как целостное слово. Ср. простореч. из домотдыха, поехал в дом отдых и в детской речи: от Кот Матроскина, с Кот Матроскиным;

10. в безударном положении активна флексия -н в формах им.п.мн.ч.: вёслы;

11. в заимствованных словах зияние устраняется вставкой согласного в : тувалет, какава и под.

Отмечается сходство между просторечием и детской речью и в образовании некоторых морфологических форм имени и глагола, которые на первый взгляд не являются "более регулярными", чем формы литературные. Таковы формы типа: у папи, у мами (с мягкой основой) - род.п.ед.ч.; из Москве - род.п.ед.ч.; идеть, несеть - 3 л. ед.ч.

Все эти факты объединены тем, что в них функционирует мягкий согласных тогда, когда в литературном языке действует твердый. Возможно, что предпочтение мягкому ребенок отдает потому, что у него еще не вполне сложился речевой аппарат. Известно, что маленькие дети (до 3-х лет) во многих случаях предпочитают мягкие согласные твердым (Гвоздев 1961).

У нашего информанта формы 3 лица глаголов с мягким т отмечались до трех лет, тогда как формы с мягкой основой в склонении слов типа папа непоследовательно сохраняются до четырех лет. Возможно, что их живучесть поддерживается наличием в парадигме форм дат. и предл. падежей с мягкой основой. Однако показательно, что в других лексемах (кроме у школе) мягкость согласных в род.п. не встретилась.

О чем свидетельствует близость между детской речью и просторечием ? Можно ли сделать вывод о том, что перечисленные явления связаны между собой какой-либо внутренней, системной связью так, что наличие одного предопределяет наличие другого ? Такое глубокое понятие системы предлагает М.В. Панов - (см. эпиграф, приведенный выше).

Трудно объяснить случайностью совместную встречаемость (так сказать, со-встречаемость) в речи и детей, и просторечно говорящих набора одних и тех же явлений, состоящего более чем из десяти компонентов. Несомненно между этими явлениями имеется какая-то связь, своего рода зависимость. Но - какая ? Очевидно, что связь эта иного рода, чем те отношения между элементами языковой системы, о которых пишет М.В.Панов. Вот пример, который он дает: Формы мн. числа существительных возможны в языке лишь при их соотнесенности с формами ед.числа, а формы ед. числа непременно требуют существования форм мн.числа". (Панов 1990, 4).

Связь между явлениями, отмеченными в детской речи и в просторечии, иного рода. Основная часть перечисленных явлений устраняет непоследовательности системы литературного языка, объясняемые исторической традицией, властью узуса и подобными причинами. Так, несклонение слов типа пианино выглядит как нерегулярность на фоне склоняемости многотысячных разрядов прочих существительных русского языка. Напомним, что в других славянских языках (польском, чешском) подобные слова склоняются. Морфонологические чередования также не являются регулярными и не несут смысловой нагрузки. Сказать ли ртом или ротом, рисовает или рисует - смысл один. Такой же характер имеет использование высоко активных флексий: -ов (род.п.мн.числа) и др.

Дети порождают так называемые гиперкорректные формы, "т.е. образования более правильные относительно языковой системы, чем эквивалентные единицы нормативного языка" (Цейтлин 1989, 29).

Считать ли связи между рассмотренными выше явлениями системными ? Вопрос этот требует дальнейшего изучения. Пока можно лишь высказать предположение, что системные отношения между единицами языка не однородны. Отношения между единицами одной грамматической категории и отношения между единицами разных категорий, между явлениями разных уровней имеют разный характер. Характеристика пяти произносительных эпох, данная в книге (Панов 1990), показывает, сколь сложны и многообразны могут быть связи между различными явлениями, свойственными одной системе.

В заключение отметим, что привлекшие наше внимание явления, сближающие детскую речь и просторечие, отвечают тем характеристикам естественной морфологии (*natural morphology*), о которой пишут в последнее время (устранение морфонологических чередований, нарушающих агглютинативное строение слова, использование наиболее продуктивных словоизменительных и словообразовательных аффиксов и др.), см., например (Дресслер 1982).

В качестве предположения можно сделать такой вывод: некодифицированные сферы разных видов устной речи обладают схожими чертами, выступающими в определенной совокупности, что придает им признаки системности особого рода. Многие из этих типических черт согласуются с характеристикой явлений, присущих "естественной морфологии".

Примечания:

1 Индивидуальные и коллективные речевые портреты даны в книге (Язык и личность 1989).

2 Некоторые исследователи считают широкое использование уменьшительных форм главнейшей особенностью детской речи, влияющей на ее морфологическую структуру, ибо прибавление продуктивных суффиксов уменьшительности переводит многие существительные в иные, более продуктивные типы склонения: ср. кость и косточка, мышь и мышка (Олмстедт 1988).

3 Вызывает удивление, что мальчик "не слышит" чередований, так как вообще он внимателен к речи во всех ее проявлениях, в том числе и к ее звучанию. Когда взрослый нарочно говорит ему, используя старую норму: Натягивай чулки М. (тут же реагирует): Не натягивай / а натягивай ! (3,9).

4 Отметим, что и иностранцы, не вполне владеющие русским языком, часто используют такие же формы, как дети.

Литература

Гвоздев 1961 - Гвоздев А.Н., Вопросы изучения детской речи. М., 1961, с. 471.

Гвоздев 1981 - Гвоздев А.Н., От первых слов до первого класса (дневник научных наблюдений). Саратов, 1981, 323 с.

Дресслер 1982 - Dressler W., On Word Formation in Natural Morphology // International Congress of Linguists, 13th. Tokyo, 1982.

Земская, Китайгородская 1984 - Земская Е.А., Китайгородская М.В., Наблюдения над просторечной морфологией // Городское просторечие. Проблемы изучения. М., "Наука", 1984, с. 66-102.

Ольмстедт 1982 - Olmsted H.M. Diminutive Morphology of Russian Children. A Simxlified Subset of Nominal Declension in Language Acquisition. Harvard College Library, 1988.

Панов 1990 - Панов М.В., История русского литературного произношения XVI-XX вв. М., "Наука", 1990.

Цейтлин 1989 - Цейтлин С.Н. Детская речь: инновации формообразования и словообразования (на материале современного русского языка). Автореф. докт. диссер., Л. 1989, 32 с.

Язык и личность 1989 - Язык и личность. М., "Наука", 1989.

В.Кривулин

Пушкинские фамилии

Несколько лет назад – в качестве иллюстрации "народного пушкиноведения" – я рассказал М.В.Панову о странном лингво-социологическом факте, свидетелем которого мне довелось стать в начале 60-х годов, когда нас, студентов-третьекурсников ленинградского филфака, направили на практику в Пушкинские горы, где мы должны были осваивать малопочтенную, но небесполезную профессию экскурсовода. Мой рассказ показался М.В. достойным не только кулуарного бытования, но и готовившегося тогда сборника по ономастике.

К сожалению, вместо того, чтобы своевременно воспользоваться этим предложением, я, скорее всего по стилистической лености и художественному легкомыслию, предпочел академической строгости изложения беллетристическую форму, включив реальные факты в ткань повествования, основанного на авторской фантазии. Вместо статьи получилась небольшая повесть, герой которой, профессор Пушкинского Дома, специалист по Чехову, совершает в результате сложной и драматической внутренней работы преднамеренный акт культурного вандализма, унизительным (для рукописи) способом уничтожая беловой автограф рассказа "Скучная история", признанного шедевра отечественной новеллистики.

Повесть была опубликована в журнале "Континент", до недавнего времени практически недоступном внутрисоветскому читателю, что не снимает моей вины перед русскоязычной читающей публикой, которая оказалась жертвой жанра, будучи введена в заблуждение относительно эпизода с пушкинскими фамилиями, ибо АНЕКДОТ в том значении этого слова, какое бытовало в пушкинскую эпоху (а именно: забавный исторически достоверный случай), превратился в АНЕКДОТ, каким мы его знаем по новейшему словоупотреблению, т.е. – просто в комическую языковую ситуацию, заведомо не претендующую на житейскую достоверность.

И вот теперь, в пору невиданного расцвета публицистики, у меня возникло желание "изъять правду из вымысла", поскольку никакая художественная фантазия не способна соревноваться с символистическим буйством нашего административно-командного (как нынче принято выражаться) мышления.

Это случилось в июне 1964 года, когда вся страна в обстановке высокого морально-политического подъема готовилась отметить 165 годовщину со дня рождения А.С.Пушкина. Почему-то каждая пятая пушкинская годовщина выдается особенно богатой на юбилейные мероприятия. То ли общее имперское чутье роднит календарных руководителей нашей культуры с римскими понтификами, отсчитывавшими государственное время по пятилеткам (lustrum'ы), то ли здесь сказывается подсознательное воздействие армейской символики, то ли еще какие причины, но, как бы то ни было, раз в пять лет земля над могилой автора поэмы "Медный всадник" в б. Святогорском монастыре испытывает особенную тяжесть, содрагается и буквально ходуном ходит, как от "конского топа", - таково обилие жаждущих своевременно посетить "поэта дом опальный". Естественно, местные гиды не справляются, и нас, студентов-филологов, - в духе милой сердцу Хрущева идеи тотального производственного воспитания - сняли с зачетной сессии и отправили сеять то, что завещал Некрасов (Николай Алексеевич). Нива общенародной любви к солнцу русской поэзии была в то время ограничена пространством между полуразрушенным Святогорским монастырем и свежевыстроенным домиком няни Арины Родионовны в Михайловском.

Потянулись страдные трудовые будни, когда ежедневно, после третьей двухчасовой экскурсии, диспетчер из монастыря норовил навязать еще и четвертую. И скоро реальные полтора километра между главными объектами групповождения превратились для каждого из нас если не в крестный путь, то по крайней мере в какую-то особую сакральную территорию, где вся жизнь, природа, человеческие повадки были организованы вокруг одного-единственного центра и имели смысл в одном-единственном случае - когда хоть как-то соотносились с биографией А.С.Пушкина. За пределами этого литературно-мифологического пространства жизнь шла своим обычным порядком: в окрестных колхозах вяло пытались сеять кукурузу, на главной площади соседнего Новоржева воздвигли постамент в ожидании нового памятника, между Михайловским и Тригорским неспешно строили из грязно-белого кирпича что-то вроде гигантского свинарника. Словом, вокруг было не до Пушкина.

Так казалось мне до тех пор, пока, "в рассуждении чего бы

покушать", а, точнее, в поисках меда, которого, по свидетельству нашей квартирной хозяйки, "в Егорихине всегда хоть залейся", я не отправился искать эту деревню, расположенную, как было объяснено, "верстах в трех вправо после развилки на Новоржев" (старорусская "верста" в современной деревне синонимична официальному "километру" и не имеет ничего общего с одноименной дореволюционной мерой длины). Егорихино я нашел легко, деревенька домов в двадцать, несколько, к моему удивлению, каменных и на вид старых (остатки аракчеевского военного поселения, как потом выяснилось), одна прямая улица, совершенно пустая, будто вымершая, причем в тот момент я еще не был уверен, что попал именно в Егорихино, а спросить, кажется, не у кого, не то что меду купить.

Единственным живым обитателем деревни оказалась полуглухая старуха, которая объяснила мне, что взрослых никого нет, все пошли на барщину в бригаду, она тут одна с дитятями, да еще вон там, за Вяземскими, коровы на выпасе, так там пастух еще есть, Кухлебекер, но от него толку не добьешься, тронутый совсем, с войны тронутый пришел, а ничего, тихий. Ее монолог передаю почти дословно, и сейчас, спустя четверть века, помню не только слова, но и интонацию, какую-то нездоровую смесь полного равнодушия (так говорят в пустоту, заученно) и благожелательности. Пока я мысленно приноравливался к колхозной барщине, сочетание Вяземских с Кухлебекером не казалось подозрительным: эти фамилии уже сделались для меня как бы неотъемлемой частью пушкиногорского ландшафта. Но когда в ответ на вопрос, можно ли здесь у кого-нибудь купить меду, я услышал, что лучше всего у Грёминых, вон там, напротив Ларины у них дом, и мед у них липовый, а не гречишный, как у Волконских - мне сделалось как-то неуютно, как-то не по себе. Я начал выяснять фамилии остальных жителей деревни, и жалею только о том, что не переписал их все в том порядке, в каком стояли дома. Но помню, что Онегины жили через дом от Ленских, а между ними - Белкины. На одном краю деревни поселились Трубецкие, на другом Пащокины, были когда-то и Дельвиги, но перебрались в Опочку. Из Баратынских в живых один дед старый, но сейчас его свезли в районную больницу.

- Откуда у вас эти фамилии? давно?

– Не знаю. Вроде недавно. Раньше другие были.

– Какие?

– Да были какие-то...

Как ни старался, я не мог получить вразумительного ответа, и только к середине дня, когда в Егорихино стали возвращаться взрослые, кое-что прояснилось.

Название села Егорихина восходит, видимо, к 40-м годам прошлого века, когда здесь, на месте пришедшего в упадок военного поселения, осели не то старообрядцы какого-то особого толка, не то сектанты, близкие, судя по всему, к хлыстам, у которых все мужчины именуются (даже в бытовом общении) "христами". До 1949 года все представители мужского населения деревни Егорихино были Егорами Егоровичами Егоровыми (вероятно, по мистическому соотнесению с Георгием Победоносцем) и различались в обиходе или при внешних контактах по кличкам типа: Егор-Егорович-Егоров-На-болоте, Егор-Егорович-Егоров-Косой и т.п. Женских имен эта унификация не касалась, они отличались большим разнообразием.

Весной 1949 года праздновалось 150-летие со дня рождения Поэта. В Егорихино приехало начальство из райисполкома. Колхозников собрали и предложили сменить фамилии, пользуясь списком, который, запинаясь на иноязычных звукосочетаниях, зачитал председатель колхоза. Кем этот список был составлен, думаю, мы уже никогда не установим, но, очевидно, что потрудился человек, более знакомый с анекдотической стороной биографии Пушкина, нежели с его книгами, ибо иначе я не могу объяснить наличие Гремина, чья фамилия изобретена Модестом Чайковским для нужд оперного либретто, но с другой стороны, присутствие Дельвига, Кюхельбекера и Нащокина изобличает некоторую начитанность чиновника.

Фамилии разбирали, как инвентарь: кому какая достанется, звучные – тем кто побойчей, непривычные и по виду нерусские – более робким. Бригадир взял себе Трубецкого, а Кюхельбекера, с общего одобрения, присудили контуженному инвалиду войны (он действительно выглядел жалко и нелепо спустя 15 лет, когда я увидел его).

Больше в тех местах я не был, но недавно мне рассказали, что именно там, под Новоржевом, сожгли дом, куда переселилась семья русских беженцев из Душанбе. Единственная причина поджога – чтобы чужим неповадно было приезжать.

Н.И.Толстой

Два иностранных свидетельства XУI в. о славянах, русских, о церковнославянском и русском языке

Ценные факты о языковой ситуации в русских (восточнославянских) землях в XУI в., содержащиеся в латинском трактате 1517 г. польского историка Матвея из Мехова (Матвея Меховского) [1], уже были предметом нашего рассмотрения [2]. Однако в предшествующей работе они были изложены и анализированы лишь частично, что позволяет нам снова вернуться к этой теме. К тому же, аналогичный материал в латинских сочинениях итальянца Антонио Поссевино [3], иезуита, папского посланника, дипломата и знатока Руси и Польши, еще не подвергался специальному анализу. Поэтому есть основание попытаться также выделить этот материал из общей суммы исторических и этнографических свидетельств, содержащихся в трудах ученого иезуита, и взглянуть на него под историко-лингвистическим и этнонимическим углом зрения.

Иностранные славянские и неславянские хронисты имели достаточно четкое представление об историко-культурном, этническом и языковом единстве славянских народов задолго до XУI в. В XУI в., в эпоху польского "сарматизма" и далматского "иллиризма" эти представления стали еще более яркими и полными. Матвей Меховский в своем "Трактате" в завершающей части раздела о вандалах, аланах писал об автохтонности славян, расселенных в разных землях: "надо заметить, в-четвертых, что поляки, богемы, свевы и все славянские племена от потопа до нашего времени остаются на своих местах, в коренных своих владениях, а не прибыли откуда-нибудь из иных мест, как сообщает польская хроника и хроника богемская". В итоге он свидетельствовал: "заметим, в-пятых, что славянская речь весьма распространена и широко употребляется во множестве стран и областей. Сюда принадлежат: сербы, мизии, расции или булгары и боснийцы (**Serui, Misii, Rascii seu Bulgari et Bosnenses**), ныне покоренные турками. Точно также - далматы, кроаты, паннонцы, славы, карны, богемы, моравы, силезийцы, поляки Великой и Малой Польши, мазовиты, померанцы, кашубы, сербы, рутены, московиты (**Dalmatae, Croatae, Pannonii, Slaui, Carni, Bohemi, Moraui, Slesitae, Poloni Maiores et Minores,**

Pomerani, Cassubitae, Sarbi, Ruteni, Moskouitae). Все это - славы и ванделики (Slaui et Vindelici)) и занимают они обширные области. Теперь, впрочем, уже и литовцы говорят по-славянски. Сюда же относятся нугарды, плесковиты и огульки(Nugardi, Pleskouienses et Ohulci): смотри их хроники и космографии". (Мех. ТДС, 78-79,158).

Кратко комментируя приведенный отрывок, поясним, во-первых, что в русском тексте мы сохранили перевод либо транслитерацию С.А.Аннинского, издавшего в 1936 г. по-русски и по-латыни "Трактат о двух Сармациях" Матвея Меховского, во-вторых, что Матвей Меховский дал достаточно точное и не слишком дробное деление южных, западных и восточных (именно в такой последовательности) славян на народы или этнические группы (большие и малые). Сербы у польского хрониста разделены на сербов и расциев. Этноним "расция" происходит от названия древней и на Балканах (с УІ в.) исконной сербской земли Рашки (Rascia), располагавшейся в пределах нынешней Черногории и части соседних земель. Но "рацами" венгры называли сербов еще в недавнем прошлом, и под ними могли подразумеваться и сербы, мигрировавшие в земли венгерской короны, т.е. в Венгрию и Хорватию, однако союз seu (или) указывает на то, что Матвей Меховский расциями называет боснийцев, а мизиями - болгар. В таком случае к южным славянам он причисляет болгар, сербов, боснийцев, хорватов и славов (вероятно, словенцев), присовокупляя к ним далматинцев - теперешних хорватов и других славянских жителей Далмации, паннонцев - тех же теперешних хорватов и, возможно, сербов, живущих севернее течения р. Савы и Дуная [4], и выделяя в среде словенцев карнов (carni - крайнцы), т.е. жителей Верхней и Нижней Крайны - центральной зоны современной Словении. Поляки, как и следовало ожидать от польского хрониста, также описаны подробно. На польской этнической территории выделены четыре крупные группы - силезцы, мазовшане, поляки Великопольши и Малопольши, упомянуты примыкающие к ним кашубы и поморяне. Не забыты также и лужицкие сербы (Sarbi).

Что же касается восточных славян, то они в общем перечне славянских племен и народов даны под двумя именами: "руте-

нов" - русских и "московитов" - жителей Московии. Для XVI в. такое противопоставление очень типично. Рутены - это западные русские (малороссы) - украинцы и белорусы, а московиты - русские Московского царства. После пояснения, что все перечисленные народы - "славы и венделики" (Slavi et Vindelici) [5], и замечания, что "уже и литовцы говорят по-славянски", называются "нугарды, плесковиты и огульки", т.е. новгородцы, псковичи и вогулы [6]. Выделение новгородцев и псковичей любопытно в свете того интереса к их диалектам, который возник в русистике в последнее время; однако надо полагать, их упоминанию в "Трактате о двух Сармациях" способствовала энергичная торговая и политическая деятельность этих западновеликорусских этнических групп в большей мере, чем их языковые особенности [7].

Матвею Меховскому, как нам уже приходилось отмечать, принадлежит свидетельство, что "в русских церквах при богослужении читают и поют на сербском, то есть славянском языке" [8] и что "и в Новгороде, Пскове, Полоцке и затем к югу за Киев живут все русские, говорят по-русски или по-славянски, держатся греческого обряда и подчиняются патриарху Константинопольскому" (Мех. ТДС, 98, 109, 175, 185-186) [9]. Речь идет, таким образом, о единстве русского языка на всей восточнославянской этнической территории и о единстве русского языка в Московской Руси. Это подтверждается другими заявлениями Матвея Меховского в том же его "Трактате". Он писал: "Московия - страна весьма обширная в длину и ширину... и речь там повсюду русская или славянская" и повторял это, обращаясь к читателю в завершающем его книгу трактате о Московии: "Знай..., что в Московии одна речь и один язык, именно русский или славянский, во всех сатрапиях и княжествах" (Мех. ТДС, 116, 192).

Таким образом, Матвей Меховский различал "сербский", т.е. церковнославянский язык, принятый в церквах, и русский, "или славянский", распространенный в Московии (in Moskovia, т.е. на Руси Великой) и в Руссии (in Rutenia, т.е. Руси Малой и Белой).

Другой хронист и наблюдатель современной ему русской жизни, папский посланник Антонио Поссевино в своем трактате

"Московия", созданном в 1582-1583 годах, постоянно пишет о двух Россиях, находящихся под влиянием московского царя или короля польского. Так, завершая рассуждение о том, "на что нужно обратить внимание при снаряжении посольства от Апостольского Престола... в Московию", Поссевино заявляет: "Таким образом светоч веры будет передан лучшим, и тот, кто искренне жаждет славы Христовой, внесет католическую религию в обе России, и ту, что у польского короля, и ту, что у московского князя" (Посс. ИСР, 68). Это положение находим и в других местах трактата: "Таким путем это ("Диплом" Флорентийского собора 1439 г. - Н.Т.) с Божьей помощью сможет дойти до той части России, которая принадлежит польскому королю, и до той, что принадлежит великому князю московскому" (Посс. ИСР, 22), или: "Если бы мы... продолжали дело упорно и постоянно, и позаботились, чтобы Россия, которая принадлежит Польскому королевству, впитала католическую веру..., мы имели бы уже как бы очень крепкое орудие, которое смогло бы применяться для покорения московской схизмы. Однако мы выпустили из рук эту часть России" (Посс. ИСР, 35), или: "Некоторые русские князья... с распростертыми объятьями примут благость Святого Престола. Когда мы ехали через королевскую Русь в Московию, некоторые знатные люди, отставшие от своей схизмы, доверительно говорили с нами", или: "Киев - область Руси под властью польского короля" (Посс. ИСР, 39). Поссевино известны понятия и термины "Белая Русь" и "Червонная Русь", но терминов "Малая" и "Великая Русь" он не употреблял. Так, он писал: "Когда я был в Белой Руси, мне рассказывали, что в той местности, которая зовется Червонной Русью и которая, так же как и Белая, подчинена польскому королю, в Дорогобуже есть колодец с соленой водой" (Посс. ИСР, 30).

В своих сочинениях "Московия", "Московское посольство" и "Ливония" (написаны в 1582-1583 гг.) посол Римского первосвященника не дал обзора славянских стран и народов, перечисления славянских народов, что объясняется, видимо, жанром его сочинений, написанных искусно и умело, с литературным блеском, но являющихся своеобразным отчетом о своих действиях в Московском государстве и инструкцией для будущих посольств в далекую от Италии и центральной Европы и могучую страну. Поссеви-

но использовал в своей работе множество источников и сочинения своих предшественников [10], но в то же время старался не повторяться, не писать об известном, и потому его труды живы и оригинальны, потому, видимо, в его трудах нет специального раздела о языках и народах славянских. Тем не менее он касается этого вопроса, и мы снова предлагаем подборку цитат, посвященных этой теме.

Обращаясь к проблеме церковного языка, Поссевино пишет: "Что касается богослужения и исполнения церковных обрядов, то все это делается на славянском, или скорее, на русском языке, а он почти таков, как язык, принятый у русских подданных польского короля. Все книги они сами переписывают, но не печатают, исключая то, что печатается на станке для самого князя в городке, который называется Александровской слободой, где у государя есть типография" (Посс. ИСР, 27). Несколько далее он пишет о мнении своего предшественника-итальянского путешественника в Московию: "А то, что написал в своих "Записках о Московии" Джовио, именно, что среди этого народа распространены сочинения четырех ученых латинской церкви и других отцов церкви, переведенные на русский язык (он думал, что последний сходен со славянским), этого еще не удалось пока узнать, хотя я тщательно об этом расспрашивал. ... О них, по-видимому, не слыхали даже те из великокняжеского двора, которые обычно составляют окружение государя" (Посс. ИСР, 27). В сочинении "Московское посольство", возникшем из донесения Поссевино генералу Иезуитского ордена и заметок его спутника Джовани Паоло Кампани, сообщается, что "в Московии нет ни одной гимназии, в которой юношество обучалось бы свободным наукам, также нет и ученых богословов, которые просвещали бы народ проповедями. У московитов чрезвычайно ученым считается тот, кто знает славянские буквы. ... У них есть много греческих и латинских сочинений Отцов церкви в переводе на русский язык: сочинения папы Григория, причисленного к святым, Василия Великого, Хризостома, Дамаскина и других, гомилии которых в наиболее торжественные праздники читаются народу с амвона" (Посс. ИСР, 209).

Приведенные отрывки из книги "Московия" и "Московское посольство" свидетельствуют, что Антонио Поссевино, так же

как и ранее в 1517 г. Матвей Меховский и позже в 1696 г. Генрих Вильгельм Лудольф [11], осознавал различие между русским разговорным языком XVI в. и языком письменным, книжным и богослужебным - церковнославянским, ощущая при этом их близость (... "это делается на славянском, или скорее, на русском языке"). Некоторые различия между церковнославянским языком западнорусского образца и образца московского замечали и русские книжники XVII века [12], но ученый иезуит прав, утверждая, что московский славянский язык "почти таков, как язык, принятый у русских подданных польского короля".

Что касается образованности в Московской Руси, тесно связанной с книжным языком, то она казалась Поссевино невысокой помимо всего потому, что была построена на иных, чем в Западной Европе, началах [13], в суть которых римский иезуит глубоко не вникал. Поссевино, однако, наблюдал довольно внимательно разговорный язык, который в нескольких случаях был им назван "языком московитов" или "московитским языком" (см. сноску 14), а в других случаях просто "русским".

Антонио Поссевино интересовался также проблемами книжного славянского языка, его разновидностями и различием славянских языков вообще, что видно из следующего. Ватиканского монаха волновал тот факт, что булла или "Диплом" о единении, составленный папой Евгением IV в пору Флорентийского собора 1439 года и переведенный на греческий, а потом "славянский язык", оставалась недоступной и непонятной русскому, "московитскому" читателю. По этому поводу он писал: "Ведь переводчик этого "Диплома" на славянский язык не знал особенностей русского языка, но составил какую-то смесь из боснийского и хорватского языков. Это заметили те, кого я привез с собой из русских земель, находившихся под властью польского короля, и из Австрии [14]. Они же позаботились, чтобы и самый "Диплом" и Символ Веры, изданный Пием IV, были переведены на современный русский язык" (Посс. ИСР, 28). Следует, однако, предположить, что этот "современный язык" был все же не разговорным, а книжным.

Наконец, папский посланец хорошо понимал устойчивость богослужебного "славянского" языка на Руси и сообщал по этому поводу: "Важно, по-видимому, и то обстоятельство, что было

бы очень трудно заставить их (московитов. – Н.Т.) отказаться от богослужения на славянском языке и заменить его богослужением на латинском или добиться разрешения для нас вести его на греческом языке. Если бы это и удалось через некоторое время, нужно было бы тщательно изучить, правильно ли переведено то, что читается у них из Ветхого Завета или Евангелий. Эта вещь, может быть, никогда не делалась даже и самими греками, да и не легко это сделать, так как я не знаю никого, кто понимал бы язык московитов с особенностями его фраз наряду с твердым знанием греческого и латинского языков и вместе с тем имел бы прочную основу в теологии" (Посс. ИСР, 33). Поссевино вновь смешивает проблемы книжного языка и разговорной речи ("кто понимал бы язык московитов"), хотя в этом случае может подразумеваться и книжный, сакральный язык жителей Московской Руси – Московии. Интересно отметить, что ученый иезуит своими суждениями предвосхищал программу и деятельность сторонников Никоновской справы и говорил о необходимости правки богослужебных текстов.

В связи с названием русского и славянского языка представляет интерес и название православной веры, употребляемое просвещенным иезуитом и папским посланником. Чаще всего православие называется "схизмой", а православные "схизматиками" ("... значительная трудность, которая удерживает московитов в схизме, заключается в том, что мощи некоторых схизматиков прославлены тем, что они остаются нетленными..."), но нередко православие называется "русской верой" и противопоставляется "католической вере" как вере "истинной". Поссевино пишет, что "великий князь московский" Иван IУ "после покорения большей части Ливонии изгнал оттуда всех католиков до единого силой оружия, насадил повсюду русскую веру и строжайшим образом утвердил ее" (Посс. ИСР, 32), или "... московит... расширил пределы своих владений и самым ревностным образом насадил в "Ливонии русскую схизму" (Посс. ИСР, 220), или о том, что он говорил с боярами "о католической и русской религии" (Посс. ИСР, 84). Разрабатывая планы приближения всех русских к католицизму и как бы предвещая обращение в унию части западнорусских православных верующих, Поссевино отмечает, что "Московия по традиции чрезвычайно зависит в делах религии

от Руси (т.е. так называемых "Западно-русских земель" или земель украинских и белорусских - Н.Т.), находящейся под властью польского народа (совсем недавно московские епископы утверждались киевским митрополитом русской веры...). Поэтому будет очень важно для обращения Московии, если епископы или владыки королевской Руси присоединятся к католической церкви" (Посс. ИСР, 39). Иногда Поссевино ведет речь о "русских обычаях" и "русских догматах", когда дело опять-таки касается православия. Он сообщает, что "храмы, в которых московиты в Дерпте и Ревеле исполняли церковные обряды по русскому обычаю, были разрушены лютеранами (однако это нечестивое дело было приписано католикам)" (Посс. ИСР, 42), или, перечисляя трудности введения в Московии католической религии, предупреждает, что в Московской Руси "очень жестоко наказывают того, кто осмеливается сказать что-нибудь против русских религиозных обрядов и догматов" (Посс. ИСР, 31). Свою веру Поссевино называет католической и опровержению православия, опровержению, в основном, чисто внешнему и довольно безапелляционному, он уделяет много места в своих сочинениях. "Обо всем этом, - поясняет ватиканский посланец, - можно будет узнать как из моей первой книги о Московии, так и из того сочинения о расхождении между католической верой и русской схизмой, которое я передал московскому князю по его просьбе" (Посс. ИСР, 70). Естественно, что Поссевино одновременно является непримиримым противником "лютеранской ереси". Именно под влиянием лютеранства, по мнению ученого иезуита, "у московского князя (царя Ивана Грозного - Н.Т.) создалось представление, что все католики (которых он зовет римлянами) впали в ересь и поэтому их легко будет покорить" (Посс. ИСР, 62). Добавим к этому, что по свидетельству того же Поссевино, Иван Грозный употреблял для католической религии и термин "латинская". Он говорил: "Близок день суда, когда Господь решит, наша или латинская вера основывается на истине" (Посс. ИСР, 77). Впрочем, этот термин не чужд и самому Поссевино, сообщающему, что "кроме тех чудотворцев, которых почитает латинская церковь, московиты имеют мучеников, епископов и монахов, которые, как они хвастаются, вознеслись на небеса" (Посс. ИСР, 209).

Таким образом, мы узнаем, что русские во времена Ивана Грозного называли католическую веру римской или латинской [I5], а католиков - римлянами, сам же Антонио Поссевино в разговоре с грозным московским Государем называл православие и "греческой" верой [I6]. Он сказал царю: "Чтобы мне не причинять Тебе досады всем этим, пусть Твоя Светлость прочтет то, что я по твоему поручению писал о расхождении между католической и греческой верой" (Посс. ИСР, 86). Наконец, молитвы, которые читались в русских церквах, Антонио именует, так же как и веру, "русскими молитвами", а не славянскими ("священники, одетые в священную одежду (если ее можно назвать священной), образовали посредине храма как бы венок и, по своему обычаю, читали русские молитвы" (Посс. ИСР, 85). Однако надписи на иконах в России-Московии он называет славянскими: "... лики святых они пишут с исключительной скромностью и строгостью, гнушаясь тех икон, которые лишены славянской надписи..." (Посс. ИСР, 2II) [I7].

Таким образом, свидетельства Антонио Поссевино и других иностранцев, писавших о России XУI века, подтверждают сделанные нами ранее на другом материале выводы об известной синонимичности терминов словенский и русский, с одной стороны, и о их противопоставленности в некоторых случаях по признакам 'книжный' - 'разговорный', с другой стороны. Такое положение на Московской и Западной Руси XУI века отмечали не только иностранные, но и древнерусские книжники, воспринимавшие словенский язык как язык не только русских, но и южнославянских книжников и указывавшие иногда на его южнославянское происхождение [I8]. Изучение славянских лингвонимов не может не соприкасаться с исследованием этнонимов и терминов, означающих вероисповедание, прежде всего православное и католическое, с разработкой вопросов самосознания отдельных этнических образований и групп. Все это тесно связано с проблемами возникновения и взаимодействия конкретных литературных языков, культурных ареалов и конфессиональных институтов. В этом нас убеждает и материал, почерпнутый из сочинений Антонио Поссевино, Матвея Меховского и их современников.

Примечания

1. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936. Далее в сокращениях: Мех. ТДС.
2. Толстой Н.И. Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XУI-XУII вв.) // Вопросы русского языкознания. Вып. I. М., 1976, с. 189-190. То же в кн.: Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988, с. 115-116.
3. Поссевино А. Исторические сочинения о России XУI в. М., 1983. Далее в сокращении: Посс. ИСР.
4. В другом месте, говоря о раннем расселении славян (библейской эпохи!), Матвей Меховский утверждает: "Вскоре после греков славяне завладели землями к западу: Сервией, Расцией, Далмацией, Мизией, Булгарией, Босной, Кроацией, Паннонией и Славонией (Slavi itaque... terras possederunt Serviam, Rasciam, Dalmaciam, Misiam, Bulgariam, Bosnam, Croaciam, Pannoniam et Slavoniam)". (Мех. ТДС, 73, 152). Здесь указывается Славония - область севернее течения реки Сава. Не исключено, что этноним "славы" (Slavi) связан и с этой территорией, хотя он одновременно относится и ко всем славянам вообще (Hi omnes Slavi... sunt), как это наблюдается и в нашу эпоху (Мех. ТДС, 78, 158).
5. Этноним Vindelici остается неясным. Этимологически его трудно связать с венетами.
6. "Огульками" (Ohulci) называются вогулы - восточно-финское племя, известное сейчас под именем манси.
7. Четыре десятилетия спустя после появления книги Матвея Меховского о двух Сарматиях появились "Записи о Московии" Сигизмунда Герберштейна, в которых посол императора Священной римской империи германского народа описывает Московскую Русь, а в связи с ней в одном пасусе весь славянский мир. Герберштейн пишет: "Славянский язык, ныне искаженно именуемый склавонским (Sclavonica), распространен весьма широко: на нем говорят далматинцы (Dalmatae, Dalmatinae), босняки (Bossnenses, Bossner), хорваты (Chrogti, Chrabaten), истрийцы (Istrii, Isterreicher) и далее вдоль Адриатического моря до Фриуля карны (Carni, Carster), которых венецианцы называют карсами

(Charsi), а также жители Крайны (Carniolani, Crainer), каринтийцы (Carinthii, Kharner), до самой реки Дравы (Dravus, Traa), затем штирийцы (Stirii, Stoyrer) ниже Граца (Gratz) вдоль Мура (Muer) до Дуная, мизийцы (Mysii, Mysy), сербы (Servii), болгары (Bulgarii), и другие, живущие до самого Константинополя; кроме них чехи (Behemi, beham), лужичане (Lusacii, Lausitzer), силезцы (Silesii, Schlesier), моравы (Moravi, Märher) и обитатели берегов Вага (Vagus, Waag) в Венгерском королевстве, а еще поляки и русские, властвующие над обширными территориями, и черкесы-пятигорцы (Circasi-Quinquemontani, Circassen in fünff pergen) у Понта и, наконец, остатки вандалов (Vandali, Wenden), живущие кое-где на севере Германии за Эльбой. Все они причисляют себя к славянам, хотя немцы, пользуясь именем одних только вандалов, называют всех говорящих по-славянски одинаково венцами (Wenen), виндами (Windi) или виндскими (народами) (Windische)". Этому довольно пространному пасусу предшествует такое утверждение: "... Но каково бы ни было происхождение имени "Руссия", народ этот, говорящий на славянском языке, исповедует веру Христову по греческому обряду, называющий себя на родном своем языке Russi , а по-латыни именуемый Rhuteni , столь умножился, что либо изгнал живущие среди него иные племена, либо заставил их жить на его лад, так что все они называются теперь единым и тем же именем "русские". См. Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988, с. 58.

Сигизмунд Герберштейн происходил из словенских земель, хорошо знал словенский язык, и это обстоятельство, наряду с другими, повлияло на то, что он стал во главе императорского посольства, направленного в Москву. Нетрудно заметить, что в приведенном описании Герберштейн подробно характеризует этническую ситуацию северозападной части южнославянской этнической территории, различая истрийцев - жителей Истрии и далматинцев - жителей Далмации, упоминая при этом хорватов и боснийцев. Словенцы у Герберштейна перечислены полно: краинцы, или карниоланы, т.е. жители Крайны (современные "гореньцы" и "доленьцы"),

карны, карсы или венецианские словенцы (современные резьянцы, терцы, "крашцы" и др.), штирийцы, т.е. жители Штирии и помурцы (современные жители словенских Гориц по р. Муре и "прекмурцы"), наконец, каринтийцы (корошцы), известные у Нестора летописца еще в XI в. под именем "хорутане". Этот этноним часто распространялся на всех словенцев, и им пользовался и И.И.Срезневский в XIX в. Известно и распространение названия "краинский" на весь словенский язык и даже Этнос. Немцы иногда называли словенцев, лужичан и других славян вендами, и потому и Матвей Меховский, и Сигизмунд Герберштейн пишут о вендах "или вандалах", ошибочно считая эти этнонимы однокоренными или синонимичными.

Характерно, что первая грамматика словенского языка Адама Богорича, вышедшая в Виттенберге в 1584 году, называлась **Arcticae horulae succisivae, de latino-carniolana literatura, ad latinae linguae analogiam accommodata, unde Moshoviticae, Rutenicae, Polonicae, Boëmicae et Lusaticae linguae, cum Dalmatica et Croatica cognatio, facile deprehenditur, praemittuntur his omnibus, tabellae aliquot, Cyrilicam et Glagoliticam, et in his Rutenicam et Moshoviticam Orthographiam continentes, Adami Bohorizh. Witebergae anno M.D. LXXXIIII.** Здесь среди близких словенскому - "карниоланскому, или краинскому языку", называемому так по центральной области Словении - Краине, перечисляются: московитский (**Moshovitica**), русский (**Rutenica**), польский, чешский (**Boëmica**), лужицкий (**Lusatica**), далматинский и хорватский. К тому же в том же заглавии и в книге, в таблицах Богорич различает письмо кириллическое (**Cyrilica**) и глаголическое (**Glagolitica**). Кириллическое, по свидетельству словенского грамматика, распространено в Турецкой империи у янычар, у всех боснийцев (**Bossnenses**), у русских (**Ruteni**) и московитов (**Moschovitae**), а глаголическое - у хорватов (**Croati**). Кириллическое изложено в двух таблицах - в общей и в "рутено-московитской", глаголическое - в третьей таблице, а "латино-карниоланское", т.е. словенское письмо дано в отдельной четвертой таблице. Латино-хорватское, или латино=богемское (чешское), латино=польское или латино=лужицкое "письмо" (таблицы) не приводятся. В параллельных текстах молитвы "Отче наш" даются, однако, латин-

скими буквами шесть вариантов: "кириллический" (церковнославянский южнославянского образца), хорватский, польский, чешский, лужицкий, словенский (Carniolana). Любопытно, что Адам Богорич различает "языки" и этносы и даже "орфографии" - московский ("московитский") и русский ("рутенский"), в то время как Герберштейн этого не делает, причисляя к славянам (русским?) лишь пятигорских черкесов. Точно так же он различает "далматский" и хорватский языки, но не упоминает сербского и болгарского, называет лужицкий, чешский и польский, но не выделяет наречий моравского и силезского, как это делает его земляк Герберштейн. У Богорича нет упоминаний о словенских диалектах и интересующих нас русских наречиях. Его взгляд - взгляд с крайнего славянского юго-запада. Ему важно подчеркнуть единство славян и их языка, и потому на титульном листе грамматики помимо латинского заглавия дано изречение "Всяки язикь спознати хоще Бога"кириллическими и глаголическими буквами, по-словенски латиницей Vsaki jezik bode Boga sposnal, что означает 'Всяк язык (народ) спознает Бога'. В предисловии к грамматике (стр. *5, на самом деле девятая) Адам Богорич пишет о том, что Священное Писание (Sacra Biblia) существует на германском, испанском, французском (Gallica), итальянском, "вагарском" (Vagarica?), чешском (Boemica), польском (Polonica), русском (Rutenica) и московском (Moshovitica) языках. Словенцам (Carniolanis) же Новый Завет на их язык перевел Примож Трубар (Primus Truberus). Перевод Библии на словенский язык был сделан словенцем Юрием Далматином и вышел в свет тоже в 1584 г.

8. В статье "Старинные представления..." (см. сноску 2) нами пояснялось, что на Руси в XУI-XУII вв. под термином "сербский" понималось не только 'сербский', но и 'южнославянский', 'южнославянского происхождения' применительно к языку и этносу, притом преимущественно к книжному языку. Высказывание Матвея Меховского, что "в русских церквах при богослужении читают и поют на сербском, то есть славянском языке" (In ecclesiis Rutenorum lingua Serviorum que est Slavonica, divina celeb-

rant, legunt et cantat - Мех. ТДС, 175) Б.А.Успенский ошибочно отнес в своей книге в раздел "Языковая ситуация Московской Руси", а не в раздел "Языковая ситуация Юго-Западной (Литовской) Руси", что было бы правильней, хотя, конечно, в рассматриваемом нами плане положение было одинаковым в двух близкородственных культурных ареалах (См. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). München, 1987, с. 244). При определении места вышеприведенной цитаты следовало обратить внимание на указание Матвея Меховского: In ecclesiis Rutenorum (с. 175), а не Moskovitarum. Кроме того, контекст в целом показывает, что речь идет о такой ситуации, которая была возможна на Западной Руси, а не на Руси Московской: "В русских церквах при богослужении читают и поют на сербском, то есть славянском языке; в армянских церквах - на армянском языке; в иудейских синагогах молятся на еврейском языке. Христиане же римского обряда поют, молятся и читают на латинском языке" (Мех. ТДС, 98).

9. При оценке всей литературно-языковой и исторической ситуации в "двух Сарматиях", т.е. в Восточной Европе, следует учитывать, что Брестская уния осуществилась лишь в конце XVI в., в 1596 г., а установление патриаршества в России было при царе Федоре Ивановиче в 1589 г. До этого православная Западная и Восточная (Московская) Русь были под эгидой, в последние два века почти номинальной, патриарха Константинопольского. Культурно-языковые и религиозные процесоы, институты и отношения, описываемые Матвеем Меховским и Антонио Поссевино, относятся ко времени до упомянутых событий.
10. Поссевино знал труды Герберштейна, Гваньини, Кобенцеля, Джовио, Кампензе, пользовался донесениями послов, выписками из архивов и другими источниками. Самый значительный труд - "Записки о московитских делах" Сигизмунда Герберштейна впервые вышел в свет по-латыни в Вене в 1549 году. Уже в следующем 1550 году появился итальянский перевод книги, изданный в Венеции, затем следовали латинские издания 1551 и 1556 гг. (в Базеле), немецкое в Вене 1557 г. и многие другие.

II. Имеется в виду известное свидетельство Генриха Лудольфа конца XVII в., что на Руси говорится: "разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски" (apud illos dicitur, loquendum est Russicae et scribendum est Slavonicae). См. Henrici Wilhelmi Ludolfi. Grammatica Russica. Oxonii. A.D.MDCXCVI, Oxford, 1959, c. A_2.

I2. Достаточно указать на прение Лаврентия Зизания с игуменом Ильею и справщиком Григорием в Книжной палате I8 февраля I627 г. См. Летописи русской литературы и древности, кн. 4. М., I859, с. 86. См. также: Успенский Б.А. История русского литературного языка, с. 28I-288. Толстой Н.И. История и структура..., с. II6-II8. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. М., I938, с. I7-30.

I3. О высоком уровне древнерусского образования можно судить хотя бы по работе: Соболевский А.И. Образованность Московской Руси XV-XVII веков // Отчет СПб Университета за I89I год. СПб., I892.

I4. Антонио Поссевино в его поездке в Московию сопровождали иезуит Паоло Кампани (Павел Кампанский), схоластик Андрей Модестин, богемец, т.е. чех, по происхождению, коадъютор миланец Микель Мориено и хорват священник, уроженец Загреба Дреноцкий. Поссевино называет Дреноцкого славянином и пишет, что он говорил "по-славянски" (вероятно, на кайкавском наречии хорватскосербского языка - Н.Т.) и русские его не понимали: "Они не знают славянского языка, хотя он настолько близок к польскому и русскому, что тот священник, славянин по национальности, которого я посылал в Москву, уже очень скоро стал понимать из московитского языка, хотя, напротив, московиты, с большим трудом, по-видимому, понимали по-славянски" (Посс. ИСР, 27). См. также комментарий Л.И.Годовиковой (Посс. ИСР, 235). Во времена Поссевино и позже некоторые хорватские наречия назывались "словинскими" и их носители "словинским народом". Ясно, что здесь речь идет о разговорном, а не книжном или церковном языке.

I5. В "Московском посольстве" сообщается, что московиты "к латинской церкви относятся с гораздо большей неприязнью,

чем к греческой. Среди них не услышишь поношения Бога или святых, однако слова "латинская вера" - у них самое сильное проклятие для врагов. Правдоподобно, что это и многое другое московиты сначала получили от греков, а затем пренебрежение и невежество в церковных делах, как это бывает, принесли еще больше ошибок" (Посс. ИСР, 209).

16. В XVII в. православие в России официально называлось также "грекороссийской" верой: "Лифляндец Крестьян Иванов оставя лютеранский закон, принял наш грекороссийский." К.Анненк. 778. Бракосочетавающиеся лица Грекороссийского исповедания ПЗС, XXI, 996. Защитительнице Святыя Православныя Грекороссийския церкви. Бров. Речи 23. См.: Словарь русского языка XVII века, вып. 5. Л., 1989, с. 228.

17. В разделе "Какие письма и подарки нужно посылать Великому Первосвященнику для Московского князя" во второй книге "Московия" Антонио Поссевино пишет: "Следовательно будут одобрены и охотно приняты: вещи такого же рода, некоторые большие сосуды из серебра с отделкой золотом..., также шелковые ткани, затканные золотом со своеобразным большим искусством, святые иконы, украшенные драгоценными камнями и жемчугом (на которых не должно быть изображения обнаженного тела), с надписью, сделанной греческими буквами, чтобы было ясно, что изображает эта икона, и написанные по греческому образцу" (Посс. ИСР, 73). Не исключена возможность, что в данном случае и кириллические буквы Антонио называет "греческими" или "написанными по греческому образцу".

18. Толстой Н.И. Старинные представления..., с. 197-199; Кузнецов П.С. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958, с. 11.

Е.И.Голанова

Что такое "клодовеки"?

Несколько лет назад в Институт русского языка АН СССР пришло письмо из Германии. Исследователь творчества В.А.Жуковского писал о том, что, изучая Дневники поэта, он обнаружил не известное ему слово "клодовеки". Немецкий коллега интересовался смыслом этого слова.

Наши первоначальные поиски, естественно, пошли по пути изучения словарей. Оказалось, что такое слово не зафиксировано словарями русского языка. Не обнаружено оно и в картотеках Словарного сектора Института языкознания АН СССР - большой академической картотеке, картотеке словаря XVIII в. Словари других языков (немецкого, английского, французского, итальянского) также не дали материалов для ответа. Не дали положительных результатов и консультации с исследователями творчества Жуковского и искусствоведами.

Второй этап наших поисков разгадки таинственного слова включал уже более детальное изучение самого текста В.А.Жуковского. Издатель Дневников Жуковского И.А.Бычков, опубликовавший их в Петербурге в 1901 году, в предисловии писал: "Между бумагами В.А.Жуковского, пожертвованными его сыном Павлом Васильевичем в 1884 году в Императорскую Публичную Библиотеку, находится несколько дневников нашего знаменитого поэта, на важное значение которых для его биографии было обращено мною внимание в составленном мною описании этих бумаг. Свой журнал Жуковский стал вести еще в молодых годах; до нас дошел отрывок его журнала за 1804 год, когда поэту шел двадцать второй год... Начиная с 1817 г. в бумагах поэта, хранящихся в Публичной Библиотеке, имеется ряд его дневников, которые идут до сороковых годов"[1].

Загадочное слово "клодовеки" встречается на странице 309 издания И.А.Бычкова, где воспроизводятся краткие записи Жуковского о нескольких днях его жизни летом 1833 года в замке Виллингсгаузен в семействе своего друга и спутника в путешествиях по Европе живописца Герхарда Рейтерна. Следует здесь сказать, что характер, стиль дневников поэта на протяжении

лет менялся. Если в первые годы значительное место отводится размышлениям, подробным планам самообразования с указанием необходимой для этого литературы и т.п., то впоследствии, особенно во время путешествий, стиль дневников становится лаконичным, конспективным.

Вот как об этом писал П.А.Вяземский: "Жуковский не ленив был сочинять, но писать был ленив. Работа, рукоделие писания были ему в тягость. Сначала вел он дневник свой довольно охотно и горячо; но позднее этот труд потерял прелесть свою. Заметки его стали короче, а иногда и однословны... Дневник его не систематический и не подробный. Часто отметки его просто колья, которые путешественник втыкает в землю, чтобы обозначить пройденный путь, если придется ему на него возвратиться, или заголовки, которые записывает он для памяти, чтобы после на досуге развить и пополнить"[2]. И.А.Бычков также отмечал, что после 1817 года дневники отражали "краткие, зачастую однословные заметки о том, что он делал, где и у кого бывал, что он видел, с кем встречался..."[3]

Действительно, текст, где используется слово "клодовеки", мало помогает исследованию из-за своей лаконичности и даже некоторой "зашифрованности". И хотя на протяжении страницы оно встречается четыре раза, можно лишь предполагать на основе контекстных связей об общем смысле и коннотациях этого слова.

Вот этот текст: "8(20), вторник. В Виллингсгаузене. Поутру показывал свои рисунки и смотрел клодовеки. Прогулка по саду. Gartenlaube. Старые деревья. Мост через Неву. Семейные деревья. Место Рейтерна. Кавказ. Ель. Липа. После обеда клодовеки. Прогулка: деревня, кладбище. Церковь. Кассельская дорога. Клодовеки. Музыка. Праздник свадьбы Рейтерна. 9(21), среда. В Виллингсгаузене. Ссора с Андрюшею. Перед обедом рассматривал клодовеки. Прогулка. После обеда показывал свои рисунки. Приезд Фрица. Музыка. Les deux journées. 10(22), четверг. Отъезд из Виллингсгаузена в 1/2 12".

Из текста, таким образом, мы узнаем, что Жуковский "показывал свои рисунки и смотрел клодовеки", "рассматривал клодовеки". Что же обозначает это слово? Тоже рисунки? Какие-то зарисовки? Может быть, это - путевые наброски карандашом?

"Жуковского-поэта нельзя представить себе без карандаша; где бы он ни был, куда бы ни явился, он всюду брался за него и рисовал, в Мишенском и Муратове, в Швейцарии, Риме, Швеции", - писал в своем фундаментальном труде о Жуковском акад. А.Н.Веселовский[4]. Естественно, что В.А.Жуковский и Герхард Рейтерн в путешествии по Италии, из которого они только что вернулись в Виллингсгаузен, делали многочисленные зарисовки, часто достаточно беглые, черновые, позднее по ним уже восстанавливался рисунок, создавалась картина[5]. Иногда эту работу Жуковский доверял другим. "Елизавета фон Рейтерн обрисовывает наброски, привезенные им из путешествия..." - замечает акад. А.Н.Веселовский, говоря о пребывании поэта у Рейтернов[6]. Известно, что дочь Герхарда Рейтерна Елизавета, ставшая впоследствии женой поэта, не раз с радостью выполняла такую работу: "6 августа 1827 года Жуковский благодарил Рейтерна... его дочь срисовала для Жуковского его croquis", - пишет А.Н.Веселовский.

Итак, наброски, черновые зарисовки, "кроки". Но Жуковский, описывая свои дни в Виллингсгаузене, использует слово "клодовеки". Что же оно обозначало? Не могла ли здесь быть связь с немецким корнем kladde - "черновая тетрадь"?

Это предположение (как и некоторые другие, возникшие во время исследования) требовало дополнительных подтверждений, дальнейших разысканий. Возникла мысль, что в опубликованный текст могла вкрасться ошибка, издатель вообще мог неправильно прочитать рукопись, так как почерк поэта был неразборчивым[7]. В этом и нам пришлось убедиться при непосредственном знакомстве с архивами В.А.Жуковского. В Отделе рукописей Публичной библиотеки в Ленинграде нас ждали неожиданности и новые загадки: на страничке небольшой записной книжки (в зеленом переплете) действительно четыре раза встречается слово, которое издатель прочел как "клодовеки". В нашем исследовании мы принимаем эту расшифровку[8], но считаем важным отметить то, на что *не* указал И.А.Бычков. Во-первых, обращает на себя внимание, что слово предстает в разном написании: в первом случае оно разделено, дано на двух строках, причем отчетливо прочитывается часть "веки", во втором употреблении прочитывается как "клодовьеки" (в слове появляется мягкий знак); в третьем и четвертом

словоупотреблениях имеет место разное написание букв "л" и "д". Второе, что вызывает особый интерес: в последнем случае слово употреблено вместо двух зачеркнутых, первое из которых, очень неразборчиво написанное, можно прочитать как "много", второе - "рисунков". Факт такой замены косвенно подтверждает нашу версию о смысловых связях слов "рисунки" и "клодовеки". Вариантность в написании этого слова, его "разноликость" подводят к мысли, что оно могло быть известно Жуковскому только на слух, "с голоса". Если это так, может быть оно как-то связано с художником Рейтерном (у которого в это время гостил поэт), бытовало в его семействе, использовалось в этом семейном кругу?[9] И здесь возникает еще одна версия расшифровки слова, его семантических связей.

Судьба Герхарда Рейтерна как художника была весьма необычна: свои рисунки, картины, портреты он создавал левой рукой, правой руки он лишился в молодости, во время войны с Наполеоном[10]. Несчастье не изменило пути художника. Природные способности (проявившиеся еще в детстве) и непреодолимое желание рисовать дают ему силы "переучиться", он начинает пробовать работать левой рукой. К счастливым обстоятельствам его жизни, которые в дальнейшем помогли укрепиться и развиться таланту художника, можно отнести знакомство с Гёте и дружбу с В.А.Жуковским. С первой встречи (в 1814 году) и до конца жизни великого немецкого поэта, мыслителя, художника Рейтерн чувствовал понимание и одобрение своего творчества. Особое значение для Рейтерна имела высокая оценка его работ Жуковским, одним из просвещеннейших людей своего времени, большим знатоком искусства, живописи. Жуковский ценил и уважал не только талант художника, но и силу духа, преодолевающего недуг, увечье.

Возвращаясь к дневнику поэта, напомним, что он записал, находясь в Виллингсгаузене: "Поутру показывал свои рисунки и смотрел клодовеки", "перед обедом рассматривал клодовеки..." В латинском языке слово clādēs,is наряду с другими значениями имеет значение "увечье": c.dextrae manūs "утрата правой руки". Нет ли здесь связей с загадочным словом "клодовеки"? Вопросы, вопросы...

Предстоят дальнейшие поиски. Будем надеяться, что

клодовек и привлекут внимание других исследователей. И слово, наконец, раскроет свою тайну [7].

Примечания

I. Дневники В.А.Жуковского. С примечаниями И.А.Бычкова. СПб. I90I, с.4.
2. "Русский архив". М., I876. Книга вторая, с.99.
3. Дневники В.А.Жуковского... , с.4.
4. Веселовский А.Н. В.А.Жуковский. Поэзия чувства и "сердечного воображения". Пг. I9I8, с.443.
5. В.А.Жуковский как художник мало известен, хотя он оставил огромное количество рисунков (более двух тысяч), в основном - пейзажные зарисовки, исполненные в своеобразной "линейной" манере. Альбомы и отдельные листы с его рисунками хранятся в Государственном Русском музее и в Публичной библиотеке в Ленинграде, в Отделе рукописей Библиотеки им. В.И.Ленина. Некоторые работы находятся в частных собраниях за рубежом. Опубликована только малая часть этого замечательного наследия (см., например: "Тульский край в рисунках В.А.Жуковского. Тула, I974 г.).
6. Веселовский А.Н. Указ. соч., с.389.
7. Интересно привести слова одного из первых биографов В.А.Жуковского, его близкого друга, профессора К.К.Зейдлица, который, рассказывая о детских годах и начале обучения "Васеньки славянской грамоте", с долей шутливости писал: "Вместо черчения букв на аспидной доске, он рисовал мелом на столе и на полу разные рожи: причина, почему, может быть, почерк его остался навсегда дурным" (Жизнь и поэзия В.А.Жуковского, I783-I852. По неизданным источникам и личным воспоминаниям К.К.Зейдлица. СПб. I883).
8. Специалисты - исследователи почерка писателей первой половины XIX века, к которым мы обращались за консультацией, высказали сомнение в таком прочтении слова. Однако, на наш взгляд, можно довериться опыту издателя И.А.Бычкова, который с большим вниманием и тщательностью расшифровал все дневниковые записи В.А.Жуковского, сопровождая буквально каждую страницу подробными примечаниями, отмечая и разъясняя малопонят-

ные, неразборчивые места рукописи. Остается неясным, почему он никак не прокомментировал "клодовеки".

9. Первоначальное прочтение нами дневников поэта дает возможность думать, что слово используется только в приведенном контексте и в других местах не встречается. Для окончательного вывода следовало бы провести полное текстологическое обследование всех дневниковых записей В.А.Жуковского.

I0. Герхард фон Рейтерн родился в фамильном поместье близ города Валка бывшей лифляндской губернии (ныне Латвии) в I794 году. По свидетельству его биографа, Рейтерны принадлежали к старому дворянскому роду, считались поддинными русского престола, служили в русской армии (см: П.Майков. Русский художник в Германии. - "Русский вестник", I894, вып. 234; 9,I0). Будущий художник участвовал в Отечественной войне I8I2 года, в одном из сражений (уже под Лейпцигом) был тяжело ранен, лишился руки. Дальнейшая его судьба сложилась так, что, женившись, Рейтерн стал жить в Германии, но оставался российским подданным и даже был назначен (при содействии своего друга В.А.Жуковского) придворным живописцем.

II. Мне хотелось бы здесь выразить благодарность всем, к кому во время своих поисков я обращалась за советами, и прежде всего, Михаилу Викторовичу Панову, который указал мне на ряд исторических источников, отражающих художественную жизнь России середины XIX в.; доктору искусствоведения М.Я.Либману, сотрудникам Исторического музея и Библиотеки им. В.И.Ленина, коллегам из Института русского языка и Института языкознания АН СССР.

VII

Неизвестное письмо Д.Н.Ушакова
(предисловие и публикация Ф.Д.Ашнина)

Публикуемое ниже письмо хранится в Архиве АН СССР (ААН. Ф. 502. Оп.4. Ед.хр. 49). Оригинал не найден ни в Центральном Партийном Архиве ИМЛ при ЦК КПСС, ни в Центральном архиве КГБ СССР. Письмо напечатано на машинке и предоставляет собой скорее всего 4-й экземпляр, так что текст в значительной степени погас. Оно не датировано, а в том месте, где перечисляются гонимые ученые, содержит пробел длиной в три строки. Время написания приходится скорее всего на начало 1932 г.: именно в это время директорат состоявшего при Наркомпросе РСФСР Научно-исследовательского института языкознания НИИЗ во главе с воинствующим невеждой Бочачером Марком Наумовичем (1896–1939) учинил форменное избиение и беспардонное шельмование наиболее квалифицированных ученых – "индоевропеистов" НИИЗ'а и, через печать, далеко за его пределами.

Вопрос о заполнении пробела значительно труднее. Но если мы вспомним "Поливановскую" дискуссию 1929 года, воинственный Языкфронт, историю советизации Академии Наук в 1929–1930 гг. (интересный материал дает: Тугаринов И.А. История ВАРНИТСО, или Как ломали Академию в "год великого перелома" // Природа. 1990. № 7. С. 92–101) и в особенности полную политических доносов книжку "Против буржуазной контрабанды в языкознании". Л., 1932, то сам собою выстроится ряд, взятый мною в скобки < >. Предостережению ученого не вняли. В течение 1933–1934 гг. большинство названных мною ученых было репрессировано по так называемому "делу" академика М.Н.Сперанского по нелепому обвинению в принадлежности к контрреволюционной, национал-фашистской, террористической организации, существование которой позже не подтвердилось (всего по делу проходило более 50 человек). По счастью, Д.Н.Ушаков, ошибочно предоставленный как Д.И.Ушаков, был включен в список из 36 человек, в отношении которых было признано "необходимым дополнительное расследование и уточнение имеющихся материалов", и как показывает ЦА КГБ СССР не все выделенные в "отдельное производство" дела закончились печально. Возможно, объяснение счастливого для автора письма исхода надо искать в том, что у него оказался "двойник" с теми же фамилией, именем и отчеством, но родившийся десятью годами раньше в Сим-

бирске, арестованный УНКВД Курской области и растрелянный 26.8.1937 г. как "враг народа".

Может быть, уместно напомнить, что по словам дочери ученого, Натальи Дмитриевны Архангельской, Д.Н.Ушаков, уходя в гости, никогда не забывал наказать ей: "Если за мной придут, то пусть подождут. Приду тогда-то".

«Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Позвольте в интересах нашего социалистического строительства обратить Ваше внимание на резкое и систематическое извращение Вашего пятого условия по отношению к научным работникам той области, в которой я работаю в течение 25 лет - области языковедения. В настоящее время большинство старых (а отчасти и "средневозрастных") языковедов в значительной степени устранены от участия в академической, вузовской и общественно-педагогической жизни страны. Назову таких ученых: (В.А.Богородицкий, Д.В.Бубрих, В.В.Виноградов, Г.О.Винокур, И.Г.Голанов, Н.Н.Дурново, Г.А.Ильинский, Е.Б.Курило, А.И.Павлович, М.Н.Петерсон, А.М.Пешковский, Е.Д.Поливанов, П.А.Расторгуев, А.М.Селищев, В.Н.Сидоров, Н.Л.Туницкий, А.Б.Шапиро, Л.В.Щерба). Из вузов они или ушли (всегда в значительной мере вынуждено) или поставлены в них на задворки, из научно-исследовательских институтов их исключили (или, что удобнее, не включили в новый состав при реорганизации института), печататься они не могут, так как издательства боятся их печатать независимо от содержания ими написанного, словом заживопогребенность, социальная "зачумленность" - вот то "внимание" и "забота", которыми они окружены. Материально все они, конечно, так или иначе устроены, но иные из них работают лишь по побочным линиям своей специальности, иные совсем не по специальности. В то же время люди эти безусловно преданы советской власти. Некоторые из них с самого начала революции твердо и убежденно стали на позицию максимального сотрудничества с ней, другие как раз в последнее время пришли несмотря на личные неудачи к этой позиции.

Получается, таким образом, что в то время как в технике партия находит возможным использовать знания и опыт даже лю-

дей с весьма сомнительной политической репутацией, в нашей области отвергаются услуги людей, стоящих целиком на советской платформе. Правда, если считать, как это делают многие, Ваше пятое условие применимым только к технике в узком смысле слова, то противоречия здесь никакого нет. Но вряд ли такое толкование правильно, и в особенности в отношении языковедения. Ведь техническая грамотность возможна только на базе общей грамотности, а это последнее неразрывно связано с общим положением в стране языковедной науки и ее преподавания. В последней области, равно как и в самых процессах усвоения орфографии, литературной речи и чуких языков имеется как раз огромное количество чисто технических элементов, в разработке которых знания и опыт старых специалистов могли бы и должны были бы быть использованы.

Как известно, основной причиной всей "неувязки" является политическая кампания, поднятая в последнее время периодической печатью против так назыв(аемого) "индоевропейского" языкознания, т.е. в сущности против всего языковедения, взятого в целом (если не считать того ответвления его, которое в самое последнее время противопоставило себя стволу нашей науки под именем яфетидологии). Впервые в истории нашей революции взяты под подозрение не те или иные течения внутри науки, а вся наука в целом. Вся она объявлена метафизико-идеалистической, буржуазно-империалистической, классово-враждебной пролетариату. Вдобавок и только что упомянутое последнее течение в языковедении тоже подвергается такому же (хотя и менее ожесточенному) осуждению. Не входя здесь в критику всех этих осуждений, с которыми я ни научно, ни политически не согласен, не могу не отметить одного общего слабого места их: полнейшего невежества всех осуждающих в том, что они осуждают. Так среди головки НИИЗа, возглавляющего в свою очередь всю эту кампанию в стране в печати, нет насколько мне известно ни одного лица, прошедшего обычный аспирантский курс языковедения, и есть лица, не прошедшие даже университетского курса этой науки. В писаниях этих лиц, посвященных исключительно разгрому индоевропейского языкознания и яфетидологии, я тоже, говоря по совести, не нахожу никаких следов серьезного знакомства ни с индо-

европейским языковедением, ни с яфетидологией.

С полным осознанием возлагаемой на меня этими словами ответственности, я решаюсь утверждать, что вся эта кампания против нашей науки голословна, что она вся продиктована только невежеством и усердием не по разуму и что если бы был организован открытый общественный суд над этой наукой, представителям ее ничего не стоило бы снять с нее клеймо реакционности и антисоветскости, которое на нее сейчас наложено.

Вместе с тем, если даже на мгновенье допустить столь невероятную вещь, как стопроцентная реакционность целой науки со всеми входящими в нее школами и теченьями, то и это все-таки не давало бы ей права сделать вывод, что знаньями и опытом старых специалистов в этой области нельзя пользоваться. Возникла бы проблема использования технической стороны их знаний и обезвреженья идеологической стороны. Эта проблема по отношению к отдельным представителям науки и отдельным ее течениям и сейчас существует, и не в одном только языковедении. По этому вопросу, равно как и по тесно связанному с ней вопросу об организации подлинной марксистской реконструкции всего гуманитарного знания в замен этой "проработки" старых специалистов и друг друга, которая сейчас выдается за эту реконструкцию, у меня имеется ряд систематических и достаточно известных соображений, которыми я не рискую здесь утруждать Ваше внимание, но которые могут быть представлены по первому требованию».

Л.А.Капанадзе

Мемуар о фантастическом учителе

Стихи надо писать так, что если бросить стихотворение в окно, то стекло разобьется.

Даниил Хармс

Что может быть менее фантастическим, чем школьная грамматика, вбиваемая в нас по нудной школьной методике? "Смотреть, видеть, ненавидеть, ... терпеть, вертеть". А еще - уж, замуж, невтерпеж. -Ат-ят, -ут-ют. Все это мы проходили, долбили, зубрили, - каждый в разные годы и в разных школах, но неизменно тоскливо и мучительно.

А бывает так. Школьное утро. Все сидят невыспавшиеся и нервно шелестят страницами учебников (какой параграф задавали, 76-ой?). Вбегает учитель - "Садитесь, здравствуйте" (всегда в такой последовательности), - берет мел и спокойно, не спеша, при полном молчании просыпающегося класса рисует на доске огромный гвоздь. Отходит в сторону, любуется (изображение весьма реалистическое). Затем начинается урок: - Знаете, есть у Самуила Маршака такой перевод английской народной песенки:

"Не было гвоздя - подкова пропала,
Подкова пропала - лошадь захромала и т.д."

А затем весело, легко, вовсе не дидактично рассказывает о "мелочах" грамматики и стилистики, исключениях из правил и прочих каверзах, о том, как какая-то деталь решает дело. Поверьте - это запоминается на всю жизнь.

Или такой прием. Злополучный винегрет, где всегда переставляются гласные. Объяснение учителя: запомните, это от французского **vinaigre** - "уксус" (а в школе изучается немецкий язык!). И это также запоминается навсегда.

В школе часто забывают (хотя много говорят) о том, что восприятие и память в эти годы свежи и вбирают в себя все, кроме скучного. Разумеется, расцветить и раскрасить каждый урок, каждое объяснение, каждое маленькое замечание под силу не каждому. Но именно таким был наш учитель русского языка и

литературы Михаил Викторович Панов, наш ЭМ ВЭ. Это было в 50-х годах, еще недалеко была война, и наш учитель недавно вернулся с фронта; мы знали, что он прошел войну артиллеристом, командиром батареи, - все это добавляло уважения и восхищения, хотя планка уважения и любви и без этого стояла на очень высокой отметке.

Что невозможно подделать - это искренность. Искренность желания учить, объяснять, разъяснять, прояснять. Всю жизнь ЭМ ВЭ учит - студентов, аспирантов, учителей, научных работников, методистов, - и все его подопечные завороженно смотрят ему в рот. Что же говорить о школярах! И знали-то мы с гулькин нос, скверно писали, невнятно выговаривали. Оказывается, и такими мы были интересны учителю, все чувствовали его небезразличие к нашей судьбе.

О выговоре. С самого начала классу было объявлено, что есть на свете такое прекрасное московское произношение, и лучше всего им овладеть. Надо говорить: Белинск[ъи], Маяковск[ъи]. Надо говорить: ску[ш]но, коне[ш]но. Ску[ч]но - это мещанский говорок (мещанками мы очень боялись быть). Конечно, в Ленинграде говорят [ш'ч]ука, но если уж вы придерживаетесь петербургского произношения, то будьте последовательны. А вообще-то за произношение "велик[ии] Маяковск[ии]" можно было и пару схлопотать. Так что выбора, честно говоря, не было, - становились "москвичами". Как видите, у нас было не "звуки и буквы", не фонетический разбор, а разговор о речевой характеристике человека, о речевом портрете (вон когда ЭМ ВЭ уже думал об этом!). Собственный облик, так сказать, "имидж", очень нас увлекал. А тут еще сообщалось о просторечии, диалектах русского языка, их богатстве, разнообразии, о счастье выбора слов и выражений. Слово "счастье" вообще часто порхало на уроках. Бог весть, были ли мы счастливы, но счастливыми на этих уроках мы были.

Ну, кто еще, кроме ЭМ ВЭ, мог позволить себе отвлекаться на древнерусский язык, этимологию слов? А мы уже в школе знали, что "конец" и "начало" - однокоренные слова. Могли написать эти слова с юсами, ерами и прочими интересными знаками. Мы знали, что "Война и мир" Льва Толстого писалась через "и" восьмеричное, а "Война и мiр" Маяковского - через "и" десятери-

чное, и это очень неспроста. Язык оживал, появлялось третье измерение, объемность, а потом и четвертое измерение - поэтика, стилистика, фантастика, чудо искусства, чудо существования слова в искусстве. Все, кто хоть немного знает Михаила Викторовича, догадывается, что вести уроки без шуток, затей и забав он не мог. Он был Введенским, Хармсом, ранним Маяковским, Хлебниковым, Кандинским и Пикассо, и кем только он не был! И еще Таировым и Мейерхольдом, нежно им любимыми. Это был настоящий Театр Панова! Вспомним, что времена те были благоприятны совсем для других имен. А они, эти официальные имена, на уроках ЭМ ВЭ почти не звучали. О том, что не везде так, как у нас, мы догадывались и тогда... Мы выпускали еженедельную устную газету о новостях искусства и литературы, читали на уроках стихи и прозу, устраивали диспуты, но почему-то "просто" школьная программа выполнялась раньше, чем в других школах. Простая грамотность тоже не была забыта. И у всех без исключения наших учеников, когда они стали абитурой, экзаменаторы спрашивали, в какой школе они учились. Но триумф учителя был, разумеется, не в этом.

ЭМ ВЭ преподавал не только русский язык, но и литературу. Мы впервые ощутили, что литература - искусство, а русская литература не только общественный феномен, но она наполнена нестандартной мыслью, психологична, необычайно разнообразна по стилистике. Сам-то ЭМ ВЭ любил литературу остраненную, футуризм, экспрессионизм, и вообще 20-ый век больше 19-го. Такое создавалось впечатление.

В стесненное школьное расписание смело внедрялось Искусство, - не только проза, поэзия, но и живопись, театр (Мейерхольд!). Уроки литературы ЭМ ВЭ все равно не перескажешь, так что самое время перейти к той "внеклассной" работе, которую он вел постоянно. Перечисление: литературный кружок, общешкольная лингвистическая газета "Язык", литературные диспуты, устные журналы, радиогазета. Все это ЭМ ВЭ создавал, придумывал, редактировал. Вокруг него постоянно существовал круг учеников, которым не лень было писать стихи, поэмы и романы, рисовать карикатуры, шаржи, сочинять эпиграммы. Все это было, разумеется, "школьного" качества, но направлялось рукой твердой и искусной. Помнится, в те годы ЭМ ВЭ любил высту-

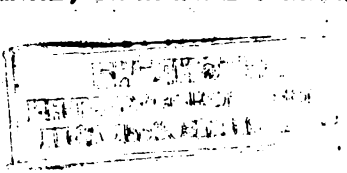
пать и в качестве художника. Все подробности сейчас не опишешь, но главное заключалось как раз в подробностях и деталях.

Михаил Викторович всю жизнь был журналистом, выпуская стенгазету в Горпеде, а потом в Институте русского языка. Был Писателем, - во всех своих книгах, во всех своих статьях, и в книгах для школьников тоже. Вошли в обиход Какографополь, Вова Бутузов и Настя Кувшинчикова, Иван Семенович Полупшённый... А все они начинались в нашей школе.

Давно это было.

Школа осталась заботой Михаила Викторовича на всю жизнь. Многие годы отданы им школьному учебнику по русскому языку, - собирается коллектив энтузиастов, вырабатывается методика, художественные приемы и разнообразные "куштюки" для запоминания и уяснения правил и законов языка.

Без преувеличения можно сказать, что все научно-популярные книги о русском языке, выходившие до сих пор, делятся на две части: книги Панова и все остальные. В книгах Панова живет постоянное ощущение тайны и поисков истины, здесь своя география (страна Опельсиния, Какографополь), своя история (гражданка Порожковская в городе Перетянужске), свои легенда, сказки, анекдоты. Обаяние Панова-писателя так велико, что его книги читаются как приключенческие романы, хотя в каждой из них трактуются очень серьезные научные проблемы, часто не решенные, спорные. Талант невозможно "объяснить", и все же рискну заметить, почему так явственно отличаются от других книги, статьи, заметки М.В.Панова. Среди нас живет свободный человек, независимый человек, - ни преходящая мода, ни установления свыше, ни регламентация нашей жизни и ее постоянные стеснения не касаются его. Цена за свободу высока, но кто умеет "за ценой не постоять", тот становится Учителем. Ученым, писателем, первопроходцем. Человеком, которого любишь, помнишь всю жизнь, вспоминаешь с благодарностью.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вводное слово..... 5

I

Гловинская М.Я. Русские речевые акты "поздравлять" и "желать"..... 9

II

Горшкова К.В. О развитии фонологических идей..... I3
Булатова Л.Н. О связи московской диалектологической школы с московской фонологической школой..... 22
Касаткина Р.Ф. О фразовых условиях фонетической вариативности гласных..... 3I
Касаткин Л.Л. К истории твердости - мягкости заднеязычных согласных в русских говорах..... 44
Каленчук М.Л. О фонетической и орфоэпической подсистемах русского литературного языка..... 58
Кузьмина С.М. Лишний термин?..... 70
Букчина Б.З. Об одном негласном орфографическом исключении 75

III

Храковский В.С. Наклонение и время (к вопросу о взаимосвязях грамматических категорий..... 77
Лихтман Р.И. Словообразовательные отношения и словообразовательная семья..... 87
Ильина Н.Е. Парадигматика и синтагматика в морфонологии.. I02
Воронцова В.Л. Морфонологическая модификация основы слова и место ударения..... II2
Ширяев Д.Н. Московская лингвистическая школа и синтаксис. II8

IУ

Новиков В.И. Сеятель очей (М.В.Панов - литературовед)..... I30
Ковтунова И.И. Поэтика контрастов в романе В.В.Набокова"Дар" I40
Кожевникова Н.А. Слово в прозе А.Платонова..... I62
Степанов Ю.С. К построению общей модели русской речевой цепи и русского стиха..... I76
Седакова О.А., Котов В.А."Болящий дух врачует песнопенье": о конструктивной роли вокализма в стихе..... I88

Красильникова Е.В. Школа, педагог, дети (к изучению словаря поэзии Н.А.Заболоцкого)..... 195

У

Крысин Л.П. М.В.Панов - социолингвист..... 207
Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи в современном русском языке..... 224
Земская Е.А. Речевой портрет ребенка (к вопросу о системности некодифицированных сфер устной речи)..... 241
Кривулин В. Пушкинские фамилии..... 261

УІ

Толстой Н.И. Два иностранных свидетельства ХУІ в. о славянах, о русских и о русском языке..... 265
Голанова Е.И. Что такое "клодовеки"?..... 281

УП

Неизвестное письмо Д.Н.Ушакова (публикация Ф.Д.Ашнина)... 287

УШ

Капанадзе Л.А. Мемуар о фантастическом учителе..... 291

Оглавление..... 295

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР
Редакторы М.Я.Гловинская, Е.А.Земская

Подписано в печать Заказ №
Тираж Формат Объем 13 п.л.
Цена 1 руб.50 коп.

Типография

Подп. в печ. 8.09.91г. Тираж 500 экз. Заказ № 663
Цена 2 руб. 50 коп.

Централизованная типография ГА "Союзстройматериалов"

Цена 2 руб. 50 коп.